смена

Орден
Знак
Почета

смена

№1 ЯНВАРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2016

№1 январь 2016

О жизни маркизы Луизы Казати читайте на стр. 90

смена январь 2016 16+

Литературные страницы МСПС

Варвара Клюева **Ночь чудес** 4

Иван Переверзин **Стихи**....74

Дмитрий Ахметшин **Стреляный воробей** 106

Евгений Алфимов **Отец** 116

Александр Марков **Главное, чтоб не тонули корабли...** 138

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Всех живущих прижизненный друг**....20

Факты и гипотезы

Геннадий Смолин **Вечный гений**....48

Замечательные современники

Елена Александрова **Юлия Мазурова: «Хочу быть человеком мира!»** 66

Елена Воробьева **Владимир Жеребцов: «Я люблю всегда быть разным»** 84

Художник и муза

Ирина Опимах **Живой шедевр**.... 90

Итоги конкурса

Валентина Рогожникова **Маленькая моя** 121

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Русский мастер американского балета** 128

Это интересно

Светлана Бестужева-Лада **Королева домохозяек**.... 152

Детектив

Иосиф Гольман **Защитница-2**.... 162

Кроссворд. Эрудит 188

смена

Основан в январе 1924 года

январь 2016

№ 1815

Главный редактор, генеральный директор	Кизилов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Артист театра и кино Владимир Жеребцов
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:
ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8200
Зак. №1679
Цена свободная
Номер подписан в печать: 17.12.2015

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Скандальная репутация, сопровождавшая литературную судьбу Лескова, на долгое время заменила ему посмертную славу. Он пришел в большую литературу из очеркистики как кудесник слова и в этом качестве был, в конце концов, признан. Он имел право заявлять: «Я думаю, что знаю русского человека в самую глубь его и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе». Лев Толстой называл Лескова «самым русским из наших писателей», а еще — «писателем будущего». Вот за это он и приобщен благодарными потомками к сонму русских классиков.*

Юрий **Осипов** «Самый русский писатель»

«*В российской истории, богатой нераскрытыми до сих пор тайнами, есть легенда о «старце Федоре Кузьмиче», которая касается обстоятельств смерти императора Александра I. Это многочисленные слухи о том, что он якобы не умер в Таганроге, а выздоровел, приказал положить в гроб другого человека, а сам отправился в неизвестные края, чтобы через несколько лет появиться в Пермской губернии под именем старца Федора Кузьмича.*

Денис **Логинов** «Легенда о старце»

« Беседа журналиста Андрея **Колобаева** с писателем, автором детективных романов ***Даниилом Корецким***.

У каждого читателя свой Даниил Корецкий. Для одних он — профессор, криминолог и очень крутой эксперт в области закулисья преступного мира. А для других — знаменитый писатель, автор нашумевших романов «Антикиллер», «Оперативный псевдоним», «Рок-н-ролл под Кремлем» и других. Сам он прекрасно совмещает все свои ипостаси и успевает читать лекции будущим асам юриспруденции, писать романы и сценарии и даже сниматься в кино.

« Детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Бабочки на воде»

Варвара Клюева

Ночь чудес

Машина пробивалась сквозь снежную ночь, посеребренную светом фар. «Дворники» с мерностью метронома сновали по лобовому стеклу, героически удерживая последний плацдарм — прозрачную «полынью» в плотной раме из налипшего на стекло снега. За сплошной завесой из падающих хлопьев с трудом угадывалось пустое шоссе, зажатое с двух сторон черно-белой стеной леса.

Ленка Замятина (для своих — просто Зяма) покосилась на Кирилла. Судя по довольной физиономии и движениям корпуса, подергивающегося в такт льющемуся из динамика «хиту» сезона, сложные погодные условия водителя не смущали. Его приятеля Сэма не беспокоила не только стихия снаружи, но и музыка, гремевшая в салоне: парень безмятежно спал, запрокинув голову на спинку заднего сиденья. Ленкина подруга Бяша, уютно устроившись рядом с ним, увлеченно играла в какую-то игру в своем смартфоне. Отчего же, спрашивается, скребут кошки у Ленки на душе?

Не в том же дело, что они обманули предков, сказав, будто едут встречать Новый год на дачу к однокурснице? Разоблачить их практически невозможно, поскольку все Лизкино семейство укатило в экзотический Непал, оставив на автоответчике сообщение, чтобы звонили им только после новогодних каникул. А что до моральной стороны вопроса, то она Ленку не волновала. В девятнадцать лет честность в отношениях с родителями могут позволить себе лишь безнадежные «ботаны» и скучнейшие маменькины дочки. Да, по сути, и обмана-то никакого нет. Что дача, что частный дом на берегу Селигера… Подумаешь, пара сотен лишних километров! Ну, состав у компании немного другой. Так ведь они не обещали, что у Лизки на даче не будет молодых людей, верно? Но попробуй, объясни родителям, кто такие Кирилл с Семеном! Сразу с вопросами полезут: «Где

вы с ними познакомились? Когда?» И все равно пришлось бы врать, потому что за правдивым ответом — в ночном клубе две недели назад — вполне мог последовать вызов реанимобиля. Можно подумать, в ночных клубах развлекаются исключительно подонки и отморозки!

На плечо Кирилла легла маленькая Бяшина ручка. Он убавил звук и вопросительно посмотрел в зеркало.

— Кир, останови, пожалуйста, мне в кустики нужно. Замятина, сходишь со мной за компанию?

Кирилл, хохотнув, предложил в компанию себя, а у Ленки екнуло в груди. Когда-то, еще в школе, они с Бяшей придумали свой тайный код, и обращение друг к другу по фамилии на этом коде означало сигнал опасности. Но Бяшин голос звучал совершенно спокойно:

— Нет уж, давайте по старой доброй традиции. Девочки — налево, мальчики — направо.

— А не рановато ли вам налево? — продолжал веселиться Кирилл.

Бяша, послав ему через зеркало кривую ухмылку, толкнула заднюю дверь остановившейся машины:

— Идешь, Замятина?

Ленка вывалилась из салона и потрусила за Бяшей на другую сторону дороги.

— Эй, через дорогу-то зачем? — крикнул им вслед Кирилл. — Налево можно было и тут сходить.

— Там лес гуще! — бросила Бяша через плечо и спрыгнула с обочины.

Ленка скатилась следом, кинулась за Бяшей в кусты и остановилась, ожидая объяснений. Но подруга только прошипела сквозь зубы: «Быстрее!», схватила ее за руку и потащила дальше в лес.

Они бежали (если процесс барахтанья в снегу, в который проваливаешься по пояс, а то и вовсе падаешь, залепляя себе глаза, нос и рот, можно назвать бегом) где-то полчаса, потом решили передохнуть и присели у дерева, прижавшись спиной к его стволу и жадно глотая воздух вперемешку с летящими снежинками. И только когда Бяша отдышалась, наконец, после «марафонского броска», она открыла Ленке причину их бегства.

— Я забила в поисковик номер Сэмова мобильника. Не спрашивай, что меня стукнуло, должно быть, ангел-хранитель затрещину дал. Короче, ссылочка вела на интересный такой сайт знакомств. А там объявление: «Властный господин ищет покорную рабыню». И обещание неземного счастья в виде всяческих удовольствий, самое невинное из которых — порка. Подписано, правда, дон Доминго, но номер тот самый. Ты чувствуешь в себе позывы к покорному рабству? Вот и я — нет. Доехать с ними до уединенного домика в здешней глухомани и объяснить, что мы знаем о сексе только из Интернета и категорически не одобряем его извращенные формы?

— Нет, но… — Ленка, проверяя крепнущее в душе подозрение, достала из кармана мобильник, убедилась, что связи больше нет, обвела взглядом обступившие их во тьме заснеженные елки и вздохнула: — Как ты предлагаешь отсюда выбираться?

— Ногами, — решительно ответила Бяша, вылезая из своего сугроба, и гордо продемонстрировала наручные часы, включив подсветку: — Зря вы надо мной насмехались: «Зачем тебе этот анахронизм? Кто теперь такое носит?» А они, между прочим, с компасом. Если будем держаться одного направления, рано или поздно выгребем на какую-нибудь дорогу. Пошли. Снег перестал сыпать, теперь будет полегче.

Три часа спустя ее решительности заметно поубавилось. Они устали, мышцы ног, обтянутых промокшими джинсами, одеревенели и отказывались повиноваться, снег, набившийся в коротенькие угги, постепенно таял и стекал к замерзающим ступням.

— Надо разводить костер, — вяло проговорила Бяша, когда они в очередной раз сели передохнуть на поваленный ствол и поняли, что никаких сил отлепиться от него у них не осталось.

— Угу, — безразлично согласилась Ленка, собираясь прилечь.

— Зяма, соберись! Нельзя спать, замерзнем.

— И очень хорошо.

— Не будь свиньей, я не хочу умирать.

— Вот и разводи костер.

— Ага, а ты будешь дрыхнуть? Хитренькая какая…

Наверное, это были бы последние Бяшины слова, когда бы не вмешалось чудо. Они все-таки уснули на том поваленном дереве и, скорее всего, не проснулись бы, если бы не громкий треск и не вспышки, осветившие низкое ночное небо.

— С Новым годом! — сонно пробормотала Ленка. Потом, внезапно осознав происходящее, скатилась со ствола и затрясла Бяшу:

— Женька, просыпайся! Мы пришли, слышишь? Петарды! Рядом! Скорее, пока не прекратился этот салют!

Эйфория от близости спасения оказалась хорошим тонизирующим, и, хотя ноги плохо слушались, отказываясь бежать, до опушки леса девушки добрались на удивление прытко. Во всяком случае, петарды у неведомых спасителей еще не кончились. И вот в неверном серебристо-сиреневом свете переливающихся в небе звездочек фейерверка глазам беглянок открылась картина, достойная камеры Бунюэля. На краю мертвой деревни — десятка занесенных по крыши изб с черными провалами окон — стоит празднично освещенный крепкий, почти новый бревенчатый дом. Посреди вытоптанного перед ним в снегу пятачка торчит елка, наряженная шарами, мишурой и горящими свечками. А в нескольких шагах от нее скульптурно замерла

группа из пяти человек, и все, как один, с отвисшими челюстями таращатся на «явление из леса».

Первым очнулся двухметровый гигант в овчинном тулупе и дурацкой вязаной шапочке, из-за которой голова над богатырским торсом казалась крошечной.

— Здрасьте, девочки! Вы откуда?

У Ленки, только теперь сообразившей, что им предстоит расписаться в собственной дурости перед незнакомыми взрослыми, язык прилип к небу. Но Бяша, видимо, успела подумать о неприятном объяснении заранее, поскольку выдала, не моргнув глазом:

— От шоссе. Кавалеры везли нас на Селигер, но в пути выяснилось, что они нам не подходят.

Услышав это заявление, неохватная бабища (тоже вполне гренадерского роста), стоявшая рядом с гигантом, громко фыркнула:

— А до поездки проверить кавалеров на совместимость мозгов не хватило?

Брюнетка в белом полушубке, которая на фоне гиганта и гренадерши выглядела Дюймовочкой, печально посмотрела на нее и произнесла:

— Лада, давай, потом их отчитаешь? От шоссе до нас не меньше десяти километров, девочки совсем замерзли.

— А ну, быстро в дом! — скомандовала грозная Лада и обернулась к мужчинам: — А вы, братцы-тунеядцы, бегом топить баню!

«Тунеядцы» в количестве трех экземпляров выразительно переглянулись.

— Вот те и здравствуй… кхм-кхм… Новый год! — высказался худощавый субъект с бровями Карабаса-Барабаса.

— Совесть у тебя есть, Эллада Батьковна? — гротескно изобразил пьяную обиду обладатель выдающейся челюсти. — Мы целый день как каторжные вкалывали! Почто нас бездельниками клеймишь?

— Эллочка, она еще не выстыла, мы часа два всего, как париться закончили, — подобострастно засюсюкал гигант.

— Марш, я сказала! — рыкнула Эллочка. — А вы чего стоите, красотки кабаре? Ласты склеить собрались? Бегом в дом!

В доме Ленку с Бяшей быстро раздели, закутали в одеяла, напоили горячим глинтвейном. А вот поесть гренадерша толком не дала. Положила по паре ложек салата, а в ответ на жалобные взгляды сказала, как отрезала:

— Успеете налопаться. Париться надо натощак.

Однако, несмотря на ее предусмотрительность, Ленке баня впрок не пошла. Стоило ей полежать минут пять на нижнем (самом прохладном!) полке, как у нее потемнело в глазах. Поняв, что вот-вот потеряет сознание, она чуть ли не ползком выбралась в темный предбанник. Но воздух, нагревшийся от внешней стенки печи, мгновенного облегчения не принес.

Тогда Ленка подползла к наружной двери, чуть-чуть приоткрыла ее и приникла носом к щели.

И мигом позабыла о дурноте, потому что услышала шепот:

— Чертовы шалавы! Что же теперь, все отменять?

— Не гони. У нас в запасе три ночи. Избавимся завтра от девчонок…

— Дурак, нельзя это дело на завтра переносить! Забыл, на чем сценарий построен?

— Может, их тоже… того? Так даже убедительнее выйдет.

— И не жалко тебе этих молоденьких дур? Ладно, подумаем. Пара часов у нас еще точно есть. Пошли отсюда, пока нас не хватились.

Через минуту после того, как стихло поскрипывание удаляющихся шагов, в голове у Ленки прояснилось, сердце перестало бухать в ушах, и она бросилась назад, в парилку.

— Женька, вставай! Нас хотят убить!

Разморенная Бяша на ее трагический шепот отреагировала возмутительно: посоветовала подруге проветрить мозги. Но, когда Ленка слово в слово воспроизвела подслушанный диалог, слегка ожила: открыла глаза, посмотрела испытующе, села, а потом и вовсе слезла с полка.

— Ладно, пошли охолонем.

После того как Бяша нашарила выключатель и зажгла в предбаннике свет, Ленка и сама едва не усомнилась в том, что зловещий разговор за дверью ей не померещился. Уж очень мирной выглядела картинка: на круглом столе — расписные керамические кружки и две бутылки — с квасом и морсом, на деревянной лавке аккуратными стопками сложены полотенца, две запасные простыни, лыжный костюм и леггинсы с шерстяной туникой, пожалованные дюймовочкой-Полиной. Просто идеальная декорация к кинофильму о добросердечных людях, которые приняли участие в двух малолетних дурах, ищущих (и нашедших!) приключения на свою голову…

— Может, это розыгрыш? — предположила Бяша, разливая по кружкам морс.

— Розыгрыш? Да им, наверное, лет по сорок!

— Угу. А шутить показано только до двадцати, в крайнем случае, до двадцати пяти. После — просто неприлично…

— Но не также по-идиотски! Ты можешь себе представить, чтобы наши родители так подшутили над кем-то из наших сверстников?

— Ну-ууу… — протянула Бяша и неохотно признала, что, пожалуй, нет. Но поверить в серьезность угрозы все равно не спешила. — И все-таки что-то тут не так. С чего бы убивцам шептаться о своих злодейских замыслах под дверью бани, в которую нас только что спровадили?

— А где им еще шептаться, если кругом сугробы по грудь? Не в доме же и не под елочкой — у всех на виду? Баня — единственное место, к кото-

рому прорыта дорожка и которого не видно от дома. В парилке — ни окон, ни внешних дверей: голосов, а уж тем более шепота с улицы не услышишь. Они же не знали, что я там пяти минут не выдержу, да еще наружную дверь приоткрою…

— Да уж, в зимнюю ночь после парилки бдить под щелью двери додумается не всякий гений, — ехидно поддакнула подруга. — Ладно, убедила. Что будем делать?

— Удерем? — неуверенно предложила Ленка. — Десять километров до шоссе как-нибудь осилим. Только нужно как бы невзначай узнать направление.

Женька взглянула на нее с любопытством естествоиспытателя, наткнувшегося на неведомую науке живность.

— Да? А ничего, что убивцы тут же радостно кинутся отыгрывать свой «сценарий»? Или от тебя ускользнуло, что, вообще-то, в жертву наметили не нас? Мы — всего-навсего внезапно возникшая в их замысле помеха, которую требуется устранить. Нет, я, конечно, понимаю, что создавать людям сложности нехорошо, и устраниться самим обойдется дешевле…

— А что ты предлагаешь? — возмутилась Ленка. — Рассказать про злодейский шепот всем присутствующим? Мы с тобой почти десять лет дружим, и то ты первым делом послала меня проветрить голову. А за кого нас примут незнакомые люди? Хорошо, если просто за безумных девиц с паранойяльными фантазиями!

— Мне по фигу, за кого нас примут, — задумчиво сказала Бяша. — Главное, не факт, что наше выступление остановит злодеев. Может быть, не этой ночью и не в эту поездку, но рано или поздно они к своей задумке вернутся — раз уж дозрели до светлой мысли угробить за компанию парочку залетных юниц. Вот если бы мы дознались, кто и кого собирается убрать… Ты уверена, что не сможешь как-нибудь опознать шептунов?

— Разумеется, не смогу! Я их не видела, не слышала голосов. Не знаю даже, разговаривали мужчины или женщины. Хотя нет, по крайней мере, один из них — мужчина. Женщину бы дураком не обозвали.

— Гениально, Холмс! — восхитилась Бяша и вдруг подозрительно затихла.

— Ты чего? — вскинулась Ленка, заметив, что подруга таращится в пространство.

— А ведь, если подумать, не так уж мало мы знаем… Три ночи в запасе — похоже, дневное время суток для выбранного ими способа убийства не годится. Сценарий. Хотят изобразить несчастный случай? И рассчитан этот сценарий именно на сегодняшнюю ночь… Потому что новогодняя? Причем позволяет легко пополнить число жертв двумя приблудными девицами, более того — становится от этого только убедительнее. Как минимум, один из злодеев — мужчина. А их здесь всего-то трое…

— Что ты там бормочешь? — заволновалась Ленка, видя, что в Женькиных лисьих глазках разгорается охотничий азарт. — Ничего мы не знаем! Ни кто, ни почему, ни кого, ни как. Да что там говорить, мы не знаем даже, сколько человек они собираются прикончить! И даже количества убийц, если на то пошло. Я ведь не видела, сколько их там за дверью стояло.

— Тем интереснее. Раскрыть убийство, когда известно, кого и как, способны даже клинические идиотки Донцовой. То ли дело — спасти людей от невесть скольких убийц при неизвестном заранее способе умерщвления.

— Женька, это не игрушки! Мы с тобой не спецы по раскрытию убийств!

Но Женька уже закусила удила, и остановить ее разумными доводами было нереально.

— Зато почти спецы по сценариям, даром, что ли, нас на втором курсе сценарного факультета держат? Не дрейфь, Зямка! Вряд ли они начнут убивать сразу: им еще придется вписать нас в свою схему. А мы тем временем понаблюдаем, пораскинем мозгами. Закрой рот! Если ты сейчас скажешь что-нибудь про профессора Плейшнера, я завизжу. Ненавижу этот тупой анекдот.

Когда они вышли из бани, веселье на пятачке у елки било ключом. Мачо с выдающейся челюстью и дюймовочка-Полина отплясывали нечто, отдаленно похожее на краковяк, а гигант и Карабас-Барабас, хохоча, отбивались от вываленной в снегу Эллады.

— Эй, девчонки, на помощь! — завопил гигант. — Наших бьют!

— Спасибо, я справляюсь, — пыхтя, заверила гренадерша и опрокинула его напоследок в сугроб. — Ну, хватит. Пошли за стол, пока эти гулены во второй раз не померзли.

И снова Ленка усомнилась в реальности подслушанного разговора: разве могут так беспечно веселиться люди, задумавшие убийство? Не пригрезился ли ей тот шепот из-за дурноты?

Дом — изба-пятистенок — не имел ничего общего с современными загородными коттеджами. Сени, узкая кухня с дровяной плитой, отделенная от кухни бревенчатой стеной комната с огромной печью выглядели декорацией к фильму про деревенскую жизнь позапрошлого века. Разве что потолки необычно высокие, под три метра. А так даже мебель, похоже, сколочена вручную. Длинный стол, лавки, огромная кровать, вдоль стен шкафы с ситцевыми занавесочками, заменяющими дверцы. На кухне — открытые навесные полки, узкий топчан. И древняя утварь — ухват, глиняные горшки, медный самовар, медный же рукомойник, берестяные ведра… Гармонию нарушали только электрические лампочки, небольшой холодильник да сервировка накрытого в комнате стола — если по отношению к пластмассовой посуде уместно слово «сервировка».

Подруги заранее условились, что за стол сядут порознь, чтобы, как выразилась Бяша, «сравнить показания подозреваемых». Ленка примостилась в уголке рядом с Полиной (та внушала меньше всего опасений), а тщедушная Женька храбро втиснулась между гигантами Ильей и Элладой, которые, кстати, оказались мужем и женой. На противоположной лавке вольготно расположились муж Полины Роман, он же Карабас-Барабас, и мачо с мужественным подбородком, отзывавшийся на имя Ник.

Благоразумное решение — не пить ничего, кроме воды, и есть только «нарезку» — полетело к чертям в первые же минуты застолья. Хозяева налили залетным гостьям шампанского и потребовали, чтобы пластиковые фужеры были осушены стоя и до дна. За счастье в наступившем году. Потом девушкам наложили на тарелки гору разнообразной снеди и безжалостно следили за процессом ее поглощения. Бледную Бяшину попытку вякнуть что-то протестующее Эллада пресекла единственно силой взгляда. План разговорить хозяев и выяснить, какие скрытые течения гуляют в подводных глубинах их видимой дружбы, тоже едва не оказался под угрозой срыва, поскольку подозреваемые сами жаждали выступить в роли следователей и выведать подробности «истории с кавалерами». От допроса удалось уклониться только благодаря доброте Полины, заметившей, что девочки отвечают крайне уклончиво, и деликатно сменившей тему. Но позже, когда сотрапезники захмелели, и общий разговор растекся на отдельные ручейки, дело у самозваных сыщиц потихоньку пошло на лад.

— Какой необычный дом, — закинула удочку Зяма, обращаясь к соседке по столу. — Я таких… э-э… анахроничных никогда не видела.

— Что, посконный примитив? — рассмеялась Полина. — Есть немного. Это все Ромка. Он у меня романтик-отшельник, как узнал про эту брошенную деревню, так сразу и завелся. Пристал с ножом к горлу: давайте, мол, купим тут дом. Вы видели эти дома? Одно название. Покосились, в землю ушли, полы прогнили, крыши худые. А дорог нет. Деревня-то больше полвека как опустела, раньше была грунтовка через лес, да заросла. Так что мы сюда все на своем горбу тащили — от инструментов до последней тряпки. На себе и на вьючных лошадях. Бревна валили, пилили и тесали прямо здесь. Чтобы сложить новые печи, пришлось штук пять старых разобрать на кирпичи.

— И что, все — сами? — недоверчиво спросила Ленка.

— Не совсем, — улыбнулась Полина. — Сами мы лет пять провозились бы. А с бригадой строителей управились за сезон. Но досталось всем изрядно — и шабашникам, и нам. Ромка с Илюхой две недели почти не спали, пока не запустили свою электростанцию…

— Электростанцию?!

— Ну да. Автономную, ветро-солнечную. Видели за домом здоровенную мачту с пропеллером? А на крыше — панель с фотоэлементами. То-

же, можно сказать, самодельные: у нас свой заводик по производству ВСЭУ. Здесь, неподалеку, в Ржеве.

— У вас пятерых? — осторожно уточнила Ленка.

— Ну, если подходить к вопросу формально, то собственники — Роман и Илья. У Никиты свой бизнес — каши в пакетиках. А мы с Ладой вроде как вообще не при делах… Но по факту у нас почти коммуна. Еще с девяностых так повелось.

Ленка произвела в уме нехитрые подсчеты и спросила:

— Вы вместе учились?

— Мы с Ромкой — да. В «плешке». А ребята еще школьниками познакомились, на сборах. Они бывшие спортсмены, выступали за «Буревестник». Ромка с Ником — легкоатлеты, Илюха с Ладкой — баскетболисты, — объяснила Полина и усмехнулась, заметив изумленный взгляд, который Ленка бросила на неохватную Элладу. — В юности она выглядела немного по-другому. Это после первых родов пошло-поехало: гормональный дисбаланс и прочие радости. Зато у них с Илюхой двое замечательных мальчишек — Ромка и Егорка. А Илюха до сих пор с жены пылинки сдувает.

Произнеся последнюю фразу, она вдруг умолкла, из чего Зяма сделала вывод, что в отношениях Романа с женой все не так гладко. Но спрашивать об этом было бы бестактно, другие вопросы в голову не приходили, а Полина, допившая очередную порцию мартини с соком, окончательно ушла в себя. Зяма вздохнула, поняв, что ей придется поискать другой источник информации, и незаметно обвела взглядом сидящих за столом.

Гигант-Илюха под ехидные комментарии жены рассказывал Бяше забавную историю из своего спортивного прошлого, Роман и Ник от сравнительно мирной дискуссии о перспективах российского футбола перешли к агрессивному спору о политике. Их голоса крепчали с каждой новой репликой, вместе с голосами крепчал и лексикон, аргументация же стремительно теряла связность.

— В черту твой госдеп! Гниды они последние!

— А наши чинуши не гниды? Нет, ты скажи, не гниды?!

— А ну, цыц! — рявкнула на спорщиков Лада. — Вы еще на матерщину мне перейдите, уроды пьяные!

Полина, очнувшись, виновато глянула на Ленку и сказала оправдывающимся тоном:

— Они редко пьют, но, как напьются, всегда горлопанят. — И, обращаясь к Ладе, предложила: — Может, споем?

Гренадерша поблагодарила ее взглядом и тут же организовала хор, на удивление слаженно исполнивший «Новогоднюю» Верки Сердючки. Но гармония за столом царила недолго. Когда Эллада с Полиной проникновенно запели: «Медленно шарик вертится, чьей-то рукой запущенный»,

мужики, не сговариваясь, гнусаво грянули Мумий-троллиево: «С Новым Годом, крошка, с Новым Годом! Хэй-эй-эй-эй-эй! Подожди немножко, будет веселей». После чего, как и следовало ожидать, началась потеха со смачными затрещинами, воплями, хохотом и нырянием под стол. Пользуясь удобным моментом, Бяша глазами показала Ленке на дверь.

В сенях, у выхода, ведущего на бывший скотный двор, где нынче располагалась кабинка с «удобствами», девочки обменялись собранными «разведданными». Бяша дополнила сложившуюся у Зямы картинку, сообщив, что Роман и Ник — давние друзья-соперники, а Илюха — друг-апологет. «Верный пес и телок», как охарактеризовала его любящая супруга. И при этом (даром, что бывший спортсмен) — светлая голова, изобретатель. Имеет два патента на какие-то особые аккумуляторы «с циклическими режимами заряда-разряда», что бы это ни значило. Собственно, благодаря его изобретениям Роман и подался в свое время в производственный бизнес. «И Илюху за собой на веревочке потащил. Они и Ника звали, но разве тот пойдет вторым номером после Ромки!» Зато теперь у них не приедающееся развлечение: выяснять, что нужнее человечеству и выгоднее производителю — автономные электростанции или каши в пакетиках.

Про Элладу, по понятным причинам, Женька выяснила немногое. Была капитаном команды, стала командиршей в семье, гоняет трех своих мужиков почище, чем сержант новобранцев, хорошая хозяйка, сумасшедшая мать. Очень жалеет Полину, которая «по милости своего пьяного обалдуя» потеряла ребенка и с тех пор не может забеременеть.

Трагедия произошла тринадцать лет назад, когда Роман только поднимал свой бизнес и, по дурацкой русской традиции, вынужден был пить с «каждым чиновничьим рылом за каждую Богом проклятую бумажку с подписью». После одного из таких возлияний он сел за руль и разбился. Выкарабкался, бегает как новенький, пить практически бросил — только на Новый год себе и позволяет, но в первые дни после аварии состояние его было критическим, и у Полины на нервной почве случился выкидыш.

— Если бы у нас тут был тотализатор, я бы поставила на убийцу-Полину, — подвела итог Бяша. — У нее самый сильный мотив. Тогда жертва, соответственно, Роман, виновник трагедии. За это говорит и его трезвый образ жизни. Раз «отрывается» только на Новый год, эта ночь — самое оно, чтобы подстроить ему несчастный случай. Знать бы еще, какой именно…

— Нет, это не может быть Полина, — убежденно проговорила Ленка. — Она не такая. Кроме того, если бы она возненавидела мужа из-за выкидыша, то не жила бы с ним тринадцать лет. Ушла бы или убила сразу.

— Может, у нее любовь прошла только теперь. Или только теперь она окончательно убедилась, что детей у нее не будет.

— Не прошла у нее любовь! Она про него с нежностью говорит: «Ромка у меня романтик».

— Так на то и сценарий, чтобы играть. Чтобы свидетели наперебой твердили следователю, как нежно она любила супруга.

— Кстати, насчет сценария. Кто, по-твоему, у Полины сообщник?

— Да хотя бы Ник, друг-соперник. Лямур-тужур, шерше ля фам. Про Полину ничего не скажу, она себя никак не выдала, а вот Ник в ее сторону глазами постреливал…

— Выдумываешь! — возмутилась Ленка. — Он на всех поглядывал, и на нас в том числе. Скажи еще, что он воспылал страстью к нам или к Элладе! Люди за общим столом, как ни странно, имеют обыкновение смотреть не только на тех, кого хотят затащить в койку.

— Ладно, не кипятись. Не хочешь в злодеи Полину с Ником, могу предложить Рому с верным Илюхой. А в жертвы — Ника, в соревновании с которым они решили поставить жирную точку. Чего фыркаешь? Не нравится? Тогда давай назначим в жертву эту их Валькирию, которая достала всех своим командованием. Убийцы, так и быть, на твой выбор… А если серьезно, Зямка, то рассчитывать, что нам сообщили мотив, глупо. Они же надеются, что он не всплывет во время следствия. Наш единственный шанс вычислить убийц — понять, как они собираются провернуть свое злодейство. Тогда и с жертвой вопрос прояснится. Пока я не могу догадаться, что они замыслили. Не хватает в этом пазле значимого куска. Все, пошли! Не стоит их надолго оставлять одних. Опять же, что-нибудь важное упустим…

Но, приоткрыв дверь в комнату, девушки поняли, что их появление в данную минуту неуместно. Хозяева ожесточенно спорили, где расположить гостей на ночлег.

— С ума сошел? — гремела Эллада. — На полу из щелей сифонит, а девкам еще рожать…

— А я… ик!.. на пол не согласен. Вы об меня сс… спотыкаться будете…

— Сиди уж, пьянь длинноногая! Никто у тебя твою кровать не отнимает.

— Давайте положим девочек на столе, а я лягу на пол.

— Ннее, Поль, эта нн… не вариант…

— Конечно, не вариант! На полу никто спать не будет! Пускай Ник ложится с Ромкой в бане, на его топчан положим Полину, а девицам постелим на столе.

— И чего ты меня так… не любишь, Эллада Батьковна?

— Эл… лычка, ты че? Рядом с пьяным Ромкой спать нн… невоз… можно. Мы ж его потому в баню и ссы… сыс… лаем.

— Этт кто тут п-пьяный?! Сами вы… п-пьяные!

— Вот именно. Вы сейчас все такие тепленькие, что задрыхнете под любой храп.

— Под храп, но не под зем-ле-трясение же! А Полину на кухню ни-зя, там к утру холод собачий. Короче, топчан не отдам!

— Остается только печь, — грустно подвела итог Полина. — Но на ней жарко, как в парилке…

— Ничего, потерпят! — отрезала Эллада. — В другой раз будут осмотрительнее выбирать кавалеров.

Спор прекратился, и Ленка уже собиралась толкнуть дверь, как Бяша потянула ее за рукав и, приложив палец к губам, вытащила обратно в сени.

— Вот он, недостающий кусок пазла! — торжествующе прошипела она. — Теперь мы знаем, кого и как. И почти наверняка — кто.

Безбашенная Женька самый большой риск спасательной операции видела в том, что они уснут и проспят выход злодея. Никогда еще она так не ошибалась! Лежать на хорошо протопленной русской печи действительно оказалось не намного легче, чем в парилке. Душно, жестко, пот течет в три ручья! И как только на них раньше спали? Ленка, как ни страшилась предстоящего подвига, поймала себя на том, что мысленно подгоняет время и убийцу. Притворяться спящей, сохраняя неподвижность в этой жаре и духоте, было невыносимо. Тем более — в состоянии, близком к панике.

А вдруг убийца угадает их намерения? А вдруг они с Бяшей опоздают? А что, если они вообще ошиблись — и с жертвой, и с убийцами, и со сценарием?

Ленка снова и снова прокручивала в голове свалившуюся на них задачку. Дано: пятеро друзей имеют привычку встречать Новый год в некоем медвежьем углу. Кто-то из них собирается кого-то убить, причем известно, что:

а) у убийц имеется некий сценарий, рассчитанный, во-первых, на ночное время суток, и, во-вторых, конкретно на новогоднюю ночь;

б) появление двух неучтенных девиц может помешать замыслу, в то же время девиц можно включить в число жертв, и сценарий от этого станет еще убедительнее;

в) один из друзей пьет только на Новый год, в пьяном состоянии спит беспробудно и храпит настолько громко, что его традиционно отправляют спать в баню.

Спрашивается: кого хотят убить, каким способом, кто убийцы?

Ответ на первый вопрос очевиден. Жертва — Роман. Тут у Ленки с Бяшей было полное согласие. Ответ на вопрос о способе убийства вызвал у Ленки некоторые сомнения, но Бяша убедительно доказала, что это должен быть поджог. Проломить человеку череп или свернуть шею так, чтобы никакой эксперт не смог установить, что это убийство, сложно, а выдать за несчастный случай сразу три таких смерти нереально в принципе. По той же причине отпадает гибель от удара током. Для пищевого отравления ни ночь, ни Новый год не обязательны. Использование дефектных пе-

тард в смысле последствий непредсказуемо. Автокатастрофа, взрыв газа, утопление, падение с высоты, несчастный случай на охоте исключаются.

А вот пожар в бане, куда сослали спать пьяного в дымину храпуна, годится по всем параметрам. Устроить проще простого: бросил на деревянный пол раскаленные угли, и готово. Выглядит убедительно: замерз человек ночью, проснулся, затопил печь, стал ворошить горящие дрова, спьяну не заметил упавший уголек и заснул. И даже если следователь попадется въедливый, доказать все равно ничего невозможно. Ну а если бы в той же бане вдобавок сгорели две незнакомые девицы, которых хозяева по доброте душевной оставили на ночлег, несчастный случай действительно выглядел бы только достовернее.

Больше всего Ленка сомневалось насчет личности убийц. Но Женька и тут была уверена, что угадала правильно. Только у Ника, спавшего на изолированной кухне, имелся верный шанс выйти из дома, никого не потревожив и не разбудив. А поскольку их с Романом извечное соперничество вряд ли тянет на мотив убийства, то в сообщницах у него наверняка Полина, которая от смерти мужа выигрывает дважды: получает наследство и мстит за свою бездетность.

Ленка не могла поверить в изощренное коварство печальной Дюймовочки, но, если на остальные вопросы они ответили правильно, то ошибка, наверное, ни на что не повлияет. В любом случае скоро все выяснится. Скорее бы уже!

И вот из-за бревенчатой стены послышались долгожданные звуки. Тихие (убийца явно старался действовать бесшумно), но различимые. Скрип, шаги, шорох открывшейся в сени двери… Ленка с Бяшей выждали минуту и, в свою очередь стараясь не шуметь, сползли с печи, выскользнули на кухню. С пожарной скоростью натянули высохшие курточки, угги и на цыпочках двинулись к бывшему скотному двору, включив подсветку у мобильников.

Кабинка туалета была закрыта на вертушку.

— Что и требовалось доказать, — с мрачным удовлетворением пробормотала Бяша. — Прячемся под лестницей. Дождемся, чтобы он вернулся в дом.

— А если опоздаем? — взволнованно прошептала Ленка, ощупью пробираясь за ней следом.

— Не опоздаем. Полить пол чем-нибудь горючим он побоится из-за экспертизы, а сам по себе огонь мгновенно не займется.

Ленке ожидание показалось бесконечным, она вся извелась от тревоги. Бяша же встревожилась после того, как в отдалении тихо стукнула дверь.

— Так быстро? Зяма, кажется, я ошиблась… За такое время нельзя дотопить до углей!

Они выскочили из-под лестницы, но невидимый Ник успел подняться в сени и закрыть за собой дверь кухни. Рванули к бане, точно ошпаренные,

а через десяток-другой метров замедлили шаг: раскатистые, как далекий гром, рулады никак не стыковались со страшными картинами, которые рисовало девушкам воображение.

— Может, мне все же пригрезился этот шепот? — спросила Ленка.

— Вот тогда я тебя убью. Безо всяких сценариев, — пообещала Бяша.

Под мощные переливы храпа они вошли в баню, включили свет в обоих помещениях и внимательно все осмотрели. Печь действительно была растоплена, но горящих углей нигде не обнаружилось. Роман, не реагируя ни на шаги, ни на свет, безмятежно дрых на нижнем полке и, похоже, чувствовал себя прекрасно. Интерьер выглядел совершенно невинно — в точности, как прежде. Разве только печка на этот раз дымила сильнее. Странно. Ветер вроде бы совсем стих…

— Бяш, тебе не кажется, что тут слишком дымно?

Женька вскинула на подругу глаза и, осененная догадкой, шлепнула себя по лбу:

— Я балда! Угарный газ, ну, конечно! Где-то тут должна быть задвижка, перекрывающая поток воздуха. Ищем, Ленка…

Громовой храп Романа сыграл с ними дурную шутку. Поглощенные осмотром печи и трубы, они не услышали шагов.

— Ну что, подхолюзы, дошустрились?

Девочки, вздрогнув, обернулись на голос. В дверях, полностью закрывая собой проем, стояла Эллада.

— Все, ночь чудес кончилась. От кавалеров спаслись, в лесу не погибли, приют нашли, и будет с вас. Добро пожаловать в суровую реальность!

— Хватит размусоливать, Элка, угорим, — сказал, протискиваясь мимо нее, Ник. — Давай быстро, ты вяжешь ту, я — эту. — И достал из кармана дубленки моток веревки.

Ленка, к которой он двинулся, отчаянно завизжала.

— Не поможет, детка, все спят. Зря вы отказались от чая, глядишь, тоже спали бы…

— Вас уличат! — крикнула Бяша, уворачиваясь от рук гренадерши. — Эксперты найдут следы снотворного и веревок!

— Ты про трупы? — уточнил Ник, скосив на нее глаза. — Так в вас с Ромкой снотворного нет, а веревки мы снимем, когда отключитесь. Следы успеют сойти.

Ленка, пятясь, уперлась в печку, обожглась, отшатнулась, заметила на краю плиты с камнями ковш, схватила его и выплеснула… на Романа.

— Аааа!!! Спятили?!

Убийцы ошалело уставились на вскочившую жертву. Должно быть, за много лет друзья не раз безуспешно пытались разбудить пьяного Ромку и

теперь просто не могли поверить в существование столь доступного и эффективного средства от храпа. Ленка с Бяшей, не дожидаясь, пока они освоятся с чудом, опрометью выскочили за дверь и понеслись к дому. Снотворное снотворным, но девичьи вопли о помощи над самым ухом поднимут кого угодно. В крайнем случае, всегда можно сунуть спящему спасителю пригоршню снега за пазуху…

Финальная сцена драмы была тягостной и некрасивой. Как выразилась мрачная Бяша, когда проводивший их до шоссе Илья скрылся в лесу, «безобразный конец прекрасной дружбы». Илью было жальче всех. Его потерянный вид и беспомощный рефрен «Как же так? Как же так?» до сих пор отзывались в Ленкиной душе болью.

Романа с Полиной тоже было жалко, но они хотя бы могли найти утешение друг в друге, а куда деваться бедному гиганту? Что бы ни сотворила его «Эллочка», она остается матерью его детей. Да и любовь в одночасье не проходит. Тем более что двигала гренадершей обида за мужа. Глупая, несправедливая, приправленная нелепой ревностью к Роману, которому Илья уступил главенство в дружбе и бизнесе так же легко, как отдал главенство в семье самой Эллочке. Ну, не лидер мужик по натуре, что поделаешь? Сама ведь такого выбрала…

— Нет, но как она орала! — Женьку, размышления которой, видимо, шли параллельным путем, передернуло. — Ни стыда, ни совести у бабы! Нет, чтобы сказать спасибо, что их в полицию не сдают…

— Зато Ник чуть весь не изошел на «спасибо», — скривилась Ленка. — Тьфу! И как только Полину не стошнило, когда он ползал перед ней, разливаясь про свою неземную любовь?

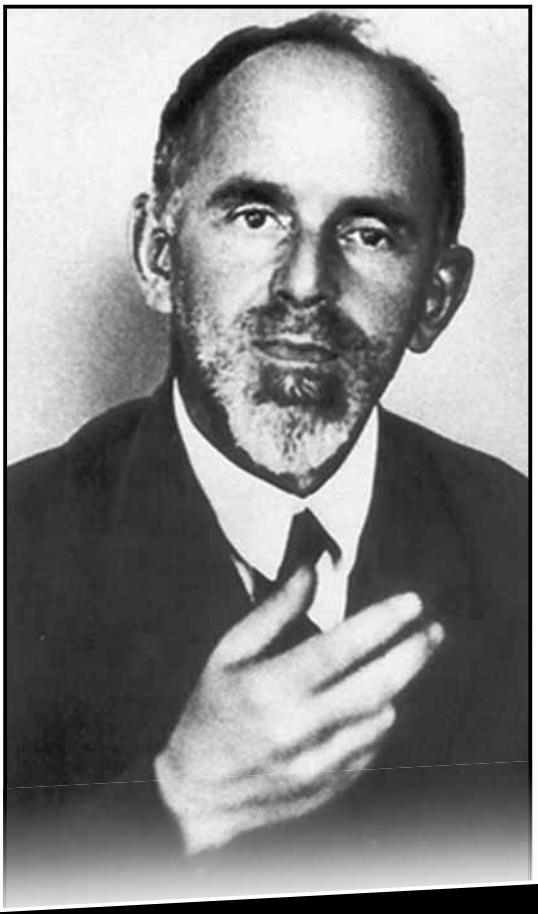
— М-да, мужик нонче жидкий пошел, — с нарочитой степенностью поддержала ее Бяша. И у Ленки, уловившей знакомый блеск в ее хитрых глазках, немного отлегло от сердца. — Не пойму, как он вообще на такое решился. Заметь, безо всяких гарантий. Послала бы вдова утешителя с его брачным предложением, и весь скорбный труд псу под хвост. Ни тебе жены, ни барышей от чужого заводика.

— Ну, его! — отмахнулась Ленка. — Не хочу о нем думать. Противно.

— Да. Противный! А вот Кир с Сэмом та-акие лапочки! — пропищала Бяша жеманным фальцетом и, не выдержав, рассмеялась: — А что, Зяма, не тормознуть ли нам тачку с мальчиками? Все веселее, чем трястись в автобусе с похмельным народом…

Но Ленка игру не поддержала.

— Ну, уж нет, с меня хватит! Эллочка-людоедка права: ночь чудес кончилась. И мы будем последними свиньями, если не дадим нашим ангелам-хранителям как следует отоспаться. ❑



Юрий Осипов

Всех живущих прижизненный друг

К 125-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама

Громкая, поистине всемирная слава пришла к этому едва ли не самому удивительному и трагическому Мастеру отечественной поэзии прошлого века только спустя десятилетия после страшной смерти в Гулаге. Но и при короткой своей жизни бездомного скитальца, отрешенный от земной суеты, мало печатавшийся, он был в кругах творческой интеллигенции фигурой почти культовой.

Вскоре после того, как в середине 50-х годов на Западе выпустили большой однотомник стихов и прозы полузапрещенного тогда в Советском Союзе Мандельштама, Анна Ахматова сказала: «Сейчас Осип Мандельштам — великий поэт, признанный всем миром. О нем пишут книги, защищают диссертации. Быть его другом — честь, врагом — позор». А выдающийся итальянский кинорежиссер Пьер Паоло Пазолини писал в 1972 году: «То, чем нас одарил Мандельштам, — легконогий, умный, острый на язык… изысканный, жизнерадостный, чувственный, всегда влюбленный, открытый, ясновидящий и счастливый даже в сумерках

своего нервного заболевания и политического кошмара, молодой… причудливый и утонченный… улыбающийся и терпеливый, — принадлежит к числу самых счастливых поэтических прозрений XX века».

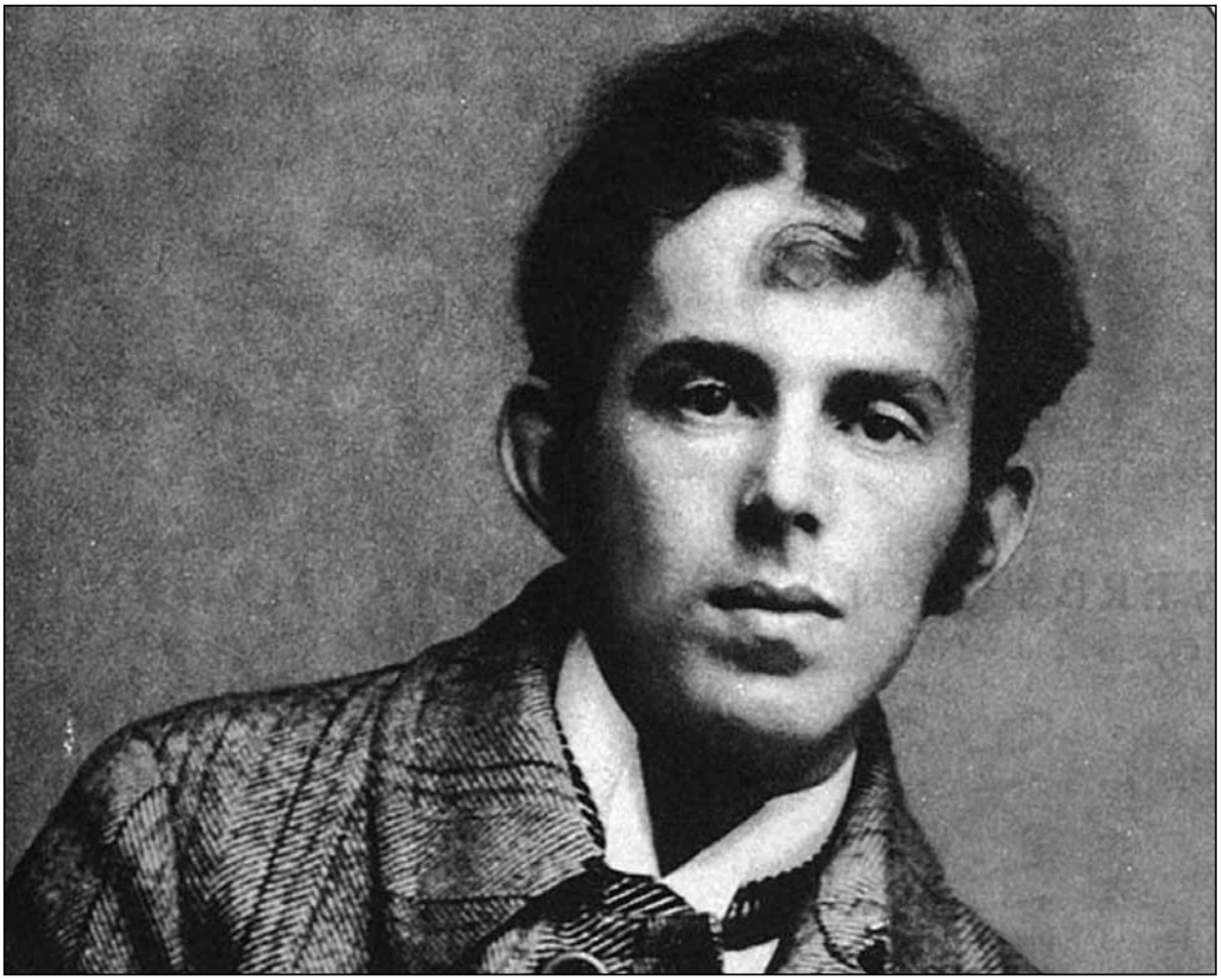
Мандельштам всю жизнь казался таинственно противоречивым даже друзьям и единомышленникам, потому что мучительно искал близости с современностью и с ужасом отталкивался от нее. Отсюда в десятых годах XX века поэтическое заявление: «Пора вам знать: я тоже современник, \ Я человек эпохи Москвошвея...» И продиктованное ощущением своей особости, непохожести на других людей признание в двадцатые: «Нет, никогда ничей я не был современник...»

В дневниках, письмах и воспоминаниях современников он нередко предстает нелепым чудаком, этаким Паганелем от поэзии, плохо воспитанным и не имеющим понятия об элементарных нормах поведения. А, между тем, будущий поэт родился в семье купца первой гильдии, вырос в Петербурге, окончил Тенишевское училище, эту «кузницу культурных кадров» начала 20-го столетия, учился в Сорбонне и в Гейдельбергском университете.

Издавна бытующие в литературной среде анекдоты о Мандельштаме не иссякают и по сей день. Мемуары вдовы великого поэта Надежды Мандельштам, сумевшей сохранить его творческое наследие, как и воспоминания Анны Ахматовой, которую связывали с ним личная дружба и общее поэтическое направление — акмеизм, написаны с одной целью — развенчать всевозможные слухи об этом «свободном человеке свободной мысли». «Теперь мы все должны написать о нем свои воспоминания, — наставляла Анна Андреевна Эмму Герштейн. — А то, знаете, какие польются рассказы: «хохолок... маленького роста... суетливый... скандалист».

Согласно семейной легенде, предки Мандельштама были выходцами из Испании. А основателем рода считался ювелир при дворе курляндского герцога Бирона, будущего фаворита императрицы Анны Иоановны. Младший брат поэта, Евгений, с гордостью сообщал, что их семья «дала миру известных врачей и физиков, переводчиков Библии и знатоков Гоголя».

Отец Мандельштама, родившийся в глухом местечке Ковенской губернии, четырнадцатилетним мальчиком, «которого натаскивали на раввина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в талмудическую школу... вместо талмуда читает Шиллера», — писал О. Мандельштам в автобиографической книге «Шум времени». Не выдержав полуголодного существова-



ния, юноша бросил учебу, в поисках заработка вернулся в Прибалтику, где в 1889 году состоялось его бракосочетание с Флорой Осиповной Вербловской.

К тому времени дела Эмиля Вениаминовича наладились, он занялся изготовлением перчаток. 15 января 1891 года в Варшаве родился его старший сын Осип (Иосиф).

Год спустя у Мандельштамов родился второй сын — Александр, а в 1898 году — третий, Евгений. Финансовое положение семьи упрочилось, и отец перевез ее сначала в аристократический пригород столицы Павловск, а затем — и в Петербург. Эти детские впечатления через двадцать лет нашли отражение в стихотворении «Концерт на вокзале». «*...И я вхожу в стеклянный лес вокзала*». Там будет прямая перекличка с лермонтовским «*Выхожу один я на дорогу...*» У Мандельштама: «*Нельзя дышать, и твердь кишит червями, \ И ни одна звезда не говорит, \ Но, видит Бог, есть музыка над нами...*»

Образ «родной» и «милой тени» в этом исповедальном стихотворении Надежда Мандельштам связывает с матерью поэта. До замужества Флора Осиповна жила в Вильно и получила хорошее музыкальное

образование. Ее родным языком был русский, хотя с мужем она порой говорила на немецком. «*Детей воспитывала и вводила в жизнь мать... Матери мы обязаны всем, особенно Осип*», свидетельствовал самый младший из братьев.

Несмотря на материальное благополучие, детство Мандельштама счастливым назвать трудно. Он рано почувствовал «провал» между собой и веком, провал, наполненный, по его словам, «шумом времени». «*С миром державным я был лишь ребячески связан,\ Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья,\ И ни крупицей души я ему не обязан,\ Как я ни мучил себя по чужому подобью*».

Из иудейской общины семья вышла, однако избыть бремя принадлежности к еврейству так и не смогла. «*Отец в жизни семьи активного участия не принимал*, — вспоминает Евгений Мандельштам, — *он часто бывал угрюм, замыкался в себе, почти не занимался детьми*». Потребовались долгие годы, чтобы взаимоотношения его со старшим сыном приобрели ту степень близости и откровенности, которая позволила Осипу Эмильевичу написать ему: «*Я все более убеждаюсь, что между нами очень много общего в интеллектуальном отношении, чего я не понимал, когда был мальчишкой*». А старик-отец, узнав об аресте сына, горько заплачет: «Нежненький мой Ося».

К концу 1890-х годов дела отца пошатнулись. Но, несмотря на это, амбициозная мать отдала восьмилетнего Осю в престижное коммерческое училище князя Тенишева, где плата за обучение была достаточно высока. Флора Осиповна была одержима страстью к переездам, в каждом очередном доме ее что-то не устраивало, и, по подсчетам брата Евгения, до Февральской революции семья успела сменить в Петербурге 17 адресов. Возможно, поэтому Мандельштам в своей поэзии и прозе взыскует о доме, тепле домашнего очага, домашнем уюте, которыми наслаждались в детстве и юности, скажем, такие близкие ему современники, как Борис Пастернак и Марина Цветаева.

Чувству бездомности и «хаосу иудейскому» противостоял в сознании Мандельштама в юные годы ампирный имперский Петербург, одновременно притягивавший и отталкивавший его. Симметрия, идеальная упорядоченность и — холод бездушия, надменности. «*Гранитные и торцовые кварталы… с разливом площадей, с кудрявыми садами, островами памятников, кариатидами Эрмитажа... особенно же арку Генерального штаба, Сенатскую площадь и голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным*», — напишет он в «Шуме времени».

В стихах же будет рождаться другой чеканный облик-символ рокового Города, олицетворявшего для поэта российскую державу.

Над желтизной правительственных зданий

Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув
шинель.
Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, как броненосец
в доке, —
Россия отдыхает тяжело.
А над Невой — посольства
полумира.
Адмиралтейство, солнце, тишина.
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Это стихотворение посвящено Николаю Гумилеву. Судьбоносная встреча с ним Мандельштама произойдет в 1910 году. Пока же он трудно приживался среди одноклассников в Тенишевском училище, получив у них ироническое прозвище «Гордая лама». В отличие от В.Набокова, окончившего Тенишевку несколькими годами позже, Мандельштам не был отличным спортсменом, у него не было коллекции бабочек и не было своего домашнего рая. Но, что еще важнее, свое одиночество в среде соучеников Мандельштаму, в отличие от аристократа Набокова, приходилось воспринимать не с нарочитой гордостью, а с уже привычной обреченностью. Выход открывался в поэтическом творчестве.

Биография поэта — его стихи. Мандельштамом они завладели еще в дошкольном возрасте. Но к азам поэзии его приобщил молодой Владимир Гиппиус, преподававший в училище русскую литературу, выходец из того же старинного немецкого рода, что и известная поэтесса серебряного века Зинаида Гиппиус.

А вот недолгим, но бурным увлечением политикой Мандельштам обязан однокласснику Борису Синани, с которым сблизился осенью 1906 года и которого в числе очень немногих людей полюбил безоговорочно, всей душой. Синани происходил из семьи «народников» и ввел нового друга в круг эсеров. Вместе с ним Мандельштам вступил в эсеровскую молодежную организацию и даже, как он напишет в позднейшей биографической справке, «занимался пропагандою на массовках».

Увлечение революционной романтикой сказалось на учебе. Преподаватели неоднократно отмечали, что Синани и Мандельштам пропускают уроки, опаздывают, плохо готовятся к занятиям. И все же в мае 1907-го юный поэт получил аттестат об окончании училища, и осенью они с Синани совершили поездку в финляндскую Райволу, где пытались записаться в эсеровскую боевую организацию. Их не приняли по малолетству, однако в полицейском отчете появилось указание, что О. Мандельштам «*был замечен в сношении с лицом, наблюдавшимся по военной боевой организации*».

Обеспокоенные радикальным умонастроением сына, родители той же осенью отправили его учиться в Париж — в Сорбонну, один из старейших университетов Европы, на факультет словесности. Здесь по-

степенно политику в мировосприятии юноши окончательно оттесняет поэзия. Ей он посвятит себя без остатка. Ей, по сути, принесет в жертву свою недолгую жизнь.

Осип снимал комнату в Латинском квартале. На террасах бесчисленных кафе открыто целовались влюбленные, по бульвару Сен-Мишель шатались компании горланивших во все горло студентов, мужчины в котелках вели под руку дам в шляпах с огромными перьями... Все было ново, празднично, будоражаще. Он впитывал окружавшую его со всех сторон художественную культуру, как губка, вдохновлялся ею. С упоением декламировал «Грядущих гуннов» Брюсова и лирические строфы Верлена, даже написал на их тему свою вариацию. Был потрясен «Танцем Саломеи» на симфоническом концерте из произведений Рихарда Штрауса под управлением самого композитора и немедленно откликнулся собственным стихотворением о Саломее. В его письмах парижского периода мелькают имена Льва Толстого, Гауптмана, Розанова, Сологуба, Верлена, Гамсуна.

В мае 1908 года Осип Мандельштам вернулся из Парижа домой с твердым намерением поступить в Петербургский университет. Остановила квота на иудеев в высших столичных учебных заведениях. И поездки на учебу за границу продолжились. В промежутках между ними юноша наезжал в Петербург и посещал лекции по стихосложению на знаменитой «башне» Вяч. Иванова. Тогда же произошла его первая встреча с Николаем Гумилевым, который увидел в нем большие задатки.

Он всю жизнь казался таинственно противоречивым даже друзьям и единомышленникам, потому что мучительно искал близости с современностью и с ужасом отталкивал ее. Отсюда поэтическое признание в двадцатые: «Нет, никогда ничей я не был современник...»

В 1910 году от скоротечной чахотки скончался близкий друг и наставник молодого Мандельштама Борис Синани. На долгие годы его место занял тридцатилетний учитель математики, секретарь петербургского религиозно-философского общества, близкий чете Мережковских человек кристальной чистоты и доброты Сергей Каблуков.

К 1911 году семья начала неотвратимо разоряться, и дальнейшее обучение в Европе сделалось невозможным. Мандельштам сдал эк-

замены и поступил на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Но учился с перерывами, достаточно безалаберно, так курса не окончил. Зато стал в этот невероятно насыщенный в духовном плане период его жизни профессиональным поэтом, обратившим на себя внимание мэтров Серебряного века. Он свел дружбу с Гумилевым и Ахматовой, его стихи печатались в журналах «Аполлон», «Гиперборей», «Новый Сатирикон» и других.

В 1912 году Мандельштам познакомился с Блоком и к концу года вступил в группу акмеистов. В те годы он переживал страстное увлечение поэзией Блока. Но Блок принял младшего собрата достаточно прохладно, он долго казался ему всего лишь эпигоном символизма, пусть даже и эпигоном «лучшего сорта» (как характеризовал его в письме к А. Белому). По-другому отнеслись к нему Ахматова с Гумилевым. Начинающей поэтессе Анне Андреевне Гумилевой (Ахматовой) Мандельштам был представлен 14 марта 1911 года на «башне» Вяч. Иванова. «*Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с пылающими глазами и с ресницами в полщеки*», — писала Ахматова. Буквально через пару месяцев Гумилев и Ахматова стали уже ближайшими друзьями и литературными спутниками Мандельштама. После трагической гибели Гумилева — уже только Ахматова.

«*Мне часто приходилось присутствовать при разговорах Мандельштама с Ахматовой*, — вспоминал ее второй муж Н. Пунин. — *Это было блестящее собеседование, вызывавшее во мне восхищение и зависть; они могли говорить часами; может быть, даже не говорили ничего замечательного, но это была подлинно поэтическая игра в таких напряжениях, которые были мне совершенно недоступны*». В глазах окружающих «холерик» Мандельштам и флегматичная Ахматова прекрасно дополняли друг друга. А вот с надменным и категоричным Гумилевым Мандельштам, по его собственному выражению, боролся, «как Иаков с Богом». И все же в дореволюционный период Гумилев влиял на него в творческом плане сильнее всех остальных, и этих двух поэтов связывала «ничем не омраченная дружба» (Г. Иванов).

Поистине счастливые годы в многострадальной жизни Осипа Эмильевича. Молодой поэтический за-

дор и жизненная энергия переполняли его. Корней Чуковский вспоминал, как «*вышли с ним и другими друзьями в предосеннюю пору на пустынный куоккальский пляж. (Мандельштам с марта по октябрь жил тогда в Финляндии). День был мрачный и ветреный. И вдруг Осип Эмильевич молча сбросил с себя легкую одежду и… быстро поплыл по направлению к Кронштадту. Плыл он саженками, его сильные руки… ритмично взлетали над водой против ветра… Мы подошли к Мандельштаму, едва только он воротился. Я хотел принести ему полотенце и теплую куртку (дом был в двух шагах), но Мандельштам, не сказав ни слова, стал бегать по холодному пляжу так быстро, что нельзя было не залюбоваться его здоровьем и молодостью. Бегал он долго — без устали. И оделся лишь после того, как обсушил и согрел свое крепкое тело*».

К осени 1911-го Николай Гумилев и Сергей Городецкий создали поэтический кружок, объединивший молодых подающих надежды стихотворцев, — «Цех поэтов», и вскоре Мандельштам сделался там «первой скрипкой». «Цех» придал ему уверенности в себе. Вместе с новыми «цеховыми» товарищами — старшим, блистательным литературным переводчиком М. Лозинским, и младшим, эпигонствующим Г. Ивановым, он активно участвовал в сочинении шуточной «Антологии античной глупости» и всевозможных юмористических буриме. Некоторые из подобных экспромтов создавались в петербургском артистическом кабаре «Бродячая собака», открывшемся в новогоднюю ночь 1912 года. Его неповторимую атмосферу Мандельштам описал в позднейшем очерке «Гротеск». Будучи одним из завсегдатаев, он однажды поссорился в «Бродячей собаке» с Велимиром Хлебниковым, и это едва не привело к их дуэли.

В марте 1912 года Гумилев и Городецкий решили объявить о литературном направлении, якобы идущем на смену символизму. Они назвали его акмеизм («адамизм» — от греч. — «пик, максимум, цветущая пора»). Декларируемому мистицизму и туманности символизма акмеисты противопоставляли чувственное восприятие окружающего мира, возврат слову его изначального, а не символического смысла и точность, предметность тематики. Младшая школа бросала вызов, возможно, последнему, как высказалась спустя 50 лет Ахматова, «великому направлению» в поэзии и вообще в искусстве. Они, конечно, были несоизмеримы, что хорошо понимали сами участники возникшего объединения. Запальчивости им это понимание, однако, не убавило.

Мандельштам согласился примкнуть к новому направлению не сразу, а после некоторых колебаний и раздумий, в октябре 1912 года. Поэтому его имя в акмеистическом манифесте, который написал питавший к нему личную неприязнь Городец-

кий, ни разу не упоминается рядом с именами пяти остальных акмеистов — Ахматовой, Гумилева, Городецкого, Зенкевича, Нарбута. В истории же их осталось только трое.

Акмеисты фактически задавали тон в «Бродячей собаке», куда игравшие для посетителей кабаре роль петербургской богемы литераторы съезжались после полуночи и разъезжались под утро. Ю. Анненков описывает в воспоминаниях, как «вплывала в зал затянутая в черный шелк Ахматова» и как, «не пропуская взглядом ни одной красивой женщины», уходя, «пятился в длинном сюртуке» между столиками Гумилев.

Поэтические поиски Мандельштама в тот бурный, насыщенный период шли разными путями. Относя акмеизм к новаторским течениям в литературе, он, тем не менее, резко дистанцировался от футуристов во главе с Маяковским. Мандельштам отрицал псевдоновизну того новаторства, которое, в конечном счете, всегда оказывается лишь новизной формы и не затрагивает взаимосвязи единичного момента и потока времени, отдельной личности и сообщества людей. Его взгляд устремлялся в будущее: «*Читателя найду в потомстве я*». И — возвращался к немеркнущему прошлому, без которого нет ни настоящего, ни будущего: «*Бессоница. Гомер. Тугие паруса…*» А в конце — «*И море, и Гомер — все движется любовью…*»

Дебютной книжке стихов, вышедшей в 1913 году, Мандельштам дал «архитектурное» название «Камень». «*Кружевом камень будь. \ И паутиной стань: \ Неба пустую грудь \ Тонкой иглою рань!*» В природе, как и в архитектуре, автор, будучи акмеистом, хотел видеть «тайный» план Архитектора-Создателя. 23 стихотворения на тридцати страницах первого издания «Камня» сцеплены между собой ключевым смыслом, подобно плетению каменного кружева в декоративном убранстве собора. О «кружевной композиции» сборника писал в своей рецензии на книгу Н. Гумилев.

Первый «Камень» поэт выпустил за свой счет, тиражом 600 экзем-

Согласно семейной легенде, предки Мандельштама были выходцами из Испании. А основателем рода считался ювелир при дворе курляндского герцога Бирона, будущего фаворита императрицы Анны Иоанновны. Младший брат поэта Евгений с гордостью говорил, что их семья «дала миру известных врачей и физиков, переводчиков Библии и знатоков Гоголя»

пляров. Деньги на издание дал отец. Автор-дебютант очень волновался, забирая с братом Евгением из типографии две пачки книг, чтобы сдать их на комиссию в книжный магазин. Старик наборщик сказал ему, прощаясь: «*Молодой человек, поверьте моему слову, вы будете писать все лучше и лучше*». Тираж понемногу расходился, критика встретила сборник благосклонно. Талант Мандельштама получил признание в кругу именитых собратьев по перу.

В счастливые предреволюционные годы он сблизился с литературно-артистической богемой, заводил новые знакомства, романтические связи. Ахматова, которая взяла на себя обязанность составить «донжуанский список» Мандельштама, называла его первым серьезным увлечением художницу Анну Зельманову-Чудовскую. Стихи в тот период рождались у входящего в моду поэта непрерывно. И какие стихи! Однако любовная лирика почти не встречалась, он еще не научился писать о любви, в чем сам смущенно признавался.

Когда в июле 1914 года Германия объявила войну России, вслед за Гумилевым Мандельштам тоже рвался на фронт, но не подлежал призыву из-за сердечной астении. Тогда он поехал в Варшаву и по протекции участника «Цеха поэтов» Д. Кузмина-Караваева, назначенного уполномоченным санитарного поезда, попытался получить там место санитара, в чем ему было отказано. Есть некоторые сведения, что, отчаявшись, Мандельштам предпринял в Варшаве неудачную попытку самоубийства. Вернувшись в Петербург, он до конца войны сотрудничал в Союзе городов — либеральной организации помощи действующей армии.

С сестрами Анастасией и Мариной Цветаевыми Осип познакомился летом 1915 года в гостеприимном коктебельском доме Максимилиана Волошина, пока сам хозяин находился в Париже. Мандельштам любил и ценил стихи Цветаевой. Однако особой теплоты между ними тогда не возникло. В начале января следующего года они вновь встретились в Петербурге, и эта встреча послужила прологом их бурной, хоть и недолгой любви. Марине Ивановне поэт подарил 2-е издание «Камня» с дарственной надписью: «*Марине Цветаевой — камень — памятка*». А 20 января он впервые приехал в Москву, которую ему «подарила» Цветаева. «*Из рук моих — нерукотворный град \ Прими, мой странный, мой прекрасный брат*». Мандельштам ответил: «*На розвальнях, уложенных соломой, \ Едва прикрытые рогожей роковой, \ От Воробьевых гор до церковки знакомой \ Мы ехали огромною Москвой*».

До июня 1916 года поэт наведывался в Москву регулярно и носил на пальце подаренный ему любимой серебряный перстень с печаткой — Адам и Ева под древом познания. В первых числах июня в подмосковном Александрове произошел раз-

Надежда Хазина (Мандельштам)

рыв с Цветаевой, печально отозвавшийся в его стихах:

Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

Он скрылся с братом Александром в Коктебеле у Волошина, где в то лето проживали еще не написавший своих лучших вещей Ходасевич, неприязненно отзывавшийся о Мандельштаме, и будущая героиня мандельштамовской лирики Ольга Вакселъ, дочь композитора Ю. Львова. А в двадцатых числах июля пришла телеграмма от отца с сообщением о тяжком инсульте, поразившем Флору Осиповну. Старшие сыновья едва успели на похороны. Впечатления от погребения матери легли в основу загадочного стихотворения «Эта ночь непоправима…» По свидетельству брата Евгения, со смертью матери начался распад их семьи.

Новый 1917 год Осип Эмильевич встретил у Каблукова, успев пере-

жить еще одну влюбленность. На сей раз в грузинскую княжну Саломею Андроникашвили (Андроникову). «*Нервная, очень подвижная, она все делала красиво…*» Мандельштам посвятил ей несколько стихотворений, в том числе — знаменитую «Соломинку».

Февральская революция застала поэта в Петрограде. От Временного правительства его воротило, спустя десять лет в повести «Египетская марка» он назовет его «лимонадным», а государство — уснувшим, «как окунь».

В мае Мандельштам, по сложившейся уже традиции, уехал в Крым. Уехал, влюбленный, еще не ведая, что прежняя его жизнь кончилась, и что в «грядущей мгле» ему «назначены» нищенские скитания, муки и смерть.

В Феодосии он неожиданно столкнулся с сестрами Цветаевыми. Марина его избегала и даже попросила сестру и окружающих не оставлять ее с Мандельштамом наедине. Он, впрочем, к этому и не стремился.

11 октября 1917 года, прямо к началу «событий мятежных», поэт возвратился в Петербург. Октябрьский переворот отозвался в нем болью и страхом, был воспринят им «резко отрицательно», в чем Мандельштам признавался на допросе в мае 34-го. На советское правительство он смотрел «как на правительство захватчиков», объясняя это на Лубянке «рецидивом эсеровщины».

В глазах окружающих «холерик» Мандельштам и флегматичная Ахматова прекрасно дополняли друг друга. А вот с надменным и категоричным Гумилевым Мандельштам, по его собственному выражению, боролся, как «Иаков с Богом». И все же в дореволюционный период Гумилев влиял на него в творческом плане сильнее всех остальных, и этих двух поэтов связывала ничем не омраченная дружба

Вновь прибившись к Ахматовой, Мандельштам участвовал вместе с ней в концертах Политического Красного креста, выручка от которых поступала в фонд помощи заключенным в Петропавловской крепости членам Временного правительства. Эта совместная деятельность неожиданно дала Анне Андреевне повод посчитать их частые встречи с поездками вдвоем на извозчиках неприличными, способными вызвать ненужные пересуды.

Мандельштам, по словам его вдовы, называл все это «ахматовскими фокусами» и смеялся, говоря, что у Анны Андреевны мания, будто все в нее влюблены.

В апреле 1918 года поэт устроился делопроизводителем и заведующим Бюро печати в Центральную комиссию по разгрузке и эвакуации Петрограда. То был не только вынужденный компромисс, вызванный необходимостью добывать средства к существованию. На допросе в 34-м Мандельштам, вероятно, вполне искренне показал, что вскоре сделал «резкий поворот к советским делам и людям». (Поэт тогда искренне пытался объединить себя с народом, от лица которого действовала новая власть, и спустя 10 лет поблагодарит Октябрьскую революцию за то, что она положила конец «существованию на культурную ренту».)

По рекомендации А. Луначарского он поступил на службу в Наркомпрос. Когда комиссариат переехал в Москву, Осип Эмильевич последовал туда за ним. Мелкая должность завподотделом художественного развития учащихся высшей школы была «нудная, канцелярская», но таила в себе возможность интересных командировок по конфискованным помещичьим усадьбам для описания сохранившихся библиотек.

Поселили Мандельштама в служебном номере гостиницы «Метрополь», где квартировали ответработники разного ранга. В позднейшем очерке «Холодное лето» он с чувством ностальгии вспоминал эту «мировую» гостиницу. В ней Мандельштам общался и на какое-то время сблизился с левыми эсерами, ненадолго примкнувшими после Октября к большевикам. Он начал даже печататься в левоэсеровских изданиях, и те гордо именовали его «наш поэт».

Конец наметившемуся альянсу положил в начале июля опасный конфликт с соседом по «Метрополю» — революционным позером и романтиком Я. Блюмкиным. Будучи левым эсером, тот заделался чекистом и, чтобы сорвать Брестский мир, застрелил прямо в посольстве посреди бела дня германского посла Мирбаха. Спасаясь от мести Блюмкина, Мандельштам семь месяцев курсировал между Москвой и Питером, пока в середине февраля девятнадцатого года не уехал с братом Александром в Харьков. Здесь ему повезло получить «опереточную» должность «заведующего поэтической секцией Всеукраинского литературного комитета при Совете искусств Временного рабоче-крестьянского правительства Украины». Знавший Мандельштама по Петрограду поэт Рюрик Ивнев дал меткое определение его душевного состояния той поры: «*С Мандельштамом творилось что-то невероятное… Революция ударила ему в голову, как крепкое вино ударяет в голову человеку, никогда не пившему… Осип Мандельштам одновременно и принимал революцию, и отвергал ее*».

Окончательный выбор будет сделан им скоро. Но прежде он успеет еще переехать в Киев булгаковской «Белой гвардии». После посещения с братом Лавры, под враждебными взглядами монахов, скажет: «*Здесь нет святости. Та же "чрезвычайка", только на выворот*».

Он запомнился и завсегдатаям богемного кафе « ХЛАМ» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты). «*Невысокий человек, лет 35-ти, с рыжеватыми волосами и лысинкой, бритый, сидя за столом что-то писал, покачиваясь на стуле, не обращая внимания на принесенную ему чашку кофе*».

Вечером первого мая, во время празднования в «ХЛАМе» дня рождения критика и поэта А. Дейча, произошла судьбоносная встреча Осипа Эмильевича с юной киевской художницей Надеждой Хазиной.

Из дневника Дейча: «*Неожиданно вошел Осип Мандельштам и сразу направился к нам… Попросили*

его почитать стихи — сразу согласился. Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам… Открывая глаза, смотрел только на Надю Х.» Меньше чем через месяц тот же Дейч фиксировал в дневнике: «*Польская кофейня на паях… Появилась явно влюбленная пара — Надя Х. и О.М. Она с большим букетом водяных лилий, видно, были на днепровских затонах*». Сама Надежда Яковлевна писала во «Второй книге»: «*…Мы легко и бездумно сошлись… потом нам пришлось жить в разлуке полтора года… Уже тогда в нас обоих проявились два свойства, сохранившиеся на всю жизнь: легкость и сознание обреченности*». После первых безмятежных месяцев взаимной любви Мандельштам отчетливо понял, что нашел женщину, к которой может обратиться со словами: «мое «ты».

Их разлука наступила внезапно. В начале сентября Мандельштам с братом отправились в переполненном солдатами вагоне из Киева в Харьков, а оттуда — в Крым. Отправились сопровождать актерскую труппу, а угодили на театр последних военных действий русской Добровольческой армии, командование которой в 1920 году принял барон Врангель. Запруженный отчаявшимися войсками Крым Мандельштам описал в грустно-ироническом стихотворении «Феодосия»: «*На все лады оплаканное всеми,\ С утра до ночи «Яблочко» поется.\ Уносит ветер золотое семя —\ Оно пропало, больше не вернется*» (1920).

«*Не принадлежа к уважаемым жителям города, с наступлением темноты я стучался в разные двери в поисках ночлега. Норд-ост свирепствовал на игрушечных улицах». Это строки из мандельштамовского очерка того же года «Начальник порта». Симферопольский «Крымский вестник» сообщал, что «хуже всех было положение выехавшего сейчас в Батум О.Э. Мандельштама, менее всех приспособленного к реальной жизни и обносившегося и изголодавшегося до последней степени*».

Летом 20-го его встретил в Феодосии один начинающий писатель. «*Он шел с задранной головой, крас-*

Мандельштам любил и ценил стихи Цветаевой. Однако особой теплоты, когда они познакомились в коктебельском доме М. Волошина, между ними не возникло. И только в следующем году, когда они снова случайно встретились в Петербурге, эта встреча стала прологом их бурной, хоть и недолгой любви

нолицый от солнца, в тюбетейке и черном пиджаке, весь остроугольный и очень быстрый в движениях». Потом был волошинский дом в Коктебеле, где Мандельштам насмерть разругался с хозяином, обоснованно обвинившим собрата в краже «Камня» (Волошин очень дорожил этим сборником) и тома Данте. Мандельштам отозвался следующим письмом: «*Милостивый государь! Я с удовольствием убедился в том, что вы толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, — скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина… верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастие три года назад потерять одну вашу книгу. Но еще большее несчастье быть вообще с вами знакомым*».

Вот такой характер. И, тем не менее, именно Волошин поручился за поэта, когда буквально через несколько дней Мандельштама арестовала врангелевская контрразведка за дружеские связи с местными большевиками. В Батум они с братом плыли в шторм на старой барже. «*Пять суток… на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы*» (из очерка «Возвращение»). В Батуме Осипа Эмильевича незамедлительно арестовали местные власти под предлогом отсутствия у него в паспорте грузинской визы. На сей раз Мандельштама вызволяли из тюрьмы полюбивший его конвойный и грузинские поэты Тициан Табидзе и Николаз Мицишвили. «*Обросший, грязный*», он «*производил довольно тягостное впечатление человека задерганного, измученного и истощенного*».

Ему был устроен триумфальный вечер в батумском Обществе деятелей искусства (ОДИ). Два отделения Мандельштам самозабвенно читал стихи, принося в жертву ритму «словесную инструментовку, логические ударения и значимость слов». Литературная известность опережала его появление где бы то ни было. А он отовсюду взывал с любовью к своей Надюше: «*…Если бы ты сейчас объявилась здесь, я бы от радости заплакал… Не могу себе простить, что уехал без тебя… Да хранит тебя Бог! До свиданья. Твой О.М.*»

Впереди его еще ждал Тифлис и поэтический вечер в городской консерватории в компании первых грузинских поэтов Т. Табидзе, П. Яшвили, а также И. Эренбурга. И, наконец, в начале октября братья Мандельштамы и чета Эренбургов под видом дипкурьеров вернулись на бронепоезде в Москву. В московском Доме печати поэт лицом к лицу столкнулся с Блюмкиным, служившим теперь комиссаром в Политуправлении. Тот набросился на него с проклятьями и угрозами, и Осип Эмильевич поспешил укрыться в Петрограде, получив «кособокую комнату о семи углах» в легендарном Доме искусств, который Максим Горь-

кий выбил в дополнение к пайкам для литераторов и художников.

В эти годы за Мандельштамом прочно закрепилось прозвище «ходячего анекдота», «чудака с оттопыренными ушами», что доставляло ему немало скрытых мук. С другой стороны, автор «Камня» воспринимался в то время широкой публикой как большой мастер. 22 октября 1920 года он читал в Клубе поэтов на Литейном свои новые стихи, которые впервые по достоинству оценил присутствовавший на вечере Александр Блок, записавший в дневнике: «*Гвоздь вечера — И. Мандельштам. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь… виден артист*». В устах Блока определение «поэт-артист» являлось наивысшей похвалой.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.

Кипящее от еле сдерживаемой страсти стихотворение — дань внезапно нахлынувшей краткой любви к молодой актрисе Александрийского театра Ольге Арбениной-Гильдебрандт. «*В черном бархате советской ночи, \ В бархате всемирной пустоты*» — это пылкое чувство у Мандельштама вскоре сошло на «нет», оставив нам на память о себе изумительные стихи. А напоминанием об очень важном пребывании поэта в Петрограде в 1920 году сохранились афиши концертов, где имя Мандельштама стоит рядом с именами Гумилева и Блока.

В марте 1921 года Осип Эмильевич сумел, наконец, выбраться из Петрограда в Киев, к жене. «*Он приехал за мной… прочел мне груду стихов и сказал, что теперь уж наверное увезет меня… Через две-три недели мы вместе выехали на север. С тех пор мы не расставались*».

Больше года носило их, словно листья на ветру, по просторам разрушенной, голодной страны. Тщетные попытки зацепиться за жизнь, найти свое место в фатально изменившимся мире. Москва-снова Киев-Петроград-Ростов-Баку-Тифлис-Новороссийск-Харьков-снова-Ростов-снова Киев-снова Петроград-снова Москва. «*…И меня срезает время, \ Как скосило твой каблук*». Время срезало пласт былых мандельштамовских друзей и знакомых. Уехали в эмиграцию Г. Иванов и Ходасевич с Н. Берберовой. Брошенной Владиславом жене «*все "Серапионовы братья", живущие в Доме искусств, и Осип Мандельштам… помогали, чем могли*». Холодное прощание с Мариной Цветаевой перед ее отъездом за границу. Ссора с Вадимом Шершеневичем по какому-то пустячному поводу в театре. Пощечина Мандельштаму. Ответный вызов на дуэль, от которой Шершеневич уклонился.

От тех безумных дней современникам запомнилась у Осипа Эмильевича невероятная шуба, купленная в Ростове с помощью местных

поэтов. «*Хорошо мне в моей стариковской шубе, словно дом свой на себе носишь*», — писал он. В этой безразмерной шубе поэт отправился на вечер памяти Блока в батумском Центросоюзе, где выступил с блестящей речью, посвященной поэме «Двенадцать». Блок умер 7 августа 1921 года. А 25-го был расстрелян Гумилев. На гибель друга Мандельштам отозвался потрясающей силы стихотворением «Умывался ночью на дворе…», в котором напоминанием о палачах, натиравших перед казнью лезвие солью от ржавчины, звучит строка: «*Лунный свет, как соль на топоре…*» Обрывались одна за другой нити, связывавшие поэта с прошлым.

Мытарства и суровые испытания, выпавшие на долю Мандельштама в годы Гражданской войны, закалили его и подготовили к гонениям 30-х годов. Братоубийственная трагедия, невольным свидетелем которой он оказался, оставила глубокий след в душе и в сознании, нашла отражение в творчестве. Новую высоту набрала также любовь поэта к жене и ее ответное чувство, перешедшее в самопожертвование. Короткий период относительно благополучного литературного трудоустройства начала и середины 20-х годов, когда Мандельштам за приличные гонорары выступал со статьями и очерками в провинциальных газетах, сменился временем его изоляции.

«*Жизнь упала, как зарница, \ Как в стакан воды ресница…*» — напишет он в 1925 году. И надолго замолчит. Поэтическое молчание закончится внезапно: «*Я дружбой был, как выстрелом разбужен*», — напишет он после встречи с молодым биологом Борисом Кузиным. Вскоре после этого супруги уедут в Тифлис, и там у Мандельштама вновь «пойдут» стихи, которые уже не прекратятся.

Мытарства и суровые испытания, выпавшие на долю Мандельштама в годы Гражданской войны, закалили его и подготовили к гонениям 30-х годов. Короткий период относительного благополучия и литературного трудоустройства сменился временем изоляции поэта

В 1922 году московское издательство «Круг» выпустило второй сборник его стихов «Tristia» («Печали»). Чтобы преодолеть поэтическую немоту, Мандельштам попробовал перейти на прозу и в апреле 1927 года заключил с издательством «Прибой» договор на написание повести «Египетская марка», которую закончил в феврале 28-го. Первая публикация повести состоялась в журнале

«Звезда». Член редколлегии журнала писатель В. Каверин с удивлением рассказывал о том, как автор трижды брал готовую рукопись из редакции, чтобы вносить в нее все новые и новые изменения. Позже было и второе издание «Камня».

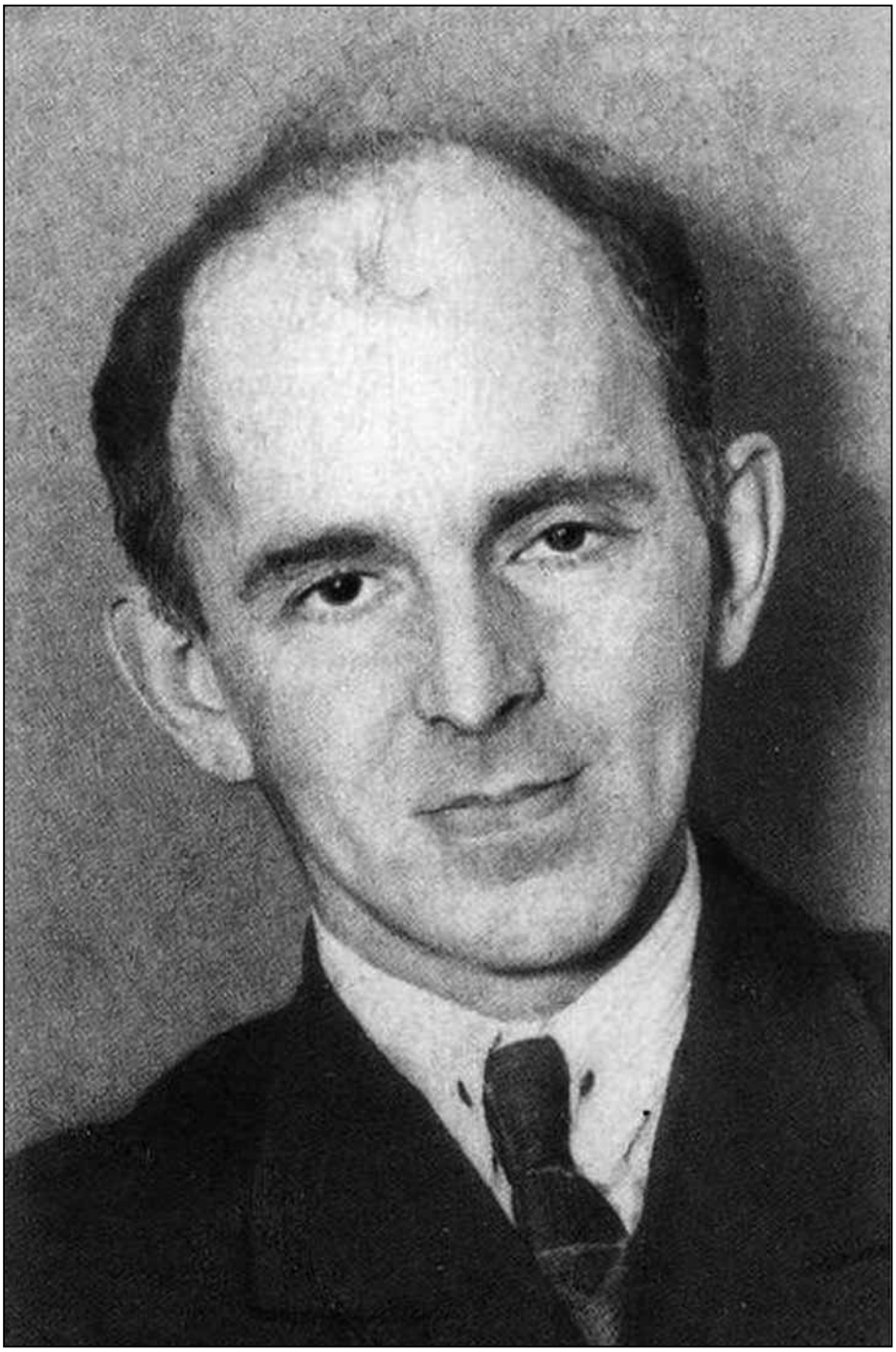
Выход в советских издательствах сразу трех книг Мандельштама оказался возможен только благодаря поддержке такого крупного партийного деятеля, неизменно благоволившего поэту, как Николай Бухарин. Его письмо в ленинградское отделение Госиздата позволило Мандельштаму заключить с ним договор на издание сборника своих избранных стихотворений. Договор с издательством «Academia» на сборник статей «О поэзии» был подписан еще раньше. На полученные в том небывало урожайном году авансы за готовившиеся к выходу книги Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна съездили осенью в Сухум, Армавир и Ялту. К себе в Царское Село они вернулись в декабре 1927 года. Последние спокойные месяцы их жизни.

В феврале следующего года они были в гостях у Д. Выгодского, и тот записал в дневнике: «*Вчера вечером Мандельштам. Непереносимый, неприятный, но один из немногих, быть может, единственный (еще Андрей Белый) настоящий, с подлинным внутренним пафосом, с подлинной глубиной. Дикий. Неспокойный… После него все остальные — такие маленькие, болтливые и низменные*».

14 марта поэт случайно столкнулся в Госиздате с К.Чуковским, который тоже занес в дневник свои воспоминания об этой встрече: «*Мандельштам не брит… Он говорит натужно… но его слова так находчивы, так своеобразны, так глубоки, что вся его фигура вызвала во мне то благоговейное чувство, какое бывало в детстве по отношению к священнику, выходящему с дарами из "врат"*».

«Мастерство» и «несвоевременность» — вот главные определения советских критиков в оценке мандельштамовского сборника избранных стихотворений. Однако к ним прибавились затем прямые политические обвинения. В одном из отзывов он был назван «*насквозь буржуазным поэтом*», представителем «крупной» и «*весьма агрессивной буржуазии*». Последняя прижизненная книга «Стихотворения» и сборник статей «О поэзии» сильно пострадали от цензуры.

Попутно возникали неприятные затяжные тяжбы по поводу подстрочников литературных переводов «Уленшпигеля» и Майн Рида, которыми Мандельштам пробавлялся ради заработка. Антимандельштамовскую кампанию в прессе увенчал клеветнический фельетон партийного публициста Д. Заславского, обвинявшего Осипа Эмильевича в профессиональной нечистоплотности и плагиате. На страницах «Литературной газеты» было напечатано письмо в защиту Мандельштама за подписями Б. Пильняка, А. Фадеева, М. Зо-



щенко, Л. Леонова, Вс. Багрицкого, В. Катаева, Б. Пастернака и других известных писателей. Однако Заславский не унялся и продолжал свои печатные нападки, сеявшие некоторые сомнения среди коллег Мандельштама, который был доведен до полного исступления.

В августе 1929 года он ненадолго устроился в газету «Московский комсомолец» — вести литературную страницу и заведовать отделом поэзии. В редакции к нему отнеслись доверчиво и дружелюбно, просили его снабжать газету «культурой». В памяти молодых сотрудников Ман-

дельштам остался спокойным, тихим, «излучающий глазами внимание и доброту». А вот у начинающего поэта Алексея Твардовского, который принес ему свои стихи, сложилось о нем совсем другое, малоприятное впечатление.

Днем «спокойный» Мандельштам находился на службе. По ночам же «неистовый» поэт диктовал Надежде Яковлевне свою «Четвертую прозу», где доставалось и комсомолу, и комсомольской газете. Книгу он закончил в начале 1930 года, и в ней впервые появилась зловещая тень Сталина, названного «рябым чертом», как называли его и товарищи по революционному подполью. Спустя три года Мандельштам напишет свое беспощадно обличительное стихотворение, посвященное «кремлевскому горцу» — «*Мы живем, под собою не чуя страны…*» Самоубийственное стихотворение, как охарактеризовал его Борис Пастернак.

Они сблизились давно. Сблизились, но не подружились. Слишком разные в жизни и в поэзии. Лучше кого бы то ни было сознающие меру таланта друг друга. Безумно интересные друг другу и противоположные друг другу во всем. Восторженно рвущийся из себя в поэтическом слове Пастернак. И отрешенно постигающий в стихах глубины собственного «я» Мандельштам. Один, накрепко сросшийся с бытом. И другой, отринувший его, как дервиш. Пастернак, во всем любивший лад, порядок, обживавший под свои вкусы кабинет на переделкинской даче, где он любил сажать картошку. И Мандельштам, ненавидевший письменный стол, трепавший и перегибавший ненужные ему книги… «*На его и его жены взгляд я — обыватель, и мы почти поссорились после одного разговора*», — сообщал Борис Леонидович в письме Марине Цветаевой от 30 мая 1929 года. И чету Мандельштамов в начале тридцатых годов к нему, их соседу, на день рождения не позвали.

Главные определения советских критиков в оценке вышедшего мандельштамовского сборника избранных стихотворений — «мастерство» и «несвоевременность». Затем к ним добавились и прямые политические обвинения. Его называли «насквозь буржуазным поэтом», представителем «весьма агрессивной буржуазии», поэтому последняя прижизненная книга «Стихотворения» сильно пострадала от цензуры

В знак протеста против оскорбительной характеристики, выданной

ему в «Московском комсомольце», Мандельштам в феврале 30-го ушел из газеты. Некоторое время вел рабкоровский кружок в «Вечерней Москве». О полноценной работе в удушающей атмосфере столицы и Ленинграда мечтать не приходилось. Выручил, как всегда, Николай Иванович Бухарин, который выхлопотал ему творческую командировку по Закавказью. В Сухуми Мандельштама застала «океаническая весть» о самоубийстве Маяковского. Превращенные с легкой руки некоторых критиков в литературных антиподов, эти двое вступили на поэтическое поприще почти одновременно. «*Когда Маяковский в начале 10-х годов приехал в Петербург, они подружились, но их быстро растащили в разные стороны*», — вспоминала со слов мужа Надежда Яковлевна. Примечательно, что позднее, обратившись однажды к ней, Маяковский по старой привычке назвал Мандельштама «Осей».

Кончалось пятилетнее поэтическое молчание Мандельштама. Однако возвращение к нему стихов совпало с резким ужесточением политического режима страны. И новый Мандельштам начался со строк, проникнутых явным или скрытым страхом перед действительностью.

«*Куда как страшно нам с тобой, \ Товарищ большеротый мой!*» (обращение к жене). «*Не говори никому. \ Все, что ты видел, забудь — \ Птицу, старуху, тюрьму*».

Вернувшись в октябре 1930 года из поездки по Закавказью, Осип Эмильевич с Надеждой Яковлевной попытались обосноваться в Ленинграде, но закрепиться там не удалось, никакой помощи сверху поэт не дождался. Надо было ехать в ставшую чужой Москву. Последние дни в Ленинграде и первое время в Москве супругам пришлось жить раздельно — у родственников. Настроения предотъездных дней отражает горькое стихотворение «Мы с тобой на кухне посидим, \ Сладко пахнет белый керосин». Резким антиподом первому лирическому двустишию звучит неожиданный финал: «*А не то веревок собери — \ Завязать корзину до зари, \ Чтобы нам уехать на вокзал, \ Где бы нас никто не отыскал*». Эти «Никто» все же отыщут Мандельштама в людской толчее, в которой он хотел бы скрыться, затеряться. Гайки в стране закручивались все туже. Следом за процессом Промпартии волна репрессий ознаменовалась в марте 1931 года так называемым делом «Бюро РСДРП (меньшевиков)».

С нар приподнявшись, на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно еще озираюсь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

Лагерные мотивы здесь, разумеется, не случайны. Мандельштам в свете происходящих вокруг собы-

тий уже стоически примерял на себя зэковский бушлат. И вместе с тем отчаяние удивительным образом уживалось в нем тогда с восторгом от возвращения стихов, с чувством причастности к миру, к людям. В легком, искрящемся, словно брызги шампанского, стихотворении «*Довольно кукситься, \ Бумаги в стол засунем…*» (7 июля 1931) он радостно заявлял о своей нерасторжимой связи с современностью: «*Держу пари, что я еще не умер,\И, как жокей, ручаюсь головой, \ Что я еще могу набедокурить \ На рысистой дорожке беговой*».

Бытовая неустроенность, нищета (в ссылке и после нее им еще придется жить подаянием) скрашивались для супругов Мандельштам теплым общением с немногими избранными людьми. К числу их принадлежали выдающийся чтец Владимир Яхонтов и его жена. Они стали первыми слушателями программного, исповедального стихотворения поэта «*За гремучую доблесть грядущих веков…*» Стихотворения-завещания «всем живущим». «*Мне на плечи бросается век-волкодав, но не волк я по крови своей…*» Поэт готов уйти «*в ночь, где течет Енисей, и сосна до звезды достает*», лишь бы «*не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе…*» Название исторических хроник А. Солженицына «Красное колесо» — отсюда.

Последняя прижизненная публикация стихов Мандельштама появилась в ноябре 1932 года в «Литературной газете». За два месяца до этого он подписал договор с Издательством художественной литературы на сборник своих стихотворений (книга так и не увидела свет). К тому времени Н. Бухарин выхлопотал супругам крохотную комнатку в негодном для жилья флигеле Дома Герцена на Тверском бульваре, сырую, темную, без кухни, с краном воды в вонючем сортире, с дощатыми перегородками и мокрым полом. В этом писательском общежитии в разное время жили и Пильняк и Платонов. Во время одного из свиданий с Мандельштамом поэт Николай Тихонов обратил внимание, что Осип Эмильевич все время прикрывает спину. «*У него штаны разорваны и на них огромная дыра*», — пояснила Надежда Яковлевна.

Опять же благодаря усилиям Бухарина, 41-летний поэт получил прижизненную пенсию в размере 200 рублей в месяц «за заслуги перед русской литературой». После второй ссылки в 1937 году пенсии его лишили. Давнишний близкий приятель, служивший в газете «За коммунистическое просвещение» пристроил туда Надежду Яковлевну. Еле сводя концы с концами, Осип Эмильевич, тем не менее, посылал продуктовые посылки томившемуся в сибирской ссылке старшему другу и коллеге В. Пясту. Но с другими литераторами, собиравшимися в писательском клубе Дома Герцена, отношения у него были отвратительные, особенно после того, как не

С женой Надеждой Яковлевной

вернувший ему одолженных денег «молодой национальный поэт» Амир Саргиджан пустил в ход кулаки. Досталось не только самому Мандельштаму, но и его жене. Товарищеский суд под председательством А.Н. Толстого занял половинчатую позицию, и Осип Эмильевич этого Толстому не простил.

Ему пока еще удавалось иногда выступать. В ноябре 32-го на своем творческом вечере в «Литгазете» он, седобородый «патриарх», по словам одного из присутствовавших, «шаманил» два с половиной часа, читая в хронологическом порядке (!) все стихи последних двух лет. Потрясенный и слегка испуганный

Пастернак воскликнул: «*Вы такой свободный!.. Мне нужна несвобода*». Год спустя, в русле развернувшейся в СССР кампании «учебы у классиков», приверженцы поэта сумели организовать его большой вечер в ленинградском Доме печати. В разгар вечера на сцену была подана записка: «*Вы тот самый Мандельштам, который раньше был акмеистом?*» Он ответил: «*Я тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей, соратником своих соратников, современником Ахматовой*». Последовал шквал аплодисментов.

На знаковый вечер поэта в Политехническом «выбрались из своих углов старые московские интеллигенты», бедно одетые, исстрадавшиеся, недоедающие, но с глазами, «светящимися умом и печалью». Мандельштама они приветствовали восторженно.

3 апреля 1933 года состоялось его последнее официальное выступление в Московском клубе художников. На следующий день был арестован последний новый друг Осипа Эмильевича Б. Кузин. Мандельштам обратился с письменной просьбой посодействовать освобождению молодого ученого к влиятельной в партийных кругах писательнице Мариэтте Шагинян, призывая ее воздействовать на ту власть, о которой месяц спустя скажет в стихах: «*Власть отвратительная, как руки брадобрея*».

Произошло маленькое чудо. Кузина через несколько дней освобо-

дили, и 10 апреля он вместе с Мандельштамами уехал в Старый Крым в гости к вдове Александра Грина, Нине Николаевне. Там прошли последние солнечные умиротворенные недели жизни поэта. В Крыму Мандельштам изучал итальянский. Читал Петрарку, Ариосто, Данте. Петрарку впоследствии переводил («А у костра читает нам Петрарку фартовый парень Оська Мандельштам» — из лагерной или псевдо лагерной песни под гитару конца 60-х). Об Ариосто написал стихотворение. А в мае начал свою последнюю большую прозу — поэтологическое эссе «Разговор о Данте».

Его он читал у Ахматовой, когда приезжал с женой в Ленинград. На чтении присутствовали почти все филологические мэтры северной столицы — В. Жирмунский, Ю. Тынянов, Б. Лифшиц, Л. Гинзбург. Рукопись «Разговора о Данте» была «Издательством писателей в Ленинграде» отклонена. Мандельштамы вернулись в Москву. И здесь с ними произошло еще одно удивительное, но недолгое чудо — они получили новую двухкомнатную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке.

Одним из первых посетил новоселов еще не устроенный тогда в плане жилья Пастернак. Посидел, посмотрел на голые стены и сказал, уходя: «*Ну вот, теперь и квартира есть, можно писать стихи*». Мандельштам был взбешен — квартира никак не связывалась для него с возможностью творчества. Напротив, ему стало казаться, что его купили. Именно здесь в ноябре 33-го года он одно за другим написал два абсолютно самоубийственных стихотворения — «Квартира тиха, как бумага…» и «Мы живем, под собою не чуя страны…» В первом, горько усмехаясь над «халтурными стенами» «московского злого жилья», утверждал: «*Наглей комсомольской ячейки \ И вузовской песни бойчей, \ Присевших на школьной скамейке \ Учить щебетать палачей*». Во вто-

Ему еще удавалось выступать. Приверженцы поэта организовали его большой вечер в ленинградском Доме печати. В самый разгар на сцену была подана записка: «*Вы тот самый Мандельштам, который раньше был акмеистом?*» Он ответил: «*Я тот самый Мандельштам, который был, есть и будет другом своих друзей, соратником своих соратников и современником Ахматовой*». Последовал шквал аплодисментов

ром рисовал жуткий портрет Сталина: «*Его толстые пальцы, как черви, жирны, \ И слова, как пудовые гири, верны…\ А вокруг него сброд тонкошеих вождей, \ Он играет услугами полулюдей…*»

На что мог рассчитывать поэт, читая во время начавшихся сталинских репрессий эти стихи близким и не очень близким знакомым, среди которых попадались «стукачи»? За ним уже следили. Агентурное сообщение в ОГПУ уведомляло, что настроение вернувшегося из Крыма Мандельштама «резко окрасилось в антисоветские тона». Неотвратимая развязка приближалась. А он еще умудрился в середине апреля съездить в Ленинград проведать Ахматову и в помещении «Издательства писателей» дать публичную пощечину «красному графу» А.Н. Толстому со словами: «*Вот вам за ваш товарищеский суд*».

Первый, помпезный Всесоюзный съезд советских писателей проходил в августе 1934 года в Колонном зале Дома Союзов без Мандельштама. В ночь с 16 на 17 мая 1934 года у себя на квартире Осип Эмильевич был арестован. С трибуны съезда Алексей Толстой отозвался о нем крайне отрицательно. По принятому на съезде официальному ранжиру в «первые поэты страны» сперва прочили Пастернака, потом передумали…

Писать о четырех последних годах жизни великого поэта тяжело и больно. Они спрессованы в чердынскую ссылку, где Осип Эмильевич выбросился из окна, пытаясь покончить с собой. Эти годы страданий растянулись затем на полунищенское поселение в Воронеже с потрясающим прощальным циклом стихов «Воронежские тетради». И завершились блаженной, как сон, передышкой в подмосковной профсоюзной здравнице Саматиха (путевки Мандельштамам выхлопотал все тот же Бухарин). Там в ночь с 1 на 2 мая 1938 года поэта повторно арестовали и отправили в Дальлаг. А 27 декабря он скончался в бараке от тифа. Тело его бросили в смерзшийся штабель мертвецов и лишь весной погребли вместе с остальными в «братской могиле», то есть в общей яме у ограды. Место ее неизвестно.

Героически самоотверженная вдова не просто сберегла поэтическое наследие мужа, большую часть его архива, который в свое время предложил выкупить за гроши для Публичной библиотеки управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич. Все (!) неопубликованные стихи она выучила на случай, если при обыске найдут рукописи. Умерла в 81 год, до последнего часа не переставая заниматься мандельштамовскими изданиями.

Похоронили Надежду Яковлевну 29 декабря 1980 года на Старокунцевском кладбище. «*За высоко поднятым гробом шли сотни людей и пели "Святый Боже"*, — вспоминала Н. Штемпель. — У меня возникло ощущение, что мы не только прово-

жаем Надежду Яковлевну, но и отдаем дань памяти Осипу Эмильевичу». Такие же чувства испытывали все. Рядом с могильным дубовым крестом Надежды Мандельштам скульптор Д. Шаховской поместил гранитный камень напоминанием о первом сборнике стихов поэта, о нем самом. Теперь поклониться ему сюда приезжают со всех концов света.

Подобно Пушкину и Лермонтову, Мандельштам предвидел, предчувствовал свою трагическую гибель. Еще в 1921 году он ярко выразил это в авторизованном переводе стихотворения своего друга, грузинского поэта Н. Мицишвили: «*Когда я свалюсь умирать под забором в какой-нибудь яме… \ Я вежливо тихо уйду. Незаметно смешаюсь с тенями*».

Он ушел незаметно. Но вернулся в ореоле всемирной славы и продолжает приближаться к нам во Времени и Пространстве. ❑

Геннадий Смолин

ВЕЧНЫЙ ГЕНИЙ

Обстоятельства смерти великого австрийского композитора и сегодня побуждают исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех далеких лет. В надежде, хоть и призрачной, те достопамятные события, будто Ивиковы журавли, вновь и вновь возвращают нас к нынешним венским и зальцбургским «хранителям Грааля», чтобы приблизиться к истине.

Вольфганг Амадей Моцарт, легко и стремительно ворвавшийся на музыкальный небосвод XVIII столетия, родился в австрийском городке Зальцбурге 27 января 1756 года. Это был воскресный день, и, если верить народным приметам, все говорило о том, что ребенка ожидает

судьба необычная, фантастически удачная. Его назвали Иоганнесом Хризостомусом Готлибом. Позднее имя Готлиб заменили на латинский аналог — Амадей. А в доме все стали называть младенца уменьшительным именем Вольферль. Он оказался седьмым и последним ребенком придворного композитора Леопольда Моцарта и его жены Анны-Марии. История рода Моцартов прослеживается до конца XV столетия и приводит нас к зажиточному крестьянину Давиду Э. Моцарту, выходцу из деревни Пферзее под Аугсбургом. Среди предков Вольфганга — каменщики, цеховые мастера, переплетчики и даже священник.

Разумеется, отец по наследству передал свой музыкальный талант сыну и во многом дочери, однако не стоит умалять здесь и вклада матери, поскольку она была тоже из музыкальной семьи. Справедливо указать и на то, что юмор, жизнерадостность и общительность Вольфганг унаследовал скорее от горячо любимой матушки, нежели от патриархального Леопольда Моцарта. Анна-Мария Моцарт — представительница уважаемого музыкального рода Пертль — в противоположность своему мужу — была душевной, доброй, неунывающей, искренней и участливой милой женщиной. Как говорит один из биографов В. Моцарта Шенк, «*ей было нелегко между самоуверенным, побарски упрямым супругом-швабом, фрондирующим на имперский манер в отношении его службы у князя Иеронима фон Коллоредо, и гениальным, далеким от действительности, но не менее упрямым сыном*».

Леопольд Моцарт, рано распознавший талант сына, всю свою энергию стал вкладывать в его развитие. А немногим позже буквально идентифицировал себя с ним. Заниматься музыкой Вольфганг начал в два с половиной года, а через пару лет отец взялся за его систематическое образование, благо сын оказался необычайно восприимчив к обучению. В три года Моцарт уже играл на клавесине различные мелодии, в пять показал себя выдающимся игроком на этом инструменте, а в шесть — принялся сочинять музыку. Из его первых композиций известно несколько пьес, собранных Леопольдом Моцартом в альбом, озаглавленный, как было тогда принято, по-французски: «*Для клавесина. Эта книга принадлежит Марии-Анне Моцарт, 1759*». В четырнадцать лет Вольфганг был уже академиком самой авторитетной в Европе Болонской музыкальной академии.

Обрадованный успехом младшего сына, Леопольд Моцарт повез вундеркинда в Вену, мечтая о фантастическом успехе. Но все оказалось не так. Столица рукоплескала юному дарованию и его сестре, зато в императорском дворце к юным музыкантам проявили праздный интерес.

После Вены Моцарты всей семьей отправились в заграничное концертное турне. Они побывали во многих

Отец Леопольд Моцарт

Мать Анна-Мария Моцарт

германских княжествах, посетили Францию, Англию, Голландию. Как импресарио своих детей, Леопольд не успокаивался на достигнутом. Он включал в очередные концертные программы ряд испытаний для диковинных способностей маленького Вольфганга: игру на клавесине одним пальцем или с завязанными глазами, номера с разгадкой нот, которые издают часы с боем, колокольчики или рюмки. Юный виртуоз, обладатель абсолютного слуха, доводил публику до экстаза и умильных слез. Надо отметить, что концерты длились по три-четыре часа. Леопольд же, дав детям немного отдохнуть после представлений, занимался с ними поочередно как педагог музыки.

Первое турне Моцартов продолжалось три года. «*За 27 часов путешествия мы спали только два часа*, — сообщал Леопольд Моцарт прямо с дороги в письме одному из своих зальцбургских друзей. — *Едва мы съели немного риса и яиц, как я усадил Вольфганга, и он мигом заснул, да так крепко, что даже не пошевелился, когда я его раздевал и усаживал в кресло!*»

В пути Вольфганг и Нанерль часто болели, не раз пребывая на краю гибели. Оба ребенка перенесли и воспаление легких, и оспу. Это были не романтические путешествия, а настоящее хождение по мукам.

Многих современников уже тогда поражало нечто необъяснимое в зрелом не по возрасту мастерстве

Вофганга, которое могло бы развиваться безмятежно, если бы не самодурство Иеронима фон Коллоредо, от которого зависел Леопольд Моцарт. Как ни старался последний сохранить лояльность в отношениях с Иеронимом, но и он довольно скоро убедился в его скупости и черствости, особенно когда дело коснулось поездок с сыном по Европе. Отсюда началось и роковое непонимание между Леопольдом Моцартом и его подрастающим сыном. Дело в том, что Вольфганг недостаточно помышлял о будущей славе, как того хотелось бы отцу. В противоположность Леопольду, юный гений не заискивал в высших сферах. Вскоре он стал ненавидеть Иеронима фон Коллоредо, которому продолжал служить Леопольд Моцарт. Эту ненависть, направленную, прежде всего, на само существование авторитетов, какими бы они не были, он бессознательно перенес на отца. Следствием явилось возрастающее отчуждение между отцом и сыном.

В 1778 году в далеком Париже умерла мать Моцарта, которой было всего 58 лет. Две недели она боролась со смертью, и все это время сын не отходил от нее. Внезапная кончина горячо любимой матери стала огромным потрясением для Вольфганга.

Париж ознаменовал резкий поворот в жизни музыканта и пробудил в нем дух свободомыслия —

Моцарты музицируют

Моцарт в детстве и юности

скорее космополитического, нежели политического толка (отсюда и полное равнодушие к французской революции).

В 1781 году между Вольфгангом и Леопольдом наступило окончательное отчуждение: первый решил разорвать кабалу и отказался от службы у Иеронима фон Коллоредо. Этому во многом способствовал успех его оперы «Идоменей» в Мюнхене. Когда Вольфганг подал прошение об отставке, он был выставлен за ворота, как нищенствующий музыкант. Изгнанный восемнадцатилетний гений был уже автором 25 симфоний и около 200 других произведений, но Иероним фон Коллоредо так и не смог простить этого бунта Вольфгангу.

Леопольда одолевали самые мрачные мысли относительно своего сына, наверняка он был задет и его письмом от 31 июля 1782 года, в котором Вольфганг сообщал о своей женитьбе: «*…Итак, Вы получили мое письмо, и я вовсе не сомневаюсь, что со следующим письмом получу Ваше соизволение на мою женитьбу. Вы не можете вовсе ничего возразить против оной… ибо она честная, славная девушка, дочь хороших родителей. И я в состоянии зарабатывать на хлеб насущный. Мы любим друг друга. Все, что Вы мне написали и могли бы написать, не что иное, как открытый, благожелательный совет, как всегда прекрасный и добрый, однако не подходящий уже для мужчины, зашедшего со своей девушкой достаточно далеко. Следовательно, тут нечего откладывать. Лучше привести свои дела в порядок — и сделать порядочного парня…*»

4 августа 1782 года в Вене Вольфганг Амадей Моцарт, несмотря на категорическое несогласие отца, женился на Констанции Вебер. Молодожены поселились у родителей Констанции, где и продолжал работать Моцарт. Здесь же в Вене в перерывах между сочинительством он стал появляться на заседаниях Масонской ложи. «Бунтарский» дух, по всей видимости, и в этом вопросе сыграл свою роль: через два года после женитьбы он вступает в масонскую ложу «Благотворительность». Идеи «Свободы, Равенства и Братства» становятся для него привлекательными.

Теперь о главном сопернике Вольфганга Амадея — Антонио Сальери. Австрийский император Иосиф II, будучи в Италии в 1778 году, пригласил в Австрию 28-летнего маэстро Антонио Сальери, который тогда был императорским камер-композито-ром и капельмейстером итальянской оперы. Сальери пребывал в фаворе у императора Иосифа II и у венской публики. Его оперы «Тарара» и «Аксур» стали кульминацией успеха итальянского маэстро. Но далее он уже ничего не мог противопоставить шедеврам Моцарта. Придворный капельмейстер вовремя заметил талант зальцбуржца и предпринял упреждающие удары. Будучи с 1788 года личным советником императора, он приобрел исключительное могущество на музыкальном поприще в Вене. Но с появлением Моцарта исключительность Сальери оказалась под сомнением.

В июне 1790 года Моцарт начал работать над «Волшебной флейтой». О создаваемом шедевре узнал и Сальери: ему об этом рассказал

ученик Вольфганга Зюсмайр, который, не без поддержки Сальери, готовился к собственной карьере, и на его пути фактически стоял только один человек — учитель Вольфганг Амадей.

Положительные отклики Сальери о «Волшебной флейте», на премьере которой он присутствовал, оказались просто данью светскому воспитанию. На душе у итальянского маэстро было совсем иное: он еще раз убедился в том, что в лице Моцарта приобрел решительного соперника в полном смысле этого слова. Более того, Сальери понимал, что великий маэстро не только пребывает на новом витке творческого взлета, но и представляет серьезную угрозу итальянской опере, поскольку «Волшебная флейта» стала предтечей немецкой оперы. Моцарт однозначно встал на его пути. Невротическая ошибка Сальери состояла в том, что он персонифицировал Моцарта с немецкой оперой, хотя как профессионал он не мог не чувствовать, что гений композитора вне каких бы то ни было систем и классификаций, что музыкальную эволюцию, начатую им, остановить уже невозможно.

Такое видение ситуации могло объединить с Сальери и аристократическую верхушку Вены, и большинство католического духовенства. Ведь композитор на тот момент уже состоял в Масонской ложе. Так что борьба Сальери с Моцартом могла развернуться на конкретном политическом фоне.

В самом деле, гений Моцарта стал вызовом не только для Сальери и Зюсмайра, не только для обманутой в своих ожиданиях по поводу семейной жизни Констанции, но и для властвующих вельможных функционеров.

Сам же Моцарт, по причине своего нонконформистского духа, оставался вне «игры». Он лишь прогневил свое окружение крепкими шутками — в чем был большим мастером. Скажем, Сальери мог узнать себя в «Волшебной флейте» в образе Моностатоса, в котором высвечен не отталкивающий, но смешной образ смертельного врага. Сцена с ним исполнена чувством ненависти к пересмешнику. А от ненависти — прямой путь к отмщению. Секретарь Моцарта Зюсмайр также не раз становился объектом крепких шуток.

Разумеется, дыма без огня не бывает — ведь на самом деле существовала практически неприкрытая любовная связь Зюсмайра с Констанцией, и в результате — их совместный ребенок, названный к тому же в честь папы Францем Ксавером (это полное имя самого Зюсмайра).

Зюсмайр, тщеславный провинциал с заурядным интеллектом, хотя и музыкально одаренный, умело использовал свою универсальную приспособляемость: он медленно, но верно выстраивал карьеру в тесном союзе с Сальери. Он же информировал капельмейстера о работе над «Волшебной флейтой», потому как не мог не слышать красивейших звуков создаваемого шедевра. Этот шедевр и стал поводом для устранения Моцарта. Мотивом же, побуждающим заговорщиков к действию, стала, по всей видимости, сама опера и особенно текст либретто с явным «масонским следом». Либретто было написано известным «идеологом» масонства Игнацем фон Борном — непримиримым противником католицизма во всех его проявлениях. Разумеется, католическая верхушка узрела мятежную суть «Флейты», что было на руку Сальери.

Коварный и самовлюбленный капельмейстер, близкий к кругам аристократии и духовенства, взял на себя роль подстрекателя, у него не хватило бы духу лично физически устранить кудесника звуков. Он поручил эту миссию Зюсмайру. Тот, заручившись поддержкой Сальери, развернул активную деятельность в последней квартире Вольфганга Амадея на Рауэнштайнгассе. Судя по дальнейшему развитию событий, важнейшим пунктом его плана оказалась, конечно же, Констанция. Как опора, а еще лучше — соучастник.

Жена великого маэстро, как утверждают современники, была весьма поверхностной, легко поддающейся влиянию особой. По всей видимости, в тот период она была особенно недовольна своим супругом. Но самое главное — не видела в нем гения, напротив, считала неудачником. Кроме того, как свидетельствуют современники, до нее доходили всевозможные слухи о «распутной» жизни мужа. Не исключено, что Моцарт иногда поддразнивал Констанцию перспективой любовной интрижки с красавицей и умницей Магдаленой, супругой некоего Франца Хофдемеля — брата Моцарта по масонской ложе. Скорее всего, знаки внимания Магдалене Вольфганг оказывал в ответ на очевидную связь Констанции с Зюсмайром. В действительности же он нежно любил Констанцию и защищал ее от нападок со стороны, чего не скажешь о последней. Как отмечают биографы композитора, Констанция была, по всей видимости, неспособна на ответную любовь к мужу в высоком понимании, отдавая предпочтение чувственной жизни, то есть своим увлечениям и удовольствиям. Так что Зюсмайр обратился к верному адресату: молодой мужчина в расцвете сил (он был

Моцарт и Констанция во время медового месяца. Открытка

младше Констанции) не мог ей не понравиться. Она увидела в нем возможную замену мужу-неудачнику и быстро сошлась с учеником композитора, подающим большие надежды.

Остановимся на событиях лета-осени 1791 года. Обращаясь к документальным источникам, ряд исследователей творчества Моцарта пришли к выводу о том, что либретто оперы «Волшебная флейта» стало для заговорщиков и неким проектом возмездия Моцарту и своеобразным алиби: текст и декорации были исполнены масонской символикой — образной и явной. А тот, кто «раскрывал» тайны масонской ложи, мог быть устранен самими же братьями-масонами. Советчиком заговорщикам мог выступить граф Вальзеггацу Штуппах, владелец приисков ртути в Кравицах, — впоследствии заказчик Реквиема. По отзывам современников, он обладал склонностью к зловещим играм всерьез, и зная, что «Волшебная флейта» Моцарта была воспринята как некий гимн масонству, по всей видимости, предложил Сальери и Зюсмайру следующую сатанинскую идею: совершить возмездие Моцарту посредством «ритуального убийства».

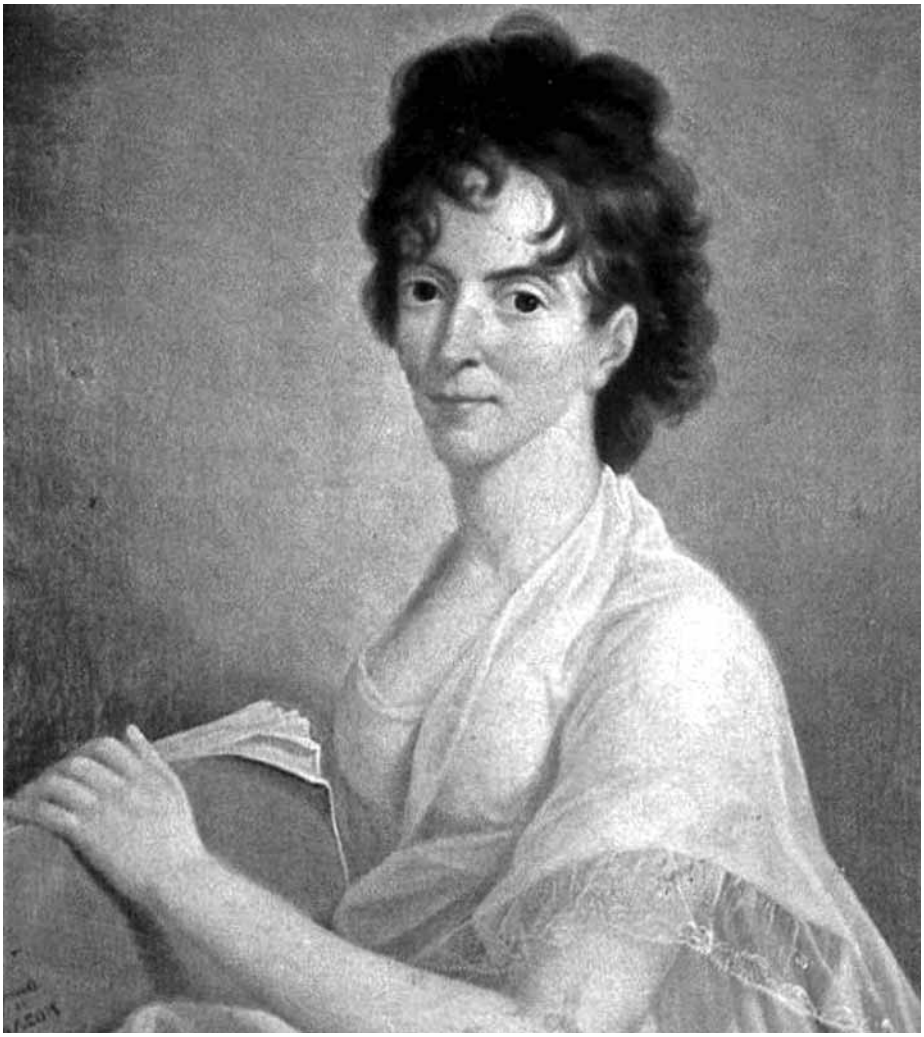
Оказывается, на титульном листе первого либретто «Волшебной флейты» был изображен архитектор храма Соломона Адонирам, павший от руки врага и распростертый под колонной Меркурия. Адонирам у масонов, как известно, определенный сан посвящения. Моцарт был именно адонирамом в ложе «Благотворительность». Так что судьба гения

была решена — он должен разделить участь Адонирама. Не случайной оказалась и колонна Меркурия рядом с убитым архитектором. Эта деталь была тоже принята к сведению заговорщиками.

Известно, что в астрологии планете Меркурий соответствует «ртуть», латинское же название этого элемента — «Mercurius». Посредством солей ртути и было совершено «ритуальное» убийство гения музыки. А сама опера «Волшебная флейта» превратилась в своеобразную усыпальницу-святилище, наподобие пирамид эпохи фараонов. Обо всем этом великий композитор, если суммировать крохи достоверной информации, дошедшей до нас, догадывался. Он даже предполагал примерную дату своей смерти и с христианской покорностью ждал неизбежного конца земной жизни.

Для большей убедительности этих предположений приведем надежный и доказанный факт биографии Моцарта о том, что до лета 1791 года история болезни великого композитора была совершенно пуста. Неоднократные же высказывания самого

Жена Моцарта Констанция



Вольфганга Амадея о том, что «его враг» композитор Сальери «покушался на его жизнь», а также свидетельства Констанции — привели и современников Моцарта, и последующих исследователей к довольно устоявшемуся мнению: через определенные промежутки времени Моцарту давали яд. Немецкие медики Й. Дальхов, Г. Дуда и Д. Кернер подробно рассмотрели симптоматику заболевания композитора и пришли к заключению, что речь в случае Моцарта может идти о единственной интоксикации — классическом ртутном нефрозе. (Это хроническое отравление ртутью было изучено в двадцатом веке и, разумеется, два века назад являлось редчайшим случаем.) Головокружение, головные боли, рвота, потеря веса, депрессия, быстрая возбудимость, беспокойное состояние — все это симптомы острого отравления ртутью («eretismusmerkurialis»), аналогичные свидетельствам дошедших до наших дней в письмах Моцарта, воспоминаниях его родных, друзей.

Вполне понятно, что такую деликатную «операцию», как ввод дозированных препаратов ртути, в одиночку было бы не провести. Не исключено, что яд в руки отравителей мог поступать, например, через Готфрида ван Свитена, отец которого — лейбмедик Герхард ван Свитен — лечил пациентов «настойкой ртутной по Свитену». В ней содержалось от 0,25 до 0,5 грамма сулемы, растворенной в водке. И стоило только в этой дозировке высокотоксичного соединения ртути передвинуть запятую на один знак вправо, как Моцарт в качестве «лекарства» принял бы сильнейший яд! С помощью малой дозировки, растянутой во времени, можно было добиться того, что в начальной стадии проявление отравления не заметно. Посыльный Зюсмайр поставлял разведенную жидкую соль ртути (сулемы), которая подмешивалась в еду или питье композитора. На Моцарта подобная процедура как будто бы не действовала: он сочинял музыку, репетировал с оркестром, много выступал как музыкант и как дирижер. Но во время пребывания в Праге (с Констанцией и Зюсмайром) в августе-сентябре 1791 года для постановки оперы «Милосердие Тита» доза «лекарства», по всей видимости, была завышена: Моцарт стал падать в обмороки.

Кстати, в июле перед отъездом в Чехию к композитору явился «серый посланец» с известием от анонимного заказчика (это был Антон Лайтгеб, управляющий графа Вальзеггацу Штуппаха). От этого визита Моцарт пришел в неописуемое волнение. Вряд ли заказ Реквиема мог так потрясти композитора. Георг Ниссен, второй муж Констанции, писал об этом так: «Да, о странном появлении и заказе неизвестного Моцарт выражал даже иные, весьма диковинные мысли, а когда его пытались отвлечь от них, он замолкал, так и оставаясь при своем». Первый биограф композитора Ф. Немечек приводит слова Моцарта неизвест-

Моцарт и Сальери

ному адресату на итальянском языке, вероятнее всего, либреттисту Лоренцо да Понте, в Триест:

«*…Моя голова раскалывается, разговариваю с трудом и не могу отогнать от глаз образ неизвестного, постоянно вижу его перед собой, он меня умоляет, торопит, с нетерпением требует от меня работу. Продолжаю, потому что сочинение мне менее утомительно, нежели праздность. Впрочем, мне нечего опасаться. По всему чувствую: час пробил; я готов умереть; я кончил прежде, чем воспользовался своим талантом. Жизнь была столь прекрасна, карьера начиналась при столь счастливых предзнаменованиях, но изменить собственную судьбу нельзя. Никому не измерить своих дней, нужно смириться. Пусть будет то, чего желает провидение... Кончаю, передо мной моя погребальная песнь. Не могу оставить ее незавершенной*».

Две последние фразы этого письма относились, разумеется, не к Реквиему, а к опере «Волшебная флейта»: «Марш жрецов» и «Увертюру» к спектаклю он закончил после возвращения из Праги, то есть к 28 сентября 1791 года.

По случаю премьеры 30 сентября в Вену из Бадена приехали Констанция и Зюсмайр. Спектакль состоялся у Э. Шиканедера в его народном театре в предместье Фрайхауза. Моцарт был у пульта и вдохновенно дирижировал оркестром.

Антонио Сальери

Опера «Волшебная флейта», особенно ее вторая часть, прошла с успехом. И далее, с каждой новой постановкой, популярность спектакля возрастала в геометрической прогрессии.

Констанца и Зюсмайр сразу же после премьеры «Волшебной флейты» вновь вернулись на целебные воды в Баден, и Моцарт фактически был предоставлен самому себе. Даже за месяц до гибели он придерживался прежнего распорядка: также был предельно насыщен работой каждый его час, день, а самочувствие, аппетит и сон в середине октября, судя по двум письмам к жене, казались нормальными. Он фактически примирился с ее связью с Зюсмайром, что явствует из письма к Констанции от 14 октября 1791 года: «*…делай с NN, что хочешь*». Это было последнее (известное исследователям) письмо, написанное Моцартом за полтора месяца до кончины, — в нем нет и намека на болезнь.

И эта загадка стоит того, чтобы ею серьезно заняться…

Моцарт присутствовал на представлении «Волшебной флейты»

Зюсмайр

8, 9 и 13 октября, причем один раз его видели с Сальери и его пассией К. Кавалерией.

Последний раз в обществе Моцарт появился 18 ноября 1791 года. На освящении нового храма «Вновь увенчанная надежда» великий композитор дирижировал своей «лебединой песней» — небольшой кантатой «Громко возвестим нашу радость». 20 ноября он слег в постель и больше не поднимался: внезапно у него опухли руки, ноги, затем добавилась рвота. Но сознание не покидало больного. Он остро реагировал на пение канарейки, и птицу унесли из комнаты. Вечерами, когда шла его «Флейта», Моцарт следил по часам за ходом каждого спектакля. Как утверждал Ниссен: «*Болезнь, приковавшая его к постели, длилась 15 дней... За два часа до кончины он пребывал еще в полном сознании*».

Теперь стоит проанализировать трагедию, происшедшую на следующий день после загадочной смерти и не менее загадочного погребения великого композитора. Речь пойдет о двадцатитрехлетней кра-

савице Магдалене Хофдемель — известной «любимой ученицы» Моцарта, которой он посвятил свой самый интимный фортепьянный концерт. Когда молодая женщина возвратилась из собора Святого Стефана с панихиды по Моцарту домой по Грюнангерштрассе, 10, в котором состоятельная чета Хофдемелей занимала весь первый этаж, ее муж Франц Хофдемель, брат Моцарта по масонской ложе, набросился на нее с ножом в руке. Магдалена была на пятом месяце беременности... Крик ее годовалого ребенка и призывы о помощи самой Магдалены спасли ей жизнь: соседи выломали дверь и нашли Магдалену в бессознательном состоянии, с многочисленными кровоточащими ранами на шее, груди, руках. Лицо ее было обезображено. Врачи с трудом выходили женщину, но она осталась с внешностью «квазимодо» на всю жизнь. Ну а тридцатишестилетний муж несчастной перерезал себе горло.

«Die Wiener Zeitung» — «Венская газета» назвала дату смерти Ф. Хофдемеля 6 декабря, что совпадает с датой похорон Вольфганга Моцарта.

При чем здесь это совпадение? Дело в том, что трагедия на Грюнангерштрассе произошла, по всей видимости, не случайно. Известно, что Констанция Вебер общалась с Францем Хофдемелем. То ли из мстительности, то ли по трезвому холодному расчету, она проинформировала последнего о «любовной связи» Магдалены и Вольфганга. Так отравители Моцарта подбросили к «масонской версии» его гибели амурную тему, в которой главную скрипку сыграла сама фрау Моцарт. Получилось еще одно великолепное алиби.

Ссылаясь на болезнь, Констанция не присутствовала на похоронах мужа. И впервые посетив кладбище спустя несколько лет, она была очень удивлена тем, что не нашла места его погребения.

Что же касается самого погребения композитора, оно тоже стало тайной. Хоронили Моцарта с подозрительной поспешностью, не удостоив почестей, соответствующих его сану — помощника капельмейстера собора Святого Стефана, а также званию придворного капельмейстера и композитора. Более того, на кладбище Санкт-Маркс никто из сопровождавших тело Моцарта не пошел. Якобы, из-за резкого ухудшения погоды, хотя, из архивных источников Венской обсерватории и дневника графа Карла Цинцендорфа, ведшего обстоятельные метеонаблюдения, явствует, что в тот день стояла обычная, характерная для поздней осени погода без осадков. Следовательно, причинами того, что никто из участников убогой похоронной процессии не дошел до монастырского кладбища, были не погодные условия, а нечто совсем другое. Но самым непонятным в этом деле остается факт того, что композитор был похоронен в безымянной могиле для бедняков, которая, к тому же, вскоре была утеряна. Кто-то

Последние дни Моцарта

тщательно скрывал следы преступления…

Более того, в кругу венских музыкантов долгое время передавалась следующая история. Будто бы гроб с телом Моцарта отпевали не в храме Святого Стефана, а у входа в Крестовую капеллу, прилегающую к северной недостроенной башне. А затем, когда сопровождавшие удалились, гроб с телом внесли внутрь и, прошествовав перед Распятием, вынесли прах великого музыканта уже через другой выход, ведущий прямиком в катакомбы, где хоронили людей, умерших во время эпидемии чумы.

Спустя несколько дней после смерти Моцарта, австрийские, а затем европейские газеты запестрели краткими проходными сообщениями о кончине «*композитора, известного всей Европе своим редкостным талантом*», «*достигшего наивысшего мастерства*» и так далее. И только в берлинской «Музыкальной ежедневной газете» от 12 декабря 1791 года прозвучал недвусмысленный намек на криминал: «*Моцарт скончался. Он вернулся домой из Праги больным и с той поры слабел, чахнул с каждым днем: полагали, что у него водянка, он умер в Вене в конце прошлой недели. Так как тело его после смерти сильно распухло, предполагают даже, что он был отравлен*».

Большинство же современников Моцарта считало однозначно, что он умер естественной смертью от «острой просовидной лихорадки», которую 28 ноября диагностировал его домашний врач Саллаба (случаев такого заболевания больше в Вене не зарегистрировано). Этого диагноза было достаточно, чтобы внушить потомкам главное: великий Моцарт умер естественной смертью. Внушить на время… Но по прошествии тридцати лет то, о чем писалось или говорилось в странах Европы только намеками, стали провозглашать в полный голос. В центре внимания оказался престарелый композитор придворный капельмейстер Антонио Сальери. Вспомнили все: и то, что итальянский маэстро был соперником, если не врагом Моцарта, вспомнили высказывания последнего о том, что Сальери посягал на его жизнь. А тут еще у Сальери сдали нервы, и он в присутствии свидетелей будто бы признался в убийстве. Бульварная пресса тут же подхватила и растиражировала эту новость. Сальери объявили «душевнобольным».

В это же время, а именно в 1821 году, первый композитор империи Антонио Сальери послал несколько странную депешу графу Г. Гаугвицу в Немешть следующего содержания:

«*По получении этого письма Вашим превосходительством автор оного уже будет призван Господом Богом. К письму приложен оригинал моего уже Реквиема; как и обещал, преподношу его Вам с единственной просьбой: чтобы исполнили его только в Вашей капелле во спасение моей души…и пока я жил в этом мире…*»

Исповедальный тон итальянского маэстро скорее подходит самоубийце, нежели человеку, ждущему приближения смерти от прогрессирующего недуга. В таком случае понятно, почему в 1823 году Сальери использовал бритву, пытаясь перерезать себе горло. Упомянутый Реквием Сальери писал «для себя», следовательно, замысел самоубийства созрел у него давно и «помутнения

рассудка», как пытались заверить общественность газеты, у него, конечно же, не было. Вот почему все документальные источники связывают попытку придворного капельмейстера свести счеты с жизнью, как косвенное подтверждение причастности его к таинственной гибели Моцарта.

Свет на эту тайну пролил в свое время и известный австрийский историк музыки профессор Гвидо Адлер. При изучении церковной музыки в одном венском архиве он нашел запись исповеди Сальери. В документе содержались детали того, где и при каких обстоятельствах Моцарту давали медленно действующий яд. Адлер дотошно сверил по годам фактические данные записей и пришел к заключению, что исповедь Сальери совсем не «горячечный бред умирающего», как пытались представить дело его сторонники. Понятно, что апеллировать к вышеназванной «исповеди» у нас нет ни морального, ни юридического права. На то она и существует — тайна исповеди.

Что перед нами — рок или судьба? Потому ли умер Моцарт, что создал «Волшебную флейту», или, работая над оперой, знал, что погибнет?

Это еще предстоит узнать… ❑

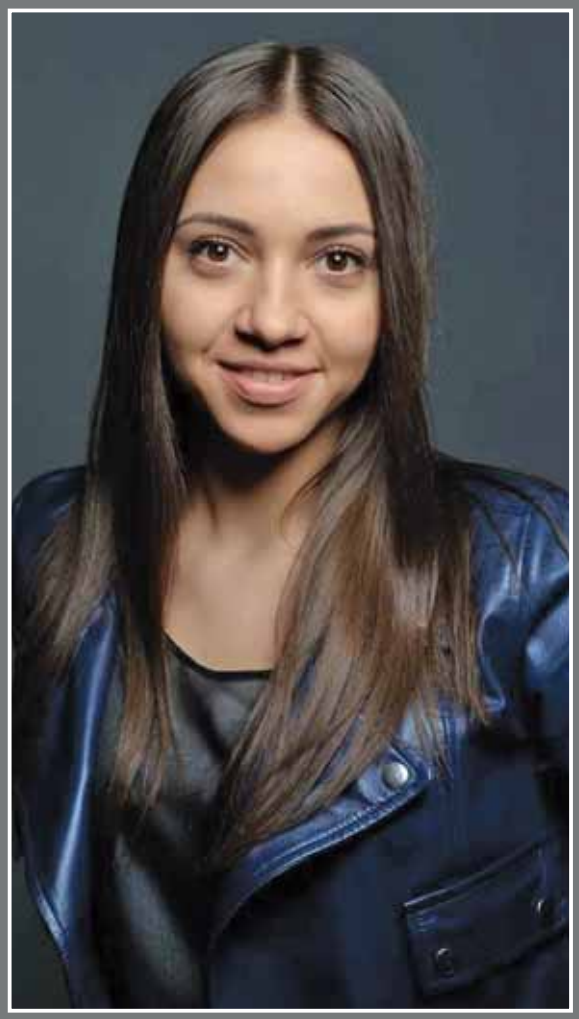
Юлия Мазурова:

«Хочу быть человеком мира!»

— В Большом театре на Исторической сцене прошла премьера оперы «Кармен», в которой вы исполняете главную партию, — постановка режиссера Алексея Бородина. Как проходила подготовка к спектаклю?

— Я засыпала и просыпалась с клавиром в руках, даже во сне репетировала свою партию. Над постановкой с нами работали прекрасные педагоги, много времени уделялось вокальной подготовке, работе с режиссером, с дирижером, с пианистом, а также изучению французского языка. Большое участие

Молодая солистка оперной труппы Большого театра Юлия Мазурова обладает редким по красоте голосом. В 2013-м году она дебютировала в Молодежной оперной программе Большого театра, исполнив партию Дитя («Дитя и волшебство» М. Равеля). В ее репертуаре запоминающиеся образы: Менетта — «Любовь к трем апельсинам», Дорабелла — «Так поступают все женщины», Снежная королева — «История Кая и Герды», Керубино — «Свадьба Фигаро» и другие. А совсем недавно она блестяще пела партию Кармен в опере Бизе «Кармен».



в этих занятиях принимала прекрасная пианистка Светлана Ефимова, ответственный концертмейстер, у нее сильный характер — нас, артистов, тренировала как спортсменов, жестко, очень требовательно. Каждый день, даже в выходной, могла позвонить и вызвать на урок. Я всегда ходила с удовольствием!

Из Испании приезжали профессиональные танцовщики — брат и сестра Риккардо и Росарио Кастро, чтобы научить нас, как нужно исполнять фламенко, и мы постигали основы этого сложного танца. Детали отрабатывали каждый день, еще и дома усердно занимались. Не каждый танцовщик станцует фламенко, а для оперных певцов — это совсем непростая задача.

— Партию Кармен вы уже исполняли в 2014 году, во Франции, в Сен-Поле. Как это было?

— Французы Элизабет Видаль и Андре Канье, с которыми я занималась в Молодежной оперной программе, пригласили меня спеть на музыкальном фестивале «Open Air» в городе Сен-Поль. За неделю

я должна была выучить эту огромную партию и, признаюсь, что мой страх был велик! Приглашение поступило совершенно неожиданно, было волнительно и вместе с тем радостно! С Элизабет и Андре мы подготовили тогда в кратчайший срок партию Кармен. Я считаю их своими вокальными родителями, они мне помогали бесценными советами, как лучше ее сделать актерски, как раскрыть себя, и у меня все получилось. После концерта в Сен-Поле произошел один смешной случай. Я, как начинающая певица, после спектакля получила приглашение на ужин от организаторов фестиваля. Вошла в ресторан, направляюсь к своему столику, а все присутствующие люди стали кому-то аплодировать. Посмотрела по сторонам и вдруг поняла, что это аплодируют мне. Было неожиданно и, вместе с тем, очень приятно.

— В прошлом сезоне состоялась премьера спектакля «История Кая и Герды», где вы испол-

няете партию Снежной королевы. Чем вам интересна ваша героиня?

— Снежная королева — сама стихия, это не классический образ Снежной королевы Она очень необычна, загадочна. Мне сделали сложный, особенный грим, мы выбрали красивое черное платье, и получилась вся такая инфернальная Снежная королева. Художник даже задумал, чтобы глаза королевы были белого цвета, и для этого пришлось надеть линзы. В итоге образ получился завораживающий, притягательный. Очень красивая музыка композитора из Петербурга Сергея Баневича, такая вдохновляющая... Над декорациями работал знаменитый театральный художник Валерий Левенталь. Режиссер — постановщик оперы — Дмитрий Белянушкин. Яркий сюжет с динамичным действием, множество спецэффектов, фокусов, в общем, все получилось увлекательно — настоящий сказочный спектакль для детей и взрослых.

— Я знаю, что вы занимались в Молодежной оперной программе с великой Еленой Васильевной Образцовой...

— Незабываемые мастер-классы Елены Васильевны! Величайшая Личность, оперная Дива, прекрасный человек! Мы много работали с Еленой Васильевной. С ее стороны я чувствовала особое ко мне участие, а сама постоянно испытывала

стеснительность, робость, ведь я находилась рядом с такой Величиной! Елена Васильевна была великим педагогом. Светлая ей память!

— Вас можно поздравить с окончанием учебы в Петербургской консерватории...

— Я должна была ее закончить еще два года назад, но в день экзамена у меня в театре было два спектакля подряд. Так что сдать госэкзамены удалось только в этом году.

— Вашим наставником была и остается народная артистка Ирина Петровна Богачева...

— Роскошное, редчайшее меццо-сопрано! Ирина Петровна всегда поддерживала меня на всех конкурсах, помогала и помогает творчески, и я ей за все очень благодарна.

— Вы обучались также в Молодежной оперной программе, чьи мастер-классы особенно запомнились?

— Все мастер-классы были прекрасными, к нам приезжали только яркие и талантливые люди, педагоги, певцы — каждый чему-то научил. За сорок пять минут ты не получишь всю школу, но узнаешь много нового, интересного, в процессе обучения ты вдохновляешься. После урока с талантливым мастером тебе так хочется петь, много работать, ты взволнован и чувствуешь себя счастливым, буквально летаешь на крыльях! Мне очень нравились уроки с французами — Элизабет Видаль и Андре Канье.

— Концертные платья для выступлений вы сами выби-

раете или же предлагают стилисты?

— Раньше руководствовалась своим выбором. Но в период обучения в Молодежной оперной программе, под руководством Дмитрия Юрьевича Вдовина, мой вкус менялся. Вдовин постоянно приучал нас, будущих артистов, быть всегда элегантными, стильными, прививал французский вкус. Что касается выбора платьев, то в последнее время со мной случаются интересные истории.

Очень красивое, даже роскошное платье у меня появилось после празднования юбилея знаменитой марки виски, мы молодые артисты, выступали на этом мероприятии. Стилисты для каждого номера подбирали туалеты из своих личных коллекций. Создавали для нас образы. Все артисты были с красивыми прическами, с изысканным макияжем. Платье, предложенное мне стилистом, сначала увидели педагоги Дмитрий Юрьевич Вдовин и Сергей Алексеевич Терехов, и сказали, что это очень красиво. Посоветовали его сфотографировать — на будущее, чтобы можно было бы сшить или купить похожее. Потом решили выкупить для меня это платье, и я обратилась к стилисту Дарье Таракановой — именно ей при-

надлежало это изумительное платье французской фирмы «Lanvin» — старейшего Дома французской Высокой Моды. Вы не представляете, каково было мое удивление, когда Дарья сказала, что дарит мне его!

— Как вы относитесь к участию в конкурсах? Это ведь очень сложно, наверное, все конкурсанты испытывают огромное волнение?

— Это ответственно. Участие в конкурсах воспитывает характер. Выходишь на сцену, поешь новую программу, таким образом, ты поднимаешься на ступень выше, преодолеваешь себя, развиваешься. Конкурс — это возможность проявить себя, тебя заметят и в дальнейшем могут пригласить для участия в интересном проекте.

— Юля, вы с детства мечтали петь?

— Петь я начала с четырех лет. Ко мне на дом почти каждый день приходили преподаватели музыки, а еще я занималась хореографией, плаванием. С мамой играла на фортепиано, она в свое время окончила музыкальную школу, даже мечтала стать балериной, но ее родители были против. Мама стала настоящей женой офицера, посвятила себя семье, воспитала меня и брата. Папа у меня — полковник, и брат пошел по его стопам.

— Чем вы увлекаетесь, если бывает свободное время?

— Очень люблю плавать, друзья называют меня «касаткой»! В море плаваю по полтора часа, водная стихия — это мое все,

можно сказать, я так буквально заряжаюсь.

— Есть ли места, куда хочется вернуться?

— В Ниццу, я считаю ее своей второй родиной. С этим городом связаны очень теплые воспоминания. Я бывала там трижды. Два раза ездила на ежегодные концерты с Молодежной оперной программой. Мне нравится французская культура, и многому хотелось бы поучиться у французов: тонкому вкусу, изысканным манерам, элегантности.

— К чему вы стремитесь в жизни?

— К самосовершенствованию, к встречам с интересными, увлеченными талантливыми людьми, именно это мне придает импульс. Я пытаюсь расти и развиваться, хочется достичь вершин в творчестве. Мечтаю встретить талантливых дирижеров, режиссеров, певцов. Я хочу быть человеком мира!

— А что бы вы хотели пожелать журналу «Смена»?..

— Когда я шла на встречу с вами, мне позвонили родители из Казани, узнав, что я даю интервью «Смене», они выразили самые восторженные чувства, родители с юности любят ваш журнал. Лично я могу только пожелать журналу успехов, долгой творческой жизни и процветания! ❑

Беседовала ***Елена Александрова***

Иван Переверзин

***

Как мирно в солнечном лесу…
И потому, наверно, птицы
с утра звенят, звенят вовсю,
так, что нельзя не вдохновиться!

И вдохновенье — тут как тут —
взрывает душу нестерпимо,
и я, как тундровый якут,
пою о всем, что только зримо.

О листьях, о корнях, о мхах,
о небе синем с красным солнцем,
чей свет в озерах и в прудах
отображается — до донца!

Я жаждал счастья! Вот оно
передо мной во всем размахе…
И если прошлое — темно,
то за грядущее — нет страха…

***

Хотел уйти в себя… Не вышло,
поскольку — вспомнил о тебе —
моей цветущей ярко вишни —
в любви, надежде и мольбе.

Свет-нежность душу озарила,
звездою вспыхнул жаркий взгляд —
и страсти солнечною силой
горел я, словно в зорях сад.

Но вот беда — в тот вечер самый
ты — загостилась у подруг.
Нет, жизнь мне не явилась драмой,
но обернулась — уймой мук…

А ночью сон увидел, где я
любился, только не с тобой…
Глядишь, и враз другая фея —
мне станет жизнью и судьбой.

Шучу… Но на носу зарубку
уж сделай ты — себе сама,
чтоб быть всегда при мне голубкой —
и лишь меня сводить с ума!

***

Давным-давно не знаю счастья,
поскольку в горе лишь люблю
с невыразимо светлой страстью
ответность девичью твою…

Об этом думай иль не думай,
но сам собой встает вопрос:
«Неужто жизнь и впрямь угрюма,
как будто небеса без звезд?»

Отвечу искренне, спокойно,
ну, словно в церкви, на духу;
«Порой я так живу греховно,
что в сердце места нет греху…»

***

Разве ж это жизнь, — когда
сходят с рельсов поезда
и невинно гибнут люди?!
Без сомненья — нет, мой Боже,
но и в черной смерти тоже
счастья никогда не будет.

Вот так дело! Ну, а точно —
западня, в которой прочно
мы с рождения — сидим.
От печали, хоть стреляйся
или в доску — напивайся,
чтоб душою — стать слепым.

***

О, как мне сумасшедшее больно,
ну, словно по кострам иду.
И сердцу хочется невольно
забыться в золотом бреду.

Но кто же так меня обидел?
Да сам я, сам, что глупо вновь,
решил, покой возненавидев,
всю жизнь поставить на любовь!..

***

Ах, что я вновь такое сделал, —
зачем тебе сказал: «Прощай!..»,
пусть про себя, но слишком смело,
как бы в иной поверив рай…

И не скажу! Но на поверку,
когда вдруг спал душевный пыл,
сломал я жизнь зараз, как ветку,
и словно — сам себя забыл!

Рыдай, душа! Мозги, взрывайтесь
безмерным гневом на меня!
Да только я — не обольщайтесь —
теперь лишь — пепел от огня…

***

Восстать из беды, ох, непросто,
если в сердце — снега и снега,
если мнится: невиданно поздно
возвращаться в любви берега.

И опять я стою на распутье,
перед выбором: «Быть иль не быть?..»
И по сердцу сомнения прутья
хлещут так, что осталось завыть.

Но — спасает от грехопаденья
моя воля, покрепче, чем сталь!
Словно было святое знаменье —
и теперь только прошлое жаль…

С этим можно упрямо бороться
тем, что я и поныне люблю —
света-радость, творимую солнцем
вдохновенно навек, как в раю…

И однажды я, с помощью Божьей,
вновь сыщу путь высокий к себе,
и на жизнь стану сердцем моложе,
помолившись о вечной судьбе.

И восставшая, словно из мрака,
из разброда расстроенных чувств —
помни, жизнь, до сих пор я, однако, —
жить счастливо в мученьях учусь.

КРАСОТА ПРОЩЕНИЯ

Ну, вот и все: я вроде — жив,
по крайней мере, сердце цело,
хотя как будто страшный взрыв
разворотил до крови тело…

Тошнит, трещит башка, в глазах
темным-темно, как тяжкой ночью.
Но это — не рождает страх
и не бросает в дрожь сорочью…

Пусть лишь по голосу, но я
тебя узнал всю — до морщинки.
Да не дрожи так, — боль тая,
и с глаз утри скорей слезинки.

Теперь, когда со мною ты,
быстрей пойдет выздоровленье, —
ведь для меня нет красоты
прекрасней, чем твое прощенье…

***

Я, кажется, — болен…
Но чем? Не пойму!
Крестьянское поле
уходит во тьму…

Лишь слышится глухо
стук конских копыт.
Да филин заухал
у дальних ракит.

Где жизнь зоревая?..
Где подлая смерть?..
Я знаю, — не зная,
но нет сил скорбеть.

Лежал бы и слушал,
как птицы звенят,
но вывернул душу
до времени — ад!

Крестьянское поле, —
побитый — овес, —
и горько до боли,
и страшно до слез…

***

Жизнь моя, ты не стала несчастной,
а могла бы в сем страшном миру.
Сколько раз всей натурою страстной
я пылал, как костер на ветру.

И в ответ получал на орехи,
да так сильно, что больно страдал!
И, стремглав мимо счастья проехав,
на расправу к чертям попадал.

Буду честен, страх сковывал душу,
от отчаянья — выл, словно волк.
В Бога верил, но нехристей слушал,
ибо в этом был мой как бы долг.

Забывал, кто я есть в самом деле,
кому друг, а кому вечный враг!
Стрелы злобы в лицо мне летели,
в душу пялился зависти мрак.

Если б я тогда пил, то бы точно
под забором бесславно подох.
Выжил тем я, что каждою ночью
так любил и любим был, как Бог!

И поныне, пускай безответно,
но люблю, словно сердце — звезда…
Пламя — страсть! — и ее злому ветру
сил не хватит задуть никогда!

СОЛНЦЕ ЖИВЫХ

Вновь солнце, не жалея сил своих, —
все льет и льет на землю свето-золото.
И, как всегда, живее всех живых,
в грядущее я вглядываюсь молодо.

Но жизнь моя свершалась нелегко,
порой я даже в крик кричал от боли,
и горевал, что счастье — далеко,
хотя и знал, что рядом оно — в поле…

Сил не хватало или жара сердца?
Я не отвечу… Но в сиянье звезд
пускай пришлось мне ох, как упереться. —
чтоб счастье ухватить за яркий хвост.

Но трудно удержать, когда упрямо
то бьют по морде, то под самый дых.
Но перед тем, как разразиться драме, —
вдруг руку протянул мне вечный стих.

И если — переменчивы — подруги,
то для меня он стойким другом стал, —
неважно, леденит ли душу вьюга,
иль зной бросает в пот, как в бездну скал.

И все же я так Богу благодарен
за волю, что успел в полях скопить, —
ведь с ней могу душою, как в ударе, —
любви вершину знойно покорить.

А солнце, не жалея сил своих,
все льет и льет на землю свето-золото.
И, как всегда, живее всех живых,
в грядущее я вглядываюсь молодо.

***

На старости лет скитаюсь по чьим-то квартирам,
свои раздарив, как будто в тяжелом хмелю…
Жалею об этом? Ничуть! Ибо вечная лира
меня не предаст и на самом последнем краю.

С душою богатой на радость таланта чужого, —
чьи яркие строки в душе полыхают зарей, —
мне надо всего лишь хлеба краюху да крова —
матрас с одеялом — и хоть бы на ночку покой.

***

Лишь скажу я: «Интересно!..» —
в чувстве огненном любви, —
взор увидев твой прелестный,
будто молвящий: «Лови!..»

А потом?.. Пыланье страсти,
словно в солнечной судьбе,
когда я — в себе не властен,
ты — не помнишь о себе…

Нет мгновений этих выше
и важней, чтоб страстно жить…
Будто с неба голос слышу:
«Лишь любя, не грех любить…»

Все пройдет — и боль, и радость,
небо обратится в твердь…
Только — ничего не надо,
как в последний раз, жалеть. ❑

Владимир Жеребцов — молодой талантливый артист театра и кино, сыгравший более тридцати ролей в заметных теле-сериалах и фильмах: «Склифософский», «Широка река», «Москва. Три вокзала», «Таксист», «Утесов. Песня длиною в жизнь», «Громовы» и многие другие. В свои тридцать лет он уже известный актер, очень востребованный, харизматичный, а его обаятельная улыбка надолго запоминается зрителям…

Владимир Жеребцов:

«Я люблю всегда быть разным»

— Владимир, что нового в вашей творческой жизни происходит сегодня?

— В нашем театре выпустили премьеру — спектакль «Тартюф», знаменитую пьесу Жана-Батиста Мольера поставила приглашенный французский режиссер — Бриджит Жак-Важман. В «Тартюфе» я играю главную роль.

На канале «Россия» состоялась премьера сериала «Королева красоты», режиссер — Карен Оганесян. Это исторический фильм про шестидесятые годы нашей страны, в его основе — судьба первой советской манекенщицы, признанной на Западе.

Роль для меня неожиданная и интересная, я сыграл молодого человека, который приехал из провинции покорять Москву. Сначала мой герой устраивается на работу, чтобы писать в газету, но не совсем это у него получается. Он обнаруживает в себе другие способности: умение контролировать, анализировать ситуацию, наблюдательность, и вскоре становится работником КГБ. Он не теряет себя, несмотря на все непростые перипетии судьбы.

— Премьера «Тартюфа» в театре имени Пушкина прошла с большим успехом, Жак-Важман ставила в таких театрах, как Комеди Франсез, Театр Одеон, Шайо, Опера Комик, Театр де ля Виль. Как вам работалось с Бриджит Жак-Важман, кстати, она является дальней родственницей великого Мольера...

— У нас разное представление о выражении материала. Для Бриджит очень важно слово, то есть очень важен сам текст — как он произносится, с какой интонацией, она все время делала упор на этом. Мы постоянно спорили с ней, потому что на сцене должно быть действие, что-то должно происходить, это ведь не радиотеатр, и зритель не усидит в зале, только слушая пьесу.

После выпуска спектакля нам приходилось что-то переделывать.

Мы хотели, чтобы наши герои не выглядели архаично, ведь эта пьеса современна и сегодня.

— Обычно Тартюфа играют пожилые артисты, почему-то сложился именно такой стереотип... А ваш Тартюф неожиданный — он чертовски обаятелен и молод!

— В наше время Тартюфом может быть и очень молодой человек, коммуникабельный, способный войти в доверие и ловко обмануть доверчивых людей. Нечестные риэлторы, например. Но у него есть одна положительная черта — Тартюф умеет любить, он испытал серьезные чувства, из-за чего вся его авантюра и провалилась!

— Вы много снимаетесь в кино и телесериалах, играете в театре. Среди всех сыгранных ролей есть любимые?

Спектакль «Пули над Бродвеем»

— Слава богу, я играю то, что мне нравится. Особенно любимой роли выделить не могу. Мне нравится состояние, когда я скучаю по сцене. Если выходить изо дня в день на подмостки, это может превратиться в рутину.

А если сыграл спектакль, и у тебя есть временной перерыв, потом берешься за новую роль с какой-то особенной силой.

— Кто ваши учителя в профессии?

— Я окончил театральное училище имени Щепкина, самый большой мой Учитель, который дал мне все не только как актеру, но и в человеческом смысле — это Римма Гавриловна Солнцева. Удивительный человек, замечательный педагог! За годы педагогической деятельности Римма Солнцева воспитала около трехсот учеников, многие из них известные и популярные актеры.

Пользуясь случаем, хочу передать Римме Гавриловне огромный привет и низкий поклон. Еще хочется поблагодарить моего педагога Евгению Дмитриеву. Мне также посчастливилось встретиться с Аллой Борисовной Покровской, с Романом Ефимовичем Козаком. Эти светлые люди дали мне очень много…

— Вы — универсальный артист, играете в театре и в кино. Между ними есть какие-то различия? На ваш взгляд, это разные профессии?

Спектакль «Босиком по парку»

— Абсолютно разные. Работа в кино прекрасна тем, что на съемочной площадке ты постоянно встречаешься с разными людьми, ездишь в экспедиции, попадаешь в разные ситуации, иногда и в форс-мажорные. Это хорошо, потому что твой актерский организм становится более живым. В театре все довольно консервативно — разбор пьесы, репетиции, и так изо дня в день.

В профессии мне не хочется повторяться. Я люблю всегда быть разным.

Как нужно существовать на съемочной площадке, меня никто не учил, все пришло постепенно, с опытом. Вообще важно найти общий язык с оператором, познать хитрости процесса, актер может сыграть отлично, но если это плохо снять, все его старания, увы, будут тщетны. Мой самый первый полнометражный фильм — «Дунечка» снят совместно с белорусской киностудией. Экспедиция проходила в Минске, в Ялте, мне было очень интересно работать в этой картине. Доброе, детское кино, сейчас, к сожалению, такие фильмы не снимают.

— Знаю, что фильм «Дунечка» был удостоен в 2005 году Гран-при кинофестиваля «Московская премьера» в конкурсе «Наше детское кино», приза «Феникс» за лучший актерский состав и приза «Хрустальный аист» за «Лучший художественный фильм»...

«Камерный театр. 100 лет». Спектакль-посвящение

Но вернемся к нашей теме. Скажите, Владимир, вы, наверное, мечтали стать актером с детства?

— Я учился в замечательной московской школе № 156. Группа наших молодых педагогов, преподававших русский язык, литературу, гуманитарные дисциплины и очень увлеченных людей, создала для школьников театральную студию «Юпитер». Ребята с удовольствием туда ходили, «подтягивались» к нам и новички. Мы вместе придумывали разные спектакли, какие-то концерты к праздничным дням, у нас был и КВН, а общем, школьная жизнь была весьма насыщенной. Занятия в студии «заразили» меня, и после окончания школы я решил попытать счастья и подал документы в театральный вуз. Поступил с первого раза. Родители мои — инженеры, на выбор моей профессии не влияли и отношения к искусству не имели.

— Чтобы держать форму, вы занимаетесь спортом?

— Я посещаю спортзал, пока самостоятельно занимаюсь карате. Раньше ходили вместе с другом, но, к сожалению, потеряли зал. Карате очень дисциплинирует, держит в порядке не только тело, но и дух.

— Что из последнего, увиденного в кино, вас особенно впечатлило?

— Сериал «Во все тяжкие» режиссера Винса Гиллигана. Меня покорил и поразил Брайан Крэнстон — исполнитель главной роли! Восемь сезонов по двенадцать серий — и этот артист везде разный! Это история жизни школьного учителя химии, который, ради того чтобы прокормить свою семью, решается на крайние меры. Очень хорошая работа всей творческой команды. Сериал удостоен шести премий «Эмми».

Моя жена, Анастасия Панина, даже подарила мне браслет с логотипом этого сериала и инициалами этого актера.

— Анастасия Панина — актриса театра имени Пушкина, в каком новом спектакле ее можно будет увидеть?

— В премьерном спектакле «Жанна д'Арк», это замечательная постановка режиссера Сергея Землянского, она блестяще сыграла главную роль! Анастасия — невероятная, она — молодец! Спектакль пластический, без слов. Все эмоции и переживания героини она выражает своим телом и, главное, сердцем! Я горжусь Настей! Я ее очень, очень люблю!

— Какие люди вам импонируют?

— У нас нет большого круга общения. Вокруг нас редко появляются какие-то новые люди. Все наши друзья — люди, проверенные временем и жизненными обстоятельствами. Попасть в наш круг доверия сложно.

— Чем занимаетесь в свободное время, если оно бывает?

— Ходим на концерты, вот сейчас, например, собираемся на концерт Дианы Арбениной. А вообще все свободное время мы занимаемся нашей любимой доченькой.

— Вы хотели бы, чтобы она в будущем стала артисткой?

— Хотелось бы, чтобы она стала хорошим и образованным человеком. В свои пять лет у нее есть все задатки артистки, поет, танцует, что-то сочиняет, рисует, очень подвижная девочка. А свой выбор в будущем пусть сделает сама.

— Владимир, что пожелаете зрителям, которые приходят в театр?

— Быть более открытыми, быть более внимательными. Наше время способствует тому, чтобы человек замкнулся, а хочется, чтобы он с открытым сердцем приходил в театр. Хочется видеть доброго и открытого зрителя, чтобы он не сидел с «холодным носом», ведь актеры очень стараются! В нашем театре нет такого, чтобы артисты выходили на сцену просто отработать. Наши артисты в каждой постановке отдают частичку своего сердца. ❑

Беседовала ***Елена Воробьева***

Ирина Опимах

ЖИВОЙ ШЕДЕВР

Однажды она сказала: «Хочу стать живым шедевром», — и ей это вполне удалось. Она превратила себя в произведение искусства, которое запечатлели лучшие художники ее времени. Вот она — на портретах кисти Джованни Болдини, Кеса ван Донгена, Огастеса Джона, Ромейна Брукса, Льва Бакста — удивительная, непостижимая, прекрасная…

Луиза Амман, будущая маркиза Казати, родилась 23 января 1881 года. Ее отец, Альберто Амман, был одним из самых успешных текстильных магнатов Италии — его текстильные фабрики приносили огромные барыши. За вклад в промышленное развитие страны король Умберто пожаловал Амману графский титул. Они вообще дружили — король нередко отдыхал на роскошной вилле Аммана, расположенной на живописных берегах озера Комо. Луиза, как и ее старшая сестра Франческа, получила прекрасное образование. Большую роль в этом сыграла ее мать, госпожа Лючия, — она водила девочек в лучшие музеи Европы, приобщала к чтению, рассказывала, с присущими ей страстью и фантазией, об удивительных людях — героях прошлого и современниках, музыкантах, актерах, поэтах.

Но счастливое детство сестер Амман оказалось недолгим — когда Луизе было всего 13 лет, умерла мать, а через два года скончался и отец. Родители оставили дочерям огромное наследство, и барышни Амман вдруг стали самыми желанными невестами Италии. Их ждали на балах, но они предпочитали теннисные корты и конюшни. А потом Луиза вообще всех удивила — она решила постричься, и вдруг все увидели, какие у нее, считавшейся раньше дурнушкой, огромные, выразительные глаза. А еще заметили стройную фигуру, прирожденную грацию.

В 18 лет Луиза влюбилась в красавца маркиза Камилло Казати Стампа, отпрыска одного из старейших в Италии аристократических кланов. Этот бравый лейтенант кавалерии и любитель поохотиться совершенно вскружил голову Луизе, при этом сам пал жертвой ее демонических глаз. Его благородное, но обедневшее семейство было довольно — мальчик делает хорошую партию, особенно нравились капиталы Луизы. 22 июня 1900 года Камилло Казати и Луиза Амман обвенчались. Так Луиза стала маркизой Казати.

Медовый месяц они провели в Париже, где в это время проходила Всемирная выставка. Там, в Париже, образ юной рыжеволосой дамы в стиле «бель-эпок», Прекрасной эпохи, в шляпке с черными перьями, с выразительным взглядом (позже она будет закапывать в глаза беладонну, чтобы расширить зрачки и придать им еще большую выразительность) — запечатлел модный в те времена портретист Поль Сезар Эле.

В потом началась жизнь, типичная для молодых представителей высшего света — роскошные виллы на природе, вечеринки в миланском особняке, охота, поездки на автомобиле. Тогда все увлекались оккультизмом, и героиней миланских спиритов была Кристина Тривульцио. О ней рассказывали множество страшных историй, к примеру, что у нее в спальне нашли

забальзамированный труп юного поклонника. Когда-то она покорила сердца Шопена, Бальзака и Делакруа. Когда Луиза появилась на свет, Кристины уже лет десять не было в живых, однако все утверждали, что Луиза на нее очень похожа, особенно глаза — ну, точно как у Кристины. («Эти ужасные глаза сфинкса», говорил Альфред де Мюссе.) История Тривульцио, ее образ произвели такое впечатление на Луизу, что, родив в 1901 году дочь, она назвала ее Кристиной.

Дни шли за днями — няньки занимались дочкой, муж пропадал на охоте. Спиритические сеансы, обустройство дома, выбор нарядов для вечеринок — все это вскоре наскучило Луизе, хотелось чего-то необыкновенного, яркого, и тут в ее жизни появился поэт и драматург, бонвиван, покоритель дамских сердец Габриэле д'Аннунцио. Они встретились на охоте, и Аннунцио сразу решил, что теперь его дичь — юная маркиза Казати. До сих пор этот Казанова не знал поражений, не сомневался он в победе и теперь. Несмотря на свою внешность — «лысина во всю голову и напыщенность коротышки, придававшая ему сходство со сваренным вкрутую яйцом в рюмке от Фаберже», как писал один из тогдашних журналистов, — он быстро завоевал Луизу. Она не смогла устоять перед его абсолютной свободой, независимостью от всех требований света, от морали и приличий. Он был оригинален, и, дабы соответствовать ему, Луиза тоже стала оригиналкой.

Им были чужды любые предрассудки, а потому они не скрывали свой роман. Неудивительно, что в свете только и говорили о связи маркизы Казати и поэта Аннунцио. И Луизе это нравилось — нравилось быть в центре внимания, нравилась известность, и она делала все для того, чтобы быть знаменитой. Ей это вполне удавалось — уже очень скоро газеты перестали насмехаться над «тройственным союзом» супругов Казати и Аннунцио, зато с упоением писали об элегантности маркизы, о ее фантастических туалетах, об изысканных интерьерах ее виллы и миланского дома.

Влияние Аннунцио не прошло даром, Луиза постепенно превратилась из дамы «бель-эпок» в богиню декадентства. Рыжие волосы, длинные платья, высокие каблуки, увеличивающие ее, и без того, высокий рост, — она вдохновенно творила свой образ. И он никого не оставлял равнодушным. «Она женщина удивительной красоты, — писал Аннунцио. — Когда я спросил, с каким ощущением носит она свою гордую маску, она ответила, что ей кажется, будто, проходя, она с триумфом оставляет свой образ в самом воздухе, словно бы это гипс или воск, и таким образом увековечивает себя всюду, где бы ни побывала. В этих словах она выразила, быть может, безотчетное стремление к власти и к бессмертию, свойственное всякой красоте».

Огастес Джон. «Маркиза Казати»

А затем пришло время знаменитых карнавалов Казати. Карнавалы, излюбленное развлечение итальянцев, давали Луизе возможность предстать перед публикой в самых разных образах — и всегда экстравагантных, производивших на ее гостей незабываемое впечатление.

В Риме Луиза, теперь одевавшаяся в черно-белое (и непременная нитка жемчуга на шее), обратила свое внимание на художников, решив стать меценаткой. Первым, попавшим в ее орбиту, был Альберто Мартини, создавший множество ее портретов и остававшийся ее другом долгие годы. Потом Луиза познакомилась с Томмазо Маринетти, вождем футуристов, который называл ее «великой футуристкой со взглядом ягуара, только что прогрызшего прутья клетки». Позже, когда она переехала в Венецию,

Джованни Болдини.
«Маркиза Луиза Казати с павлиньим пером»

Луиза познакомилась с Джованни Болдини. Тогда Болдини был уже очень известным художником. Ему давно перевалило за 60. Этот элегантный господин — постоянный участник выставок в парижском Салоне, не испытывавший недостатка в заказах, считался весьма популярным в высшем свете. Среди его друзей и моделей были не только аристократы, но и представители богемы: Сара Бернар, Ренуар, Верди, Мане и Моне. Болдини дважды удостаивался Гран-при Всемирных выставок в Париже (в 1889 и 1900 годах) и стал кавалером ордена Почетного легиона. Заполучить портрет его кисти было вопросом престижа, и в этом смысле он мог соперничать разве что еще с одним известным портретистом той эпохи, американцем Сарджентом, и Полем Эле, тем самым, который написал портрет Луизы еще в 1900 году.

Рассказывают, что знакомство Болдини и маркизы Казати произошло в дорогом венецианском отеле «Даниэли», где некоторое время

жила Луиза. Однажды, во время завтрака, она обратила внимание на господина, сидевшего за соседним столиком. Он тоже заметил эту непохожую ни на кого даму в черном и в жемчугах. «Разрешите представиться. — Незнакомец был очень почтителен. — Художник Джованни Болдини. Как бы мне хотелось написать ваш портрет!» «А что вы умеете?» — спросила Луиза, протянув ему руку для поцелуя. В этот момент нитка жемчужных бус неожиданно порвалась, и крупные камни рассыпались по полу. Болдини бросился собирать жемчужины и положил на столик маркизы пригоршню камней. «В свободное от поцелуев время я — ловец жемчуга», — почтительно склонив голову, произнес он. Конечно же, она согласилась ему позировать.

Первые наброски были сделаны в Венеции. А потом маркиза отправилась к нему в Париж. Каждое утро она приезжала в студию Болдини — в облегающем туалете от знаменитого (и очень дорого) парижского кутюрье Поля Пуаре, в платье из черного атласа, отороченном горностаем. Талию подчеркивал пояс с букетиком шелковых фиалок, на руках были шелковые перчатки, на шее — лиловый шарф, а у ног — черная борзая в серебряном ошейнике.

Там она творила свой новый мир — мир венецианских палаццо, удивительных венецианских карнавалов. И ее новый дом становился ожившей сказкой, в которой оживало былое великолепие давних эпох. Этот старинный дворец она купила в 1910 году у семейства Веньер, трое представителей которого были когда-то дожами и мечтали, чтобы их дом был самым роскошным и самым большим в Венеции. И теперь им владела она, маркиза Казати. А ее гостями были все именитые гости Венеции. К примеру, однажды она устроила вечер для русских, участников и устроителей знаменитых Русских сезонов в Париже — маркизу посетили Александр Бенуа, Лев Бакст, Сергей Дягилев и Вацлав Нижинский. А еще была приглашена Айседора Дункан, мечтавшая танцевать в труппе Дягилева, ну, и конечно, Аннунцио. У всех остались яркие воспоминания о том вечере. Хозяйка была как всегда неподражаема. На ней «не было ничего, кроме змеи», — говорила сестра Нижинского Ромола.

Бакста очень впечатлила эта женщина. Вскоре она стала его моделью, он написал несколько ее портретов, кроме того, она стала одеваться в костюмы, сделанные по его эскизам. Лев Бакст, один из лучших театральных художников того времени, создал для нее около 4 тысяч туалетов!

Но иногда она одевалась очень просто — для прогулки по площади Сан-Марко ей было достаточно лишь мехового палантина, который прикрывал ее роскошную наготу! «На ней были только ее духи», — это было сказано о ней, Луизе Казати.

Венеция оказалась замечательной сценой для ее карнавалов и балов. И тратила она на них огромные

Справа:
Юлий де Блаас. Казати в костюме «Белый Арлекин»

Маркиза Казати с живой змеей в виде украшения

деньги. Все мечтали получить приглашения на эти празднества. Журналист и обозреватель светской жизни тех лет Габриэль Луи Пренгуэ так описывает в своих мемуарах вечера Казати: «Дверь в комнате, где мы сидели и беседовали, вдруг распахнулась, и вошла она. Ее великолепная фигура была туго обтянута платьем из белого атласа с длиннющим шлейфом, грудь прикрывал букет белых орхидей. Огненно-рыжие волосы подчеркивали алебастровую бледность лица, которое полно-

стью пожирали два огромных глаза; расширенные угольно-черные зрачки составляли зловещий контраст с ярко-алыми губами, казавшимися открытой раной на фоне этой бледности. На руках у нее примостился детеныш леопарда.

Она поглядела на гостей в маленький, усыпанный бриллиантами лорнет и пригласила всех на маскарад, который должен был состояться через несколько дней в ее дворце на берегу Большого канала… В ночь карнавала маркиза прислала гондолы с разодетыми в пух и прах гондольерами, чтобы перевезти приглашенных (человек двести) на небольшую пристань, выделенную ей по особому распоряжению городского головы… Там гостей уже ожидал оркестр. По всему периметру площади стояли на расстоянии метров десяти друг от друга черные великаны в алых шелковых одеяниях. Между ними была натянута золотая цепь, преграждавшая доступ толпе…

Под восторженные выкрики собравшихся маркиза Казати вышла из гондолы. Гигантские черные и белые перья фламинго колыхались на атласном платье цвета лунного сияния, перехваченном в талии черным бархатным поясом; одной рукой она обхватила букет черных ирисов, в другой держала на поводке двух леопардов. Вечер был сказочным».

Но более всего потряс венецианцев маскарад, устроенный Луизой на площади Сан-Марко: гостей, одетых в костюмы XVIII века, защищали от простых зевак нубийцы с факелами, которые держали золотую цепь. Сама маркиза, в платье из золотой парчи на огромном кринолине, прибыла в гондоле, украшенной китай-

скими фонариками, в сопровождении знаменосцев, факелоносцев, сокольничих и двух гепардов.

Не забывала маркиза и о другом своем увлечении — живописи, мечтая увековечить свой образ. Ее рисовали и Умберто Брунеллески (на его гуаши маркиза, одетая лишь в чулки и драгоценности, прогуливается в обществе сиреневой борзой и попугая), и Юлий де Блаас, создавший серию портретов Луизы в карнавальных костюмах, и Роберто Монтенегро, график из Мексики, запечатлевший Казати в персидском костюме работы Пуаре, и русский князь Паоло Трубецкой, и Альберто Мартини, ставший при Луизе чем-то вроде придворного художника. Барон Адольф де Мейер, блестящий модный фотограф, чьи работы печатали модные журналы Vogue и Harper'sBasaar, сделал несколько ее фотопортретов. Один из них Казати подарила д'Аннунцио, который написал на нем: «Плоть есть ни что иное, как дух, повенчанный со Смертью». Эта фотография стояла у изголовья кровати поэта до самой его смерти.

Увлеченная светской жизнью, Луиза мало внимания уделяла своему семейству. Это вполне устраивало маркиза, которого кроме охоты в жизни мало что интересовало, а ее дочь, Кристина, воспитывалась в пансионе. Когда Луиза приезжала проведать девочку, ее одевали в детские панталоны и платьица — так Луиза чувствовала себя молодой мамой, уж очень не хотелось ей стареть...

Когда в Венеции Луизе стало скучно, она вспомнила о Париже и перебралась в столицу Франции, где продолжала эпатировать и восхищать публику. Однажды она пришла в театр в платье из перьев белой цапли, при малейшем движении перья осыпались, и к концу спектакля маркиза оказалась практически нагой. Как-то прибыла в Парижскую оперу, облитая кровью только что зарезанной курицы, и многие дамы, увидев этот кошмар, натурально теряли сознание. А на одном из маскарадов предстала в костюме леди Макбет — в черном бархатном платье, а на плече — восковая рука с кинжалом, испачканная кровью. Она могла выйти на обычную прогулку с черной повязкой на глазу, ведя на поводке мартышек, покрашенных в немыслимые цвета борзых или даже крокодила. А когда она шла в гости, ее часто сопровождали восковые куклы — одна из них была точной копией самой Казати, другая — баронессы Марии Вечоры, покончившей с собой вместе с наследником Австро-Венгрии Рудольфом.

В Париже Казати познакомилась с Жаном Кокто, он называл ее «змеей-искусительницей рая земного», снова позировала Болдини — художник написал еще один, тоже замечательный портрет маркизы — в серебристых тонах, с изумрудными пятнами павлиньих перьев, и с Сергеем Дягилевым. Познакомилась она и с еще одним художником Аластером (настоящее имя Ханс Хеннинг

фон Войт) — эта женщина настолько потрясла его, что он до самой своей смерти рисовал лишь ее.

А потом началась война. Кончалась одна эпоха, начиналась другая. И Луиза Амман, маркиза Казати сумела не потерять себя, не изменить своему стилю. Она принялась путешествовать — побывала в Индии и Перу, причем в паспорт вместо фотографии была вклеена репродукция ее портрета работы Элизабет Шаплен. В поездках ее сопровождали любимые змеи в футлярах от Картье. О своих впечатлениях она в длинных письмах рассказывала

Ромейн Брукс «Портрет Казати»

д'Аннунцио, с которым поддерживала близкие, но теперь уже платонические отношения. И по-прежнему поддерживала своих любимых художников. Журналисты писали: «В глазах общества Казати стала по большому счету ангелом-хранителем кубистов, футуристов и фовистов всех мастей». Особое место в ее жизни занял Кес ван Донген. Все знали, что голландец — тонкий ценитель женской красоты. Во многом своим успехом он был обязан женщинам. Когда-то он увел у Пикассо его Фернанду Оливье и написал ее портрет. Так начиналась его слава. Женское тело, женское лицо — это то, что Донген любил и умел писать. Но для Кеса Казати стала не только моделью — он явно влюбился в нее, и она, по-видимому, ответила на его страсть, иначе бы не появились эти портреты, такие эротичные, чувственные.

Однако эта женщина не умела долго любить, и вскоре Ван Донгена сменил в ее сердце другой художник — англичанин Огастес Джон. Джон считался лучшим портретистом Великобритании. Среди его работ — портреты Б. Шоу, Т.Э. Лоуренса, Т. Харди, У.Б. Йейтса и других. Он создал несколько замечательных портретов Казати, в которых ощущается его нежное и страстное чувство к модели. Да, он не умел принадлежать одной женщине, но маркиза, видно, прощала ему непостоянство, ведь и сама была небезгрешна. Так или иначе, они сохранили теплые отношения до конца ее жизни.

В 1920 году Луиза, открыв для себя Капри, сняла там виллу Сан-Микеле. Ее хозяин, врач Аксель Мунте, прослышав про маркизу, испугался и поначалу отказывался сдать ей виллу, но потом все же попал под обаяние маркизы и стал ее преданным поклонником. Маркизу здесь навещали Дягилев и польский художник Ян Стыка, бывала и знаменитая художница Ромейн Брукс, написавшая

портрет хозяйки Сан-Микеле. «Вы не сделали меня красивой!» — возмутилась Луиза. «Зато я сделала вас благородной», — ответила Брукс.

Со временем и Капри надоел Луизе, и она снова приехала в Париж, где купила огромный, роскошный дворец Пале-Роз. Этот особняк в предместье Везине был копией версальского Большого Трианона и ранее принадлежал графу Роберу де Монтескью, знаменитому эстету, которого Марсель Пруст называл «профессором красоты». Луизу привлекла и слава дворца, и его необъятные размеры. И снова она принялась устраивать там свой мир — декор в привычной черно-бело-золотой гамме, тигровые и леопардовые шкуры… В одном из залов она развесила свои портреты — около 130! — к которым прибавилась серия фотографий, сделанных знаменитым сюрреалистом Ман Реем.

А между тем в Париже, несмотря ни на что, продолжались маскарады. И, конечно же, Луиза была их царицей. Каждый раз ее костюм был лучшим. То ее видели в образе Венеры, то прекрасной венецианкой — в прозрачном платье, усыпанном бриллиантами. А однажды она предстала «Царицей ночи». Этот костюм сделал для нее верный Бакст: расшитое бриллиантами платье из тончайшего шелка дополняла роскошнейшая диадема. Про один из костюмов Казати вспоминала в своих мемуарах Екатерина Барятинская: «Я увидела скорее не женщину, а произведение искусства… Широкие персидские шаровары из тяжелой золотистой парчи, туго стянутые у щиколоток бриллиантовыми застежками искусной работы. На ногах золотые босоножки на высоких алмазных каблуках. Декольте кончалось у широкого парчового пояса; изумительно вылепленная грудь была чуть прикрыта кружевом тончайшей работы. В ушах красовались массивные жемчужные серьги. Огромная черная жемчужина переливалась на пальце одной руки, такого же размера белая — на другой. Лебединую шею несколько раз обвивала жемчужная нить. Воистину явление из «Тысячи и одной ночи», однако в этом не было ничего сверхъестественного. Сказочный наряд удивительно шел ей. Она так резко отличалась от всех прочих женщин, что представить ее в обыкновенном платье было совершенно невозможно».

В следующий раз Казати решила стать мучеником Святым Себастьяном, причем каждая стрела, вонзенная в ее тело, должна была быть оснащена электрической лампочкой. Но во время примерки случилось короткое замыкание, и Луизу так ударило током, что она не смогла приехать на бал. А позже костюм для нее придумал сам Пикассо, и тоже оснастил его лампочками. И опять произошло замыкание — прямо на балу! Поистине красота требует жертв!

Но время шло, и уже никто не хотел развлекаться — наступала Великая Депрессия, у людей не хватало

Казати в костюме «Царица ночи»

денег не то, что на развлечения, а на самое необходимое, на еду и одежду. Кончались деньги и у маркизы. После своих попыток снова устроить карнавалы и маскарады — последнее ее предприятие, бал памяти Калиостро, стал полным фиаско: зеваки забросали гостей тухлыми помидорами, она задолжала банкам огромную сумму. Луиза продавала драгоценности, свои дома, виллы, но этого не хватало. И тогда она придумала способ, как со всем этим справиться — снова выйти замуж, причем за миллионера. (С маркизом Казати Луиза официально разве-

лась в 1924 году, хотя уже с 1914 года они не жили вместе). И ей устроили встречу с миллионером — американцем, но, когда она появилась перед ним — в своих «обычных» одеждах, со змеей в качестве украшения на шее, он испугался и сбежал.

Несчастной маркизе пришлось продать все, что у нее еще оставалось, — фабрики, дворец Пале-Роз, мебель, картины. Портрет работы Болдини, тот самый, с собакой, приобрел Рокфеллер, а знаменитые золотые статуи газелей — Коко Шанель. Жан Кокто с грустью писал:

«Жилище маркизы Казати превратилось в дом с привидениями. Когда оно принадлежало ей, все было иначе… Она вышла из своей комнаты под аплодисменты, достойные великой трагической актрисы. Оставалось сыграть трагедию…»

Теперь у нее не было своего дома, и она скиталась — по гостиницам и домам друзей. Деньгами ей помогали бывшие поклонники и дочь Кристина. (В 1925 году она вышла замуж за виконта Гастингса, и обосновалась в Англии. Ее супруг был не чужд искусству и даже написал однажды портрет своей тещи.)

Удивительное дело, Луиза продолжала вдохновлять художников и покорять публику. В 1935 году, когда ей уже было 55 лет, на одном из парижских балов она произвела фурор в образе австрийской императрицы Елизаветы. Фотопортрет Казати работы Ман Рея напечатали сразу в нескольких модных журналах.

А ей ничего не оставалось, как сбежать от долгов, да подальше — и она уехала в Англию, где поселилась недалеко от своего старого приятеля художника Огастеса Джона, и он снова рисовал ее.

В 1938 году умер Аннунцио. Она не поехала на его похороны — наверное, не хотела видеть в гробу одного из своих самых близких друзей.

Годы шли, ее начали мучить болячки. «Слой пудры на ее лице становился все толще, сказки об Италии — все длиннее, а костюмы — все тоньше», — писал Огастес Джон. В 1952 году Луизе пришлось пережить смерть дочери. У нее осталась только внучка Мурея.

В последние годы маркиза снова вспомнила о спиритизме — по ночам разговаривала с давно умершими друзьями. Она скончалась 1 июня 1957 года, после очередного такого сеанса. От кровоизлияния в мозг… Муррея одела Луизу в ее любимый леопардовый костюм, а последний друг маркизы, Сидни Фармер, принес для нее новые накладные ресницы, а также чучело ее любимого пекинеса, которое положили в ногах хозяйки. В последний путь маркизу Казати, ставшую легендой XX века, провожали всего шесть человек. Ее похоронили на престижном лондонском Бромптонском кладбище. На могильном камне выбили строки из «Антония и Клеопатры» Шекспира: Agecannotwitherher, norcustomstale / Herinfinitevariety (Ее разнообразью нет конца. / Пред ней бессильны возраст и привычка. — Перевод Бориса Пастернака).

А потом она обрела бессмертие. Стала героиней романов и серьезных монографий, фильмов и пьес. Сначала Морис Дрюон, друживший с Казати во время войны, описал ее в романе «Сладострастие бытия» — в пьесе «Графиня», написанной на его основе, главную роль играли Эльвира Попеску и Вивьен Ли, а в экранизации Винсенте Минелли «Время покажет» — Ингрид Бергман. Позже Теннесси Уильямс написал пьесу

Огастес Джон. «Маркиза Казати»

«Молочные реки здесь пересохли»: Луиза была прототипом сразу двух героинь. В 1968 году по пьесе вышел фильм «Бум» с Элизабет Тэйлор, Ричардом Бартоном и Ноэль Кауард.

Прошло много лет со дня смерти маркизы Казати, а ее образ и ныне вдохновляет модельеров и фотографов, ощущается в творениях выдающихся стилистов. Недаром Гальяно признавался, что «хотя маркизы уже нет с нами, жизнь ее остается для нас маяком и неиссякаемым источником вдохновения». И сегодня она смотрит на нас со своих портретов — истинная Муза и вдохновительница множества замечательных художников XX века, женщина, превратившая себя и свою жизнь в произведение искусства. ❑

Дмитрий Ахметшин

Стреляный воробей

Посвящается
всем моим друзьям-сноубордистам.
И всем моим друзьям,
у которых есть дети.

Сегодня я вновь отправляюсь на передовую.

Сын уже собрался, карман куртки оттягивают ключи от гаража. Он никогда до конца не завязывает шнурки, они волочатся за ботинками, как усы за откормленными сомами. Эти ботинки, и правда, похожи на рыбьи морды.

Я заглядываю сынишке в глаза, пытаясь разглядеть там ответ на свои не заданные и не сформулированные вопросы. Он там есть — яркий, как детская раскраска. Глаза большие и испуганные, но собрался он быстро и безо всяких капризов.

Наклоняюсь и завязываю ему шнурки.

Не сговариваясь, крадучись проходим мимо кухни, где моя сестра сидит на кухне с книгой в руках. Мы оба ее боимся. В наше время мужчины, боящиеся женщины, уже не вызывают порицания и какого-то общественного резонанса. У каждого на языке множество примеров, таких же жалких, как мы.

— Ты его убьешь, — говорит она и откладывает книгу.

Пораженный ее прямотой, я выталкиваю сынишку за дверь.

— Он ведь только оправился, — продолжает сестра. Словно хорошо подготовленный легионер, она метает в меня один словесный дротик за другим.

— Ну, Наташ. Он этого хочет.

— Он хочет, потому что ты этого хочешь. Ты его отец. На тебе особая ответственность.

Ответственность — вот слово, которое характеризует Наташу. В карманах у нее всегда есть одноразовые носовые платки. А в карманах домашнего халата — бинт. В сумочке всегда найдутся запасные чулки.

Я закрываю за собой дверь.

— Тетя Наташа расстроилась, — говорит Денис. На руках у него большие варежки, и мне кажется, что под этими варежками руки сжаты в кулачки.

— Тетя Наташа за тебя волнуется, — отвечаю я, толкая его перед собой, как тележку в супермаркете. Мне хочется оказаться подальше от этой двери, дырявой от дротиков-взглядов. Конечно же, она не выскочит следом, не будет ругаться и клясть меня на чем свет стоит. Честно говоря, я был потрясен ее прямотой до глубины души. Обычно она действует другими методами. Мы вернемся, и на ужин нас будет ждать что-то подгорелое, приготовленное без ответственности, окольными путями наводящее меня на мысль, что я сущее дерьмо. Ната пишет книги о воспитании детей, и она знает, как усложнить жизнь их нерадивым отцам.

Как настоящая террористка.

Дениска терпеть не может ссор. Тем не менее, конфронтации в нашей семье имеют место быть постоянно, и его «сварометр» всегда настроен на нужную частоту, он выдает тревожный сигнал задолго до того, как я начинаю что-то чувствовать через свою толстую носорожью шкуру.

Мы отпираем гараж, и я выдаю моему маленькому воину его оружие. Он принимает его настороженно, вспоминая свое недавнее ранение. Снимает перчатки, пальцы пробегают по кантам, проверяя, не слишком ли они затупились.

— Отлично, пап! — говорит он мне.

— В чехле ведь хранилось, — отвечаю я и продолжаю бормотать что-то успокоительное про прекрасную погоду и вспоминать вслух, куда же я дел отвертку. Постоянно говорить — мой способ эмоциональной разрядки. Когда-то я пересказывал Денису начальный курс органической химии, и он засыпал у меня на руках.

— Не смей ничего ему петь, — говорила мне жена. — У тебя слишком дрожит голос.

Все верно. Я слишком боялся своего отцовства. Да и сейчас боюсь, кажется, так же, хотя обстоятельства изменились не в лучшую сторону.

Достаю с полки крепления, высыпаю в ладонь сыну болты с шайбами. Наконец находится отвертка, и мы прикручиваем, куда нужно, крепления, выверяем угол и спорим:

— Кажется, было по двадцать.

— Ты упал, пап? По двадцать я буду похож на краба из «Губки Боба». Было по пятнадцать.

— Да, ты прав… двадцать — это режим в стиральной машине. Переднее у тебя было пятнадцать. А заднее чуть поменьше.

— Заднее, наверное, десять.

— Ставим десять, и я возьму с собой отвертку, чтобы можно было переставить. Договорились?

— Только не как в прошлый раз. Помнишь, когда ты ее потерял, кто-то потом приделал ее вместо носа у снеговика.

Мы переглянулись и засмеялись.

— Не потеряем, — пообещал я. — На этот раз я положу ее в рюкзак.

Выгоняю машину, бросаем на заднее сиденье сноуборд с прикрученными креплениями и термос с чаем. Дениска садится рядом со мной, шлем он держит на коленях, так бережно, словно юный палеонтолог — голову доисторического человека из музея.

Погода сегодня такая, какая нужно. Всю неделю шел снег, а в субботу взял себе отпуск, и под убийственно-яркое солнце выползли, словно большие насекомые, оранжевые машины коммунальных служб с оранжевыми человечками в брюхе. Мы стоим на перекрестке и ждем, пока проедет вереница грузовиков со снегом.

— Повезли на дачи олигархам.

— Каким олигархам?

— С большими холодильниками.

Мы провожаем глазами последний грузовик. Кажется, он везет целый Эверест. Снег вчерашний — чистый и не тронутый городскими выхлопами. Как сахарная вата.

— Смотри, сколько счастья! А летом олигарховы дети открывают дверь холодильника и идут гулять по снегу. Может, им завозят туда снегирей и пингвинов, лыжную базу и сосны. Сам бы с удовольствием купил, да ведь всю комнату займет. И придется срезать там батареи…

Я смотрю на сына поверх темных очков, и он улыбается в ответ:

— Папа, ты опять говоришь ерунду.

Я рад, что мне удалось немного отвлечь его от воспоминаний. Следы несчастного случая в конце прошлой зимы еще не сгладились до конца. Правую руку он теперь не выпрямляет до конца, всегда держит чуть согнутой в локте. Может, положив кисть на колени или просто держа ее перед собой, подолгу наблюдать за движениями мизинца. Вправо-влево, влево-вправо… Именно мизинец «подал в отставку» после последней операции на локтевом суставе и «вернулся на пост» только сравнительно недавно — три месяца назад, когда все остальные кости давно уже срослись, а мышцы функционировали.

На Дениске красная с синим курточка, штаны с застежками и ремешками. Я вспомнил, с каким удовольствием он влезал в них сегодня. Возможно, решение не бросать сноуборд связано с желанием носить эти штаны, с отделением под перчатки, магнитную карточку и маску, с множеством различных утяжек и смешно звенящим карабином для ключей. За такие штаны можно продать душу.

Вот, наконец, склон. Не чета серьезным «горнолыжкам» — всего один подъемник, никаких тебе снежных пушек и специализированной техники.

Детская горка. Здесь ровно, там ухабы, справа отрабатывают прыжки с трамплинов, слева крикливая шантрапа катается на досках по перилам. Это называется — джиббинг, и я искренне надеюсь, что мой сын до этого ужаса никогда не дорастет. Зато на самый верх можно было заехать по объездной дороге прямо на машине, что мы и сделали. Подъемник еще не включили, но народу уже много.

— Ну вот, мы и здесь, — сказал я.

Денис не ответил. Я видел только его затылок в блестящем шлеме и выглядывающей из-под него невзрачной серой шапке, и мог только догадываться, с ужасом он смотрит на спуск или с восторгом.

Он молчал. Я молчал. Строил из неуклюжих слов, будто из конструктора «Лего», следующую фразу. Когда я уже собрался ее произнести, Денис уселся на снег и стал надевать доску.

— Ты не наигрался в свои игрушки в детстве, и теперь пытаешься это компенсировать опытом Дениса, — сказала однажды Наташа.

Строить умозаключения на основе моих отношений с сыном и женщинами — ее хобби. Ей, видимо, собственные изречения кажутся довольно остроумными. Больше всего я, пожалуй, боюсь найти их в очередной Наташиной книге. Очень неприятно, когда тебя раскладывают на столе и препарируют ножом попсовой психологии для домохозяек. Я имею в виду, она, конечно же, не будет указывать фамилий, но я-то буду знать, что мы с Денисом стали героями целой главы. На целый том нас не хватит, но на главу — запросто.

Скрипом ластика по тетрадке моих мрачных мыслей звучит свист. Самый натуральный разбойничий свист, который я когда-либо слышал. Я не могу найти ему равных уже пятнадцать лет — столько я знаком с его хозяином.

— Эй, Семеныч! Как там твоя печень? — жизнерадостно спрашивает меня крупный мужчина.

Мы жмем друг другу руки, я смотрю в постаревшее еще на полгода красное лицо.

— Тебя интересует та часть, что досталась собакам, или та, что еще во мне?

— Я же серьезно спрашиваю, — тускнеет Петр. Все изменения цвета его лица ограничены красным градиентом.

— Ладно-ладно, извини. А как твоя? — миролюбиво интересуюсь я.

— Спасибо, ничего, — отвечает он.

Петр работает на местной лыжной базе инструктором. Мы познакомились, когда он только устроился сюда работать, а я, закупив горные лыжи и рассовав по карманам энтузиазм, пришел учиться. Если подумать, это один самых старых моих знакомых, уникальный случай, отношения с которым практически не изменились за прошедшие годы. Он как был приятелем, с которым пересекаемся только на склоне, а в остальное время почти не поддерживаем связь, так им и остался.

Впрочем, нет. У нас завязывалась дружба, основанная на взаимных подколках и полушутливых перепалках — очень редкая ее разновидность, которая иногда оказывается крепче любой другой. Петя отлично катался, обладал чувством юмора и природой отвязного раздолбая, обеспечивавшей нам веселые вечера на лыжной базе в компании его и моих друзей. Все мы быстро сдружились: две компании, объединенные темнотой в глухом лесном массиве и общим занятием — катанием на лыжах и санках.

А потом я заболел, и мне пришлось уйти. Молодая кровь била тогда фонтаном, да и алкоголь на столе имелся всегда. Но к моему циррозу он не имеет никакого отношения. Это хроническое. Наш с Наташей дед умер именно от поражения печени, и я, видно, был на очереди. Хворь распознали на ранней стадии, и почти четыре года я не выбирался из больниц. Печень стачивалась, как карандаш, и, в конце концов, от нее остался огрызок.

Конечно, лыжи пришлось забросить. Компании тоже. Тогда я был в таком настроении, что стоило мне где-нибудь появиться, как это место сразу же становилось непригодным для жизни. Уверен, оттуда бежали даже тараканы.

Так вот я и прекратил общаться — вообще со всеми. И с зимними видами спорта в том числе. Скоро мы ненадолго сошлись с моей женой, с которой я познакомился в больнице, в терапевтическом отделении. На двоих у нас была одна печень, и если ее можно было сложить и разделить вновь, то ребенок, который у нас получился, целиком достался мне. Марина занималась бегом, и бегом она проследовала через мою жизнь — то спасаясь от одиночества, а то — от моего скверного характера. Точно так же легко она оставила Дениса.

Странно, но жертвой стремления женщины к независимости и свободе часто становятся самые глубинные инстинкты, вроде материнского чувства. Поди, разберись теперь, чей удел править миром, а чей — растить детей.

Как бы то ни было, Денис стал той панацеей, волшебной пилюлей, которая призвана была вернуть меня к жизни. И ему это удалось.

И вот сейчас Петр стоял передо мной, краснолицый, широкогрудый, с мощными ляжками и одышкой. В неизменных лыжных ботинках — собственно, без них я его видел всего несколько раз, когда он приходил навестить меня в больнице. Он обзавелся усиками и оранжевой формой инструктора. В наше с ним время уделом тренера был обычный лыжный костюм.

Петя поглядывает на Дениску, осторожно вставшего на ноги и медленно съезжающего на заднем канте вниз по склону, и спрашивает:

— Как малец? Оправился?

Я качаю головой. Я сам еще точно не знаю. Рука срослась, но рука — только полдела.

В свое время он был очень рад меня видеть здесь вместе с сыном, и даже взялся его тренировать, хотя доска — не его стихия.

— Какая разница, — сказал он тогда, — одна доска или две? — И тут же спросил: — А почему вдруг борд? Лыжи… благороднее, что ли.

— Сейчас это модно, — без запинки ответил я. — У всех есть доска. Вон, смотри, сколько их катается!

Он понял. Не стал формулировать такими изящными фразами, как сестра, но обнял меня за плечи и сказал:

— Я его поучу. Через пару лет все эти сопляки будут ломать себе кости, чтобы сделать так же красиво, как твой малец.

— Не надо ломать кости. Пусть просто ходят к нему за советом.

Когда Денис разбился, влетев в опору подъемника, именно Петр поднял его на руках наверх. Я лишь суетился вокруг и дрожащим голосом пытался объяснить диспетчеру «скорой», на какую конкретно лыжную базу им нужно ехать.

Разговариваем ни о чем. Прибежал Дениска, держа под мышкой доску:

— Здравствуйте, дядь Петя!

— Привет-привет! Ты что же, ездить разучился? Ползаешь, как будто тебя отвязать забыли.

— Я привыкаю, — потупился Денис.

— Петя, — говорю я. — Он только после травмы. Ему привыкнуть надо!

Петя морщится, взмахом руки отсылает Дениса и бурчит:

— Ладно уж!

Это походило на сход лавины, настолько было внезапно. Год назад я купил Дениске доску и помогал ему осваивать первые движения, подглядывая за другими начинающими, бегая по склону туда и сюда и спрашивая у всех подряд совета. А к концу сезона он гонял уже так, что даже в моих венах замирала кровь. И от страха, и от восторга. Он начинал спуск, а я, сложив ладони у рта рупором, кричал:

— Побереги-ись! Мой сын едет!

Дениска приезжал обратно на подъемнике, взмокший и совершенно счастливый, и набрасывался на меня с кулачками:

— Ты не мог бы ничего не кричать? Мне стыдно перед вон теми дяденьками. Они катаются хуже меня, но им никто ничего не кричит.

— Так я поэтому и кричу. Ты ведь как маленькая красная молния в черном шлеме.

— Это глупо, — сурово отвечал Денис. — Я объеду кого угодно. Не нужно ничего кричать.

Но я тоже был совершенно счастлив. И естественно, кричал в следующий раз еще громче, так, что на место пропавших из гортани звуков со свистом устремлялся холодный воздух, и крик мой завершался кашлем.

Когда Дениса выписали из больницы, мы с ним решили, что сноуборд он не бросит. А потом Наташа сказала мне:

— Ты не оставил ему выбора.

— Почему это? — возмутился я. — Я предлагал продать комплект. Он отказался.

— Дело не в том, спрашивал ты или нет.

— А в чем же тогда?

В разговоре с сестрой мне часто не хватало терпения. Она как ледокол, движется вперед с одной и той же скоростью, взламывая гремящие льды моих нападок.

— В том, как ты это спрашивал. Ты говорил: «Может быть, нам сплавить твою доску какому-нибудь храбрецу, а, приятель? Я не буду говорить, что с тобой на ней случилось. Может быть, у него получится лучше. Хочешь, чтобы на твоей доске катался кто-нибудь другой?»

Я скреб лысину. Я не помнил, присутствовала ли сестра при этом разговоре, но да, именно так я и говорил. Примерно так.

— Ты его отец. И оттого, на чьей ты стороне, зависит очень многое. В тот раз ты был на своей стороне. А он — твой сын. Еще ребенок. Он все сделал, как должен был, то есть подчинился твоему решению.

А потом она сказала кое-что, что я запомнил надолго:

— Твой сын в разы серьезнее тебя. Поменять бы вас местами, и хорошенько бы тебя отшлепать.

Черт бы ее подрал с ее проклятыми книжками!

На исходе второго часа истекает и мое терпение.

— Ну, что ты плетешься, как черепаха? — ору я в спину, когда он в который раз аккуратно нарезает снег на мелкие ломтики кантами.

Денис просто устал. Он взбирается на склон, упрямо наклонив вперед голову, словно горный козел. Когда он подходит, я чувствую запах пота. Взмокло у него даже лицо.

— Поехали домой, а то простудишься.

Дорогой я засылаю к Денису «разведотряд».

— Очень сложно, — отвечает он. — Как будто заново учишься. Хотя ноги все помнят. Дядя Петя ругался.

— Ты молодец, — говорю я, распечатывая жвачку. Может, получится вмять в нее мои нервы. Отчего-то я вымотан не меньше сына. — Встал на доску после травмы. Как настоящий спортсмен. Как Кевин Пирс. Ты знаешь, он несколько лет лежал в коме, и…

— Кевин Пирс снова катает?

Денис встает коленями на сиденье. До дома нам ехать недалеко, полицейских по дороге нет, поэтому я посадил его рядом с собой.

— Да. У него была травма…

— Я знаю. Ты рассказывал. Вот здо-орово! Мы с ним, значит, вместе. Как Хаус и Уилсон. Как Чип и Дэйл.

Я давлюсь жвачкой и едва не пропускаю красный сигнал светофора.

Следующую вылазку предпринимаем через три дня, в конце недели. И опять, как и в прошлый раз, я не могу понять, нравится ему или нет. Во мне просыпается страстный болельщик, и я громко кричу, то подбадривая сына, то науськивая его на свежевыпавший снег, как пса на тренировочный манекен.

Толку никакого. Петр сегодня выходной, так что успокоить мои расстроенные чувства некому. Я несколько раз глубоко вздыхаю, вспоминаю голос сестры. Просто голос, не привязывая его ни к каким нравоучительным высказываниям.

— Мы уходим, — говорю я сыну. — Оставь сноуборд прямо здесь.

— Зачем? — не понимает Денис.

— У тебя не получается. Ты не хочешь. Может, у того, кто заберет эту доску себе, будет желания побольше. А ты займешься чем-нибудь другим. Например, шахматами или рисованием комиксов.

Я отбираю у него сноуборд и выкидываю его в сугроб. Разворачиваюсь и иду к машине. Мне кажется, я делаю все правильно и очень взвешенно, но в боку просыпается ноющая боль. Так внезапно может начать болеть только пустое место, заполненная кровью полость. Такие боли преследовали меня во время моих конфликтов с миром десять лет назад.

Я загружаюсь в машину. Тихий, как тень, Денис открывает заднюю дверь и пристраивает на пол доску. Сам заползает на сиденье. Лицо окутано паром от сочетания слез и морозца, но он не издает ни звука.

— Прости. Я не хотел на тебе срываться, — говорю я.

«Такое впечатление, будто тебе вырезали мозги», — сказал бы Петр.

В следующий раз мы приходим сюда почти неделю спустя, вечером, когда я освобождаюсь с работы. Склон освещен несколькими прожекторами, дающими оранжевый свет, отчего он похож на танцплощадку начала девяностых. Никого нет, только несколько подростков восседают на своих досках и передают друг другу коробку с вином. Они напоминают тропических попугаев, каким-то невероятным образом очутившихся в русской зиме.

Одного из них я знаю. Кличка у него Кальмар, он подходил к нам знакомиться в прошлом году. Этот парень мне сразу не понравился, несмотря на то, что стоит на доске, как Бог.

Он, и правда, похож на кальмара. Вялый, с глазами потомственного наркомана, в которых плещется странная смесь спокойствия и безумия. С бесцветными, в меру длинными волосами, которые неизменно пристают к уголкам его рта.

Он видит нас и машет рукой, предлагая подойти, но я веду Дениса в другую часть склона.

— Это же Кальмар, — оживляется Дениска и машет в ответ.

После знакомства с Кальмаром мой сын долго выбирал себе звучную кличку, стал носить шапку так, чтобы она едва закрывала уши, и обзавелся парочкой идиотских жестов. К счастью, сейчас все это позабылось.

В этой части склона небольшой трамплин, на котором Денис в прошлом году освоился буквально за неделю. Теперь же он подходит к нему с осторожностью, будто наездник к лошади, которая сбросила его на землю. Смотрит на меня, и я одобрительно киваю:

— Хочешь? Давай, у тебя замечательно получалось в прошлом году.

Лицо его светлеет, я в своем воображении уже беседую с сестрой о том, как важно иногда так вот словесно погладить сына по голове, но тут замечаю, как к нам подходит Кальмар.

— Привет! — кричит ему Денис.

— Привет, воробышек. Ну, как, еще не раздумал стать профи?

Дениска застенчиво пожимает плечами. Садится на снег и быстро, в четыре движения, застегивает крепления. Я с горечью отмечаю, что одно панибратское выражение из уст кумира явно оказывает влияние большее, чем все мои направляющие пинки.

— До Олимпиады еще пара лет, как раз успеваешь подать заявку, — говорит Кальмар.

Что-то в облике Кальмара меня настораживает. Дурацкая шапка, общая помятость и синяки под глазами — все как всегда… Вот оно! Валенки на ногах никак не вписываются в общую картину.

— Это твои новые ботинки? — спрашиваю я. — Креативно. Кто это придумал? Форум? Или Бертон?

— Я сегодня не катаю. Так что у твоего воробышка есть все шансы меня нагнать, — ухмыляется Кальмар.

— Он ломал руку, — сказал я. — Всего полгода назад. Сложный перелом.

Говоря «сложный перелом», я имел в виду не только тяжесть самого перелома, но и совокупность последствий. Кирпич, в который они срослись, я разбивал головой, и для меня он был действительно сложный.

— Ух, ты! Так наш воробышек теперь стреляный воробей! — восхитился Кальмар. — И что? Снова встал на борд? Так быстро!

Мы наблюдаем, как Денис медленно съезжает почти до самого трамплина. Глядя на него, я думаю, что он просто не сможет набрать скорость, но в последний момент Денис ставит борд по ходу склона и подпрыгивает на кочке, ловко подтягивая колени почти к подбородку. В шлеме вспыхивает блик от фонаря. В голове у сына явно имеется тетрадный лист с нужными расчетами, называемый опытом.

— Он стал бояться. Ездит очень осторожно. — Кальмар шмыгает носом, задумчиво наблюдая за мальчиком.

— Может быть, так и нужно, — продолжаю я. — Пусть себе ездит потихоньку.

— Так и нужно, — подтверждает Кальмар и невразумительно машет рукой в варежке. — Для воробышка это перестало быть игрой. Это экстремальный спорт, мужик. И главное слово здесь…

— Экстремальный? Да, понимаю…

— Спорт. Нужно уметь сращивать конечности, и быть готовым оказаться как можно скорее снова на доске. Нужно уметь бояться потерять квалификацию. Навык. И — допускать возможность, что однажды ты сломаешь себе шею.

Пока я осмысливаю его слова, он прибавляет:

— Я сегодня пьян, мужик, вот почему я без доски. Те лакаботы думают, что сноуборд особенно хорош под винишко. Никак не вобью им в голову, что, если они хотят развлечься, пускай оставляют доску дома и приходят сюда с санками. Никогда не позволяй своему воробышку пить на склоне. Договорились?

Кальмар хлопает меня по плечу и неверной походкой идет прочь. Валенки на его ногах больше не кажутся такой уж нелепицей. Отойдя на порядочное расстояние, он оборачивается и кричит:

— Пройдет время, и он будет гонять не хуже, чем в прошлом году! Не выпуская из головы ту боль. Это ведь на самом деле больно, мужик!

— Но необходимо, — бормочу я себе под нос и, опускаясь на корточки, жду, пока поднимется Денис.

— А где Пашка?.. Видел, как я прыгнул?

Точно… а я и забыл, что Кальмара зовут Пашей.

— Слушай, — говорю я. Наши с ним глаза на одном уровне. — Я действительно не буду возражать, если ты забросишь сноуборд. Это ведь очень опасно. Я буду гордиться, если ты будешь участвовать в каких-нибудь соревнованиях и победишь, но буду тобой гордиться еще больше, если ты сейчас скажешь мне правду — хочешь ты кататься или делаешь это просто, чтобы я тебя не ругал.

Денис замирает. Нижняя губа его подрагивает, словно демонстрируя растерянность, но я вижу по глазам, что ответ у него давно уже готов.

— Если я вдруг что-нибудь еще себе сломаю… — Он долго переводит дыхание, словно раздумывая, закончить ему фразу или нет, но все-таки заканчивает: — Я хочу, чтобы мое имя тоже писали на досках. «За Дениса Сухова». Вот будет круто, да?

Услышь все это Наташа, она нашла бы, что сказать. Например, что таким образом я переложил ответственность на сына. «Он же еще маленький, — сказала бы она. — Как он может решать?» Но Денис гораздо серьезнее меня, в этом я с ней согласен. ❑

Евгений Алфимов

ОТЕЦ

Мы с отцом гостим у Насти, его сестры и моей тетки, которая с мужем своим Иваном живет в трухлявой, покосившейся избе на краю деревни. У Ивана — кряжистого рыжеватого мужика лет пятидесяти — отбиты пальцы на левой руке, и все, даже жена, зовут его Куцепалым. Он пьяница, и чуть ли не каждый вечер приносит откуда-то заткнутые тряпицами бутылки с мутной, противно пахнущей жидкостью.

— Эй, старуха! — кричит он с порога худой, затурканной Насте. — А ну, на стол мечи все, что есть в печи... — И коротко бросает отцу: — Садись!

«Мечи, что есть в печи» — это не более чем пустой звук, присловье, с помощью которого Иван пытается выразить свою удаль, свое бесшабашное молодечество, меньше всего рассчитывая, что Настя сломя голову кинется к печи. А если и кинется — что там стоит за заслонкой? В лучшем случае она поставит на стол свои неизменные яства — кислые щи и забеленную молоком картошку. К тому же Иван предпочитает пить, не закусывая.

А отец мой любит и выпить, и поесть. Правда, за двадцать лет жизни в городе он немного избаловался и самогонку пьет неохотно.

— Что, не нравится? — посверкивает кабаньими глазками Иван. — Тебе б шинпанского? А?

Он пьет стакан за стаканом, становясь все более злым и хмурым. Самогонка, как ни странно, прибавляет ему красноречия. Он взбирается на печь и оттуда, из-за трубы, до полуночи слышатся его сварливые речи. Он ругает «городских», которые «зажрались», вспоминает свой хутор с клочком земли, отобранный у него во время коллективизации, бранит маломощный колхоз «Красный трактор», где нет никакого порядка, слезливо жалуется, что вынужден жить на старости лет в этой скверной, с крошечными оконцами, похожей на хлев избенке.

Потом засыпает, но в середине ночи его чудовищно громкий храп неожиданно прерывается. Он слезает с печи и, чиркая спичками, начинает шарить в шкафу, заглядывать под стол и лавки. Я знаю, в чем дело: в его пьяную голову втемяшилось, что вчера вечером он не допил самогонку, и теперь он ищет ее.

— Черт рыжий! — раздается с полатей плачущий голос Насти. — Ведь хату спалишь, идол... Петрок, а, Петрок! Угомони ты его...

Петрок — это мой отец. Он лежит рядом со мной на деревянной кровати, смущенно покашливая.

— Иван, всю ты ее выпил. Сам видел, ей-богу, — мягко говорит он.

— Спрятали, знаю, что спрятали, — тяжело, как медведь, ворочается под столом Иван и вдруг обрушивается на отца: — А ты чего сюда приехал? Звали тебя, буржуя городского? Завтра чтоб и духу твоего тут не было...

Назавтра отец станет укладывать в потрепанный чемоданчик белье и полотенца, но подойдет Иван, скорбно потупится, почешет красными култышками затылок и повинится:

— Ты уж того, Петрок... не серчай... Меж своими бывает...

И отец, печально усмехнувшись, простит Куцепалого и останется еще «на день». Только будет стараться поменьше бывать дома.

А меня злит эта неизменная покорность отца, будто он чувствует себя в чем-то виноватым перед Иваном.

В последние дни мы с отцом пристрастились к рыбалке. Рано-рано, когда в избе все еще спят, меня будит ласковое прикосновение его большой мягкой руки. В сенях мы берем плетеную корзинку, ведро и, поеживаясь от утреннего холодка, выходим на проселок.

Отец неторопливо идет позади меня. Оглядываясь, я вижу его начинающую грузнеть фигуру с устало опущенными плечами, задумчивое лицо, с которого никогда, даже в минуты веселья, не сходит выражение озабоченности и печали. Отцу уже за сорок, и жизнь его не была легкой. Пять лет провел он в армии, из них два года на фронте, воевал с немцами, потом с беляками. Был контужен. Ел воблу без хлеба, носил отрепья. При «нэпе» поселился в городе, женился, устроился продавцом в магазине, стал обживаться, купил хромовые сапоги и брюки-галифе, а тут несчастье: в магазине обнаружилась недостача, отца оболгали сослуживцы, и он, честный до щепетильности, пошел в тюрьму, как жулик и хапуга. Я смутно помню, как однажды мать взяла меня с собой на свидание с ним. Помню пустую комнату с решетками на окнах, бледное лицо отца, его горькую, жалкую улыбку...

В этом году зреет на полях рожь невиданной густоты, неслыханной высоты. Я отбегаю в сторону и тотчас скрываюсь с головой в ржаных, коле-

блемых ветерком волнах. А ведь мне осенью будет пятнадцать, и парень я рослый.

— Вернись! — тихо, но твердо окликает меня отец.— Помнешь хлеба-то... — Он срывает колосок, долго близоруко щурится на него. — Наливается уже... С хлебом будем, сынок... — И рассеянно смотрит куда-то вдаль...

Проселок бежит среди кустов: это две наезженные тележными колесами колеи и высокая зеленая бровка посередине. Я, балансируя, неловко ступая, иду по колее, стараясь не задевать траву на бровке. Заденешь — брызнет на босые ноги ледяная роса, аж дрожь пробежит по всему телу.

Мы уже далеко от деревни. Шагаем по мелкому осиннику и вдруг, ахнув, останавливаемся. Придорожная полянка сплошь красная от мелких, недавно народившихся подосиновиков. Никогда, даже осенью, я не видел такого множества грибов. А сейчас только июнь во второй своей половине. Я опускаюсь на колени и ползаю по траве, бросая в корзинку крепкие, приятно отягощающие руку грибы.

— Не надо, — говорит отец. — Соберем на обратном пути...

Он озабочен и, как мне кажется, даже встревожен этой противоестественной грибной силищей, выпершей из-под земли в самом начале лета.

— Говорят, к войне это — и рожь высокая, и гриб ранний. А впрочем... — Отец пытается улыбнуться как можно беспечнее. — Бабьи сказки — все эти приметы...

За поворотом открывается сажалка — так называют в здешних местах небольшие копаные пруды, которые раньше были на каждом хуторе, у каждой избы. Отец опускает на землю ведро и, стыдливо отвернувшись, раздевается. Я тоже раздеваюсь и вслед за отцом лезу в сажалку. Моя обязанность — загонять карасей в корзину, которую отец подводит под низкие, наполовину потонувшие в воде лозовые кусты. Для этого я шурую придонный ил толстым суковатым колом. Время от времени отец поднимает корзинку и заглядывает внутрь. И почти каждый раз вытаскивает оттуда толстобоких, пылающих медным жаром рыбин. Их будто разбудили — такие у них сонные, с маленькими зевающими ртами, морды. Отец бросает рыб на берег. Надо бросить подальше, иначе карась начнет плясать в траве и допляшется-таки до кромки берега, тяжело шлепнется в родную грязную сажалку.

А грязна она невообразимо. Наши ноги по щиколотку тонут в иле, который, потревоженный, быстро превращает воду в густую пахучую жижу. По нашим телам стекают черные ручейки.

— Может, хватит, сынок?

Я выскакиваю на берег и бегу к недалекой кринице обмываться. Потом собираю карасей. Они со звоном падают в ведро.

— Сколько? — спрашивает отец. Он тоже ходил к кринице и сейчас стоит передо мной с розовеющим, словно помолодевшим лицом.

— Тридцать.

— А вчера только двадцать четыре.

Он поднимает ветошку, которой я прикрыл карасей.

— Ишь, живучие какие, — говорит он, страдальчески морща лоб: ему жалко неповоротливых глупых рыб, которые ни за что ни про что попадут на сковородку. — Ну да ладно, — утешает он себя, — на то и охота...

Отец родился и вырос в этих местах, и, хотя он никогда не говорил мне о своей любви к ним, я знаю, что ему дорога и мила здесь не только рыба — живая тварь, но и любая былинка. Я гляжу на отца и думаю, что он очень свой в этом грустноватом, нежарком краю, дремлющем под неярким солнцем, очень свой в косоворотке, мятых брюках и стоптанных тупоносых ботинках — неторопливый, уже немолодой, много размышляющий о жизни человек.

— Пап, — говорю я, останавливаясь. — Пап...

Мне хочется сказать ему что-то хорошее, но я весь в отца — такой же молчаливый и застенчивый. Поняв мои чувства, он благодарно гладит мою голову и, чтобы скрыть неловкость, показывает на обиженно гудящего в цветах шмеля.

— Запутался, полосатый, и сердится... А кто ему виноват?

Он видит все, мой отец. На мосту, перекинутом через речку, он дергает меня за рукав, всматриваясь в воду. У мшистой сваи застыл щуренок с узкой хищной мордочкой и выпученными глазами.

— Хорош, вояка! Это он добычу ждет, малька какого... Час будет стоять, не шелохнется, а дождется своего...

В осиннике, на полянке, мы собираем грибы, и вдруг я слышу, как он говорит, будто про себя:

— Оно, конечно, ошибку я тогда допустил...

— Ты о чем? — спрашиваю я.

— Да все о том же, что не надо мне было в город переезжать... Тут мое место. И тут мое счастье было... Вот и отпуск кончается, а уезжать не хочется...

— Еще неделя, — утешаю я его.

— Что неделя? Пролетит — не заметишь... А жизнь, сынок, заново не начнешь.

Больше он не сказал ни слова до самой деревни.

Еще издали мы заметили у клуба взволнованно гомонившую толпу. Отец побледнел и ускорил шаг.

— Война! — крикнул ему из толпы Куцепалый. — Немец на нас прет, зараза... Сейчас по радиву передавали...

По случаю воскресенья Иван хлебнул с утра пораньше.

— Товарищи мужики, братцы! — ораторствовал он, подняв над головой свою беспалую руку.— Видите? Мне ее германец в Первую мировую оттяпал... Лютый он, вражина. Живьем сожрет, ежели дрогнем. Только не на таких нарвался — подавится нашей косточкой... Я его вот этой правой, здоровой, в морду!

Куцепалого никто не слушал...

Отец быстро прошел в хату, торопливо собрал свой чемодан.

— А я как же?

— Ты здесь пока поживи... Завтра я мать к тебе пришлю... Слыхал, немец города бомбит... Тут вам безопаснее будет.

— Возьми велосипед, — сказал я ему.

— Ничего, на большаке, может, машина какая подберет.

Я проводил его за околицу. Он поцеловал меня и наказал:

— Мать береги, ежели что... Ты уже не маленький...

И, заморгав, отвернулся.

Я долго следил, как он шел, понурившись, по полям. На сердце у меня было тяжело. В ту минуту я был уверен, что вижу его в последний раз. И не ошибся: он погиб в сорок третьем, под Курском.

А Иван Куцепалый ушел партизанить, и в первый же год войны был убит немцами в короткой стычке в том самом осиннике, где мы с отцом собирали грибы. ❑

Дорогие читатели!

В конкурсе «Житейские истории» приняли участие 1423 автора. А победителями стали:

1-е место денежная премия в размере 3999 рублей и публикация в номере — **Рогожникова Валентина**, Башкирия, г. Стерлитамак («Маленькая моя»);

2-е место денежная премия в размере 3000 рублей и публикация в журнале — **Шумская Ирэн**, г. Москва («Мой «Нобель»);

3-е место денежная премия в размере 2000 рублей и публикация в журнале — **Скочилов Александр**, г. Пермь («Ликбез на охоте»).

Дорогие друзья! В связи с повышенным интересом к конкурсу, мы решили продлить его и на следующий год. Пишите нам! Продолжаем ждать ваших интересных историй!

Валентина Рогожникова

1-е место

Маленькая моя

Руфина Сергеевна закрыла книгу и задумалась. За окном тихо падал снег. Изредка ветер, как шаловливый мальчишка, заигрывал с ветками березы, стоявшей прямо перед окном их спальни, и они тихонько стучали по замерзшему стеклу.

— Руфуля, почему ты не ложишься, поздно ведь уже? Чего задумалась? — спросил муж.

— Да вот, Володенька, думаю, что скоро нашей тихой, спокойной жизни придет конец. Сам понимаешь, детский писк, плач, он ведь время не выбирает.

— Ты что, не рада этому?

— Да нет, Володя, что ты! Я жду этого с нетерпением. Интересно, кто у нас будет? Мне кажется, что девочка. Как я хочу девочку! Буду ее наряжать, баловать. Вы, мужики, так мне уже надоели: ты, два сына, два внука — одни кругом штаны и разбросанные носки.

— Да, — закинув руки за голову, мечтательно произнес Владимир. — Я тоже хочу внучку. А скоро уже?

— Не сегодня-завтра, если все будет хорошо. Надеюсь, Новый год будем встречать с пополнением.

— Все будет хорошо, ложись, завтра рано вставать, — похлопал жену по спине Владимир.

Руфина выключила ночник, прижалась к горячему телу мужа и уснула.

Проснулась она от шума и возни в соседней комнате и тут же, вскочив и накинув на себя халат, побежала в комнату сына.

Сноха сидела на кровати, обхватив большой живот, и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихо стонала.

— Что, Инна, началось? Давно?

— Да уже два часа как мучается, — ответил сын.

— Да вы с ума сошли! Два часа! Почему не разбудили? Надо «скорую» вызывать! Инна, ты все приготовила — одежду, документы?

— Да, — всхлипнула сноха. — Ой, как больно, уже не могу терпеть!

— Вы бы еще дольше тянули! — в сердцах выкрикнула Руфина Сергеевна. — Совсем обалдели!

В шесть утра подъехала «скорая», и сноху повезли в больницу. А в десять часов самой Руфине Сергеевне стало плохо, и ее тоже увезли на «скорой» с приступом острого аппендицита. Вот такое стечение обстоятельств.

Врачи еле спасли Руфину Сергеевну, так как аппендицит был флегманозно-гангренозный, он чуть не лопнул на операционном столе.

Операцию делали под наркозом. Очнувшись, Руфина увидела вокруг себя врачей в белых халатах.

— Как вы себя чувствуете? — склонился над ней хирург.

— Хорошо, — чуть слышно ответила она и тут же спросила: — А как Инна?

— Какая Инна? — переспросил врач.

— Сноха моя, Инна, ее сегодня утром увезли в роддом.

— Я не в курсе. Потерпите немного. Завтра утром придут ваши родные и расскажут вам. А теперь отдыхайте, все плохое уже позади.

Лежа в палате и окончательно придя в себя, Руфина Сергеевна нетерпеливо поглядывала на часы. Когда же появятся Володя с Сашей, как там Инна, кто родился, и как ребенок?

Ну вот, наконец-то! В дверях палаты стояли муж и сын, оба бледные, немного растерянные, в накинутых на плечи белых халатах, они смотрели на нее не мигая, затем, подталкивая друг друга, подошли к кровати. Глядя на них, Руфина попыталась улыбнуться, она чувствовала себя немного виноватой — ну, надо же, в такой день угораздило попасть в больницу!

— Как Инна? — тихо спросила она. — Кто у нас родился?

— Девочка, — ответил Владимир и почему-то опустил глаза.

— Что случилось? На вас лица нет! Все в порядке?

— Мам, а как ты себя чувствуешь? — перевел разговор на другую тему сын.

— Сынок, ты мне зубы не заговаривай, я же вижу, вы что-то от меня скрываете…

— Да нет, мама, все нормально. Девочка. 3.500. Мы только что от нее. Просто беспокоимся за тебя.

— Да нечего беспокоиться, у меня все хорошо. Пока, конечно, болит, но со временем все пройдет.

И все же, когда родные ушли, на сердце у нее было тревожно. Ночью она никак не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, несмотря на боль, и вдруг неожиданно словно провалилась в глубокую темную яму. Перед ней возникла огненная девочка лет десяти, этакая Огневушка-поскакушка из сказки Бажова. Она помахала Руфине рукой, повернулась вокруг своей оси и внезапно исчезла.

Руфина открыла глаза. Какая-то тяжесть давила на грудь, и ей стало страшно. Она хотела встать, позвать кого-нибудь на помощь, но не решилась, только тихо заплакала. В палату неслышно вошла медсестра, сделала укол, после которого боль немного утихла, и Руфина, наконец-то, уснула…

Прошла неделя с того злополучного дня. Руфина Сергеевна уже вставала, даже выходила в коридор. Инну, как сказали родные, выписали из роддома, и она с ребенком была дома.

И вот, наконец, наступил долгожданный день выписки. Машина, на которой Руфину везли домой, казалось, не ехала, а плелась черепашьим шагом, так ей хотелось побыстрее взять внучку на руки. Но дома царила зловещая тишина, никаким ребенком, как говорится, даже не пахло. Инна

с раздражением посмотрела на свекровь и скривилась в недоброй улыбке, больше похожей на оскал.

Руфина Сергеевна сразу все поняла и медленно опустилась на диван, ожидая страшных объяснений.

— Руфочка, — начал Владимир, — наша девочка умерла. Она родилась уже мертвой. Врачи сделали все, что могли…

Руфина вдруг услышала вой — это был ее вой. Он сковал все тело, душил ее, рвал все тело, парализовал горло, язык. Слезы хлынули горячим потоком, обжигая лицо.

— Мама, мама! — воскликнул Саша. — Успокойся, тебе нельзя волноваться!

Стуча зубами о край стакана с водой, Руфина Сергеевна выдавила из себя:

— Как… это… произошло?

— Плод был большой, я не могла разродиться, кесарево делать было поздно, ребенок уже шел, щипцами по кускам вытаскивали. И хоронить не дали, нечего там было давать, — холодно объяснила Инна.

Три дня Руфина Сергеевна ни с кем не разговаривала, вспоминала Огневушку, размахивавшую ярко-рыжими рукавами, — вот оно, видение, теперь понятно, что не к добру.

— Маленькая моя девочка, как же мы тебя ждали, почему все так получилось? Даже не похоронили тебя по-человечески, выбросили твое раскромсанное тельце на свалку… Какое горе! За что это нам?! — причитала она постоянно.

Инна при этом старалась не присутствовать, ни одного успокоительного слова не сказала она своей свекрови.

А за три дня до Нового года весело щебетала в своей комнате, разговаривая с сыном, будто и не было никакой трагедии:

— Ну что ты, Санечка? Я ни за что не надену розовое платье, этот год в розовом не встречают.

Не выдержав, Руфина Сергеевна подошла к дверям и широко распахнула их:

— Я что-то не пойму, вы собираетесь куда-то идти веселиться?

— Да, мам, — чуть виновато ответил Саша. — У Инны в конструкторском отделе все приходят на вечеринку со своими половинами. Мы тоже решили пойти вместе.

— Побойтесь Бога, обалдуи! Сорока дней еще не прошло, какое может быть веселье!

— Хм, — поджала губы сноха. — И что теперь, жизнь кончилась? Новый год — такой праздник, что веселиться надо, а не плакать! А вы, мама, не расстраивайтесь, мы с Саньком постараемся и еще родим вам внучку. — Инна помолчала немного и добавила: — Здоровую, с руками, ногами, и красивую. — Подмигнув мужу, она поправила его галстук и капризно протянула: — Ну, Са-а-нек! Я уже давно готова, а ты как красная девица, давай поторопись, нас ведь ждут.

И они ушли. Веселые, шумные, радостные.

…Жизнь постепенно налаживалась. Руфина Сергеевна начала понемногу успокаиваться, но пока еще была на больничном и сидела дома. Однажды, ища рубашки мужа, она зашла в комнату сына, открыла бельевой шкаф и вдруг увидела на полке сверток с бельем для новорожденного. Сердце страшно заколотилось. Вот пинетки, шапочка, которые она сама вязала с такой любовью, распашонки с вышитой бабочкой, мягкие пеленки. Сколько души вложено в эти детские вещички!

«Успокойся, Руфина, — сказала она себе, — время пройдет, боль отступит, отойдет. Может быть, Бог даст, сноха и родит еще внучку…»

Прошел год. Сын и сноха так и жили вместе с родителями. С Инной особого контакта у Саши не было, она часто была груба с ним, проявляла недовольство его характером, его зарплатой, и вообще, ей все было не так.

Как-то за ужином Руфина Сергеевна решилась и задала вопрос в лоб:

— Ну, что же вы не рожаете мне внука? Обещали ведь, время-то летит.

И услышала в ответ такое, что щеки мгновенно загорелись, словно кто-то дал ей пощечину:

— Еще чего! Уродов рожать!

— Это кто урод?! — не выдержала она. — Мой сын урод?! А ты — идиотка безмозглая! Только и слышишь: Инночка этого не хочет, Инночка этого не любит, у Инночки голова болит, Инночка переутомилась. Мой сын урод? Не пьет, не курит, зарабатывает неплохо, а ты совсем его затюкала. Не нравится мой сын, дуй к своим родителям-алкашам, они тебя заждались!

— Мама! — выкрикнул Саша. — Прекрати! Не лезь в нашу семью!

— Дурак ты, Саня! Никуда я не лезу. Кто же тебя защитит кроме родителей!

У Инны после этих слов началась истерика, в результате она собрала чемодан и ушла, громко хлопнув дверью. Саша попытался бежать за ней, но тут его остановил отец и строго проговорил:

— Все правильно мать сказала. Я с ней полностью согласен. Ты мужик или не мужик? Никуда твоя свиристелка не денется. А уйдет — и хорошо, истерики и капризы в доме прекратятся.

Через два дня Инна вернулась. Тихая. Покорная. За ужином Руфина Сергеевна обратилась к ней со словами:

— А извинение попросить за урода слабо?

— Извините, — тихо произнесла сноха, — я погорячилась.

Прошел еще год. Как-то раз Руфине Сергеевне позвонила ее близкая подруга Геля Николаева. Они очень давно не виделись. Геля со своим мужем были врачами, жили и работали в Норильске, а теперь решили переехать на родину, в Башкирию. Здесь у них была своя квартира, с работой тоже не было проблем, муж Ангелины Алексей устроился работать хирургом в городскую больницу, а ей предложили место врача в Доме ребенка.

Однажды Руфина зашла к Ангелине на работу.

— Как же у вас красиво! — восхищалась она, прохаживаясь по этажам. — Везде ковры, дорогие шторы, цветы, современная мебель!

— Стараемся, — улыбнулась Ангелина Михайловна. — Пойдем, я тебе деток покажу, они все такие славные!

Подруги зашли в групповую комнату. Двадцать карапузов сидели в нагрудничках за столами, собирались ужинать.

Сердце у Руфины Сергеевны зашлось от жалости.

— Неужели от них от всех отказались родители? — спросила она с дрожью в голосе.

— Да, — ответила Ангелина Михайловна, — почти от всех отказались. Хочешь, я покажу тебе нашего ангелочка, Наденьку Филиппову? Славная девчушка, умная, самостоятельная, сама кушает, старается всем помогать. К несчастью, ручка у нее деформирована, она родилась без кисти. Смотри, вот она.

Руфина увидела девочку с рыжими кудряшками, зелеными глазами и курносым носиком. Взгляд у девочки был умный, как у взрослого человека. Здоровой рукой она держала чашку с чаем, а другой, похожей на клешню рака, поддерживала ее, чтобы она не упала.

— А вы то? — забавно спросила она у Руфины Сергеевны. — Баба? Мама? А я тяй пью, я больсая узе, Наденька Фипова.

У Руфины почему-то подкосились ноги. На нее смотрела не Наденька Филиппова, а ее сын, Саша, когда ему было два года, и он только пошел в детский сад.

— Филиппова? Ее фамилия Филиппова?

— Да, — ответила Ангелина Михайловна. — От нее мать отказалась еще в роддоме, сразу, как только увидела, что у девочки нет ручки. А такая девочка, Руфина! Умница, красавица, говорушка, петь любит, нянечкам помогает. Наша общая любимица, все ее любят и балуют.

— Филиппова, — как во сне повторяла Руфина Сергеевна. «Еще чего, уродов рожать!» — вспомнились вдруг слова снохи.

— Геля! Прошу тебя, пойдем скорее, мне надо посмотреть документы. Наверное, это моя внучка, которая, по словам снохи, умерла, и ее «вытаскивали щипцами по частям».

— Но ведь ваша фамилия не Филипповы…

— Филиппова — девичья фамилия снохи.

Руфина Сергеевна присела перед малышкой:

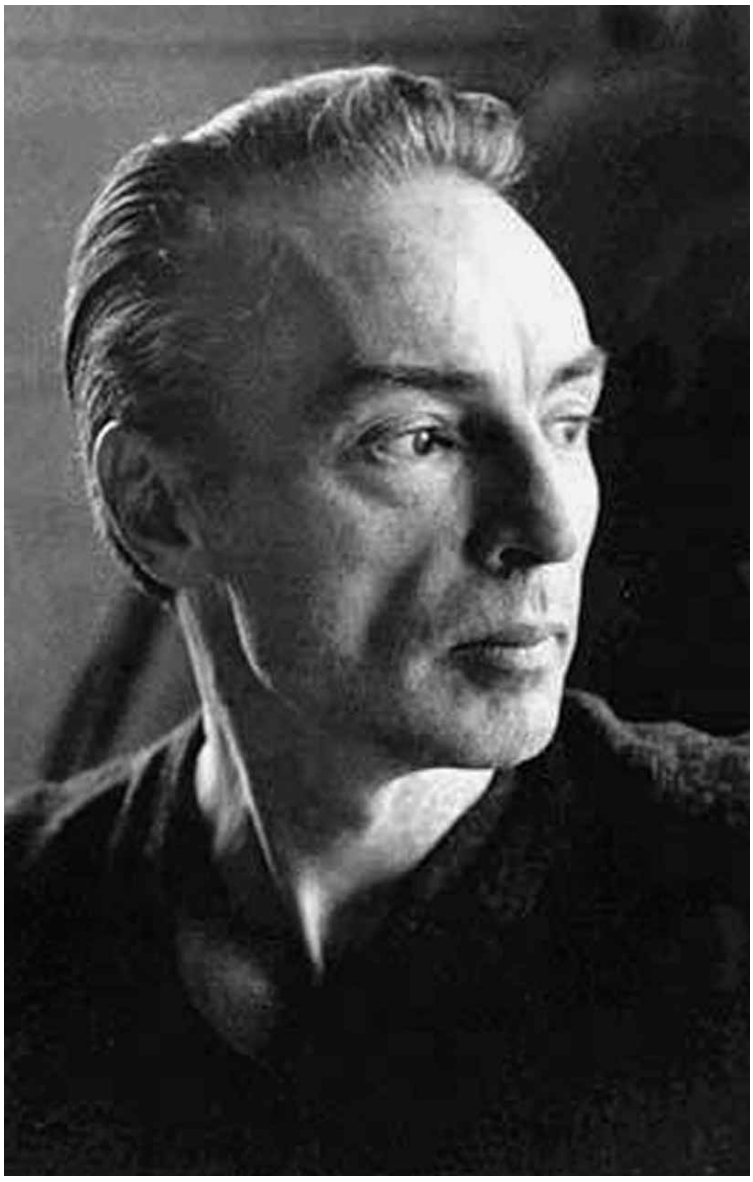
— Маленькая моя! Мое солнышко! Я твоя бабуля, я пришла за тобой! — И стала целовать ее лицо, глаза, ручки.

— Но, Руфина… Это еще доказать надо…

— Молчи, Геленька, молчи! Даже если это не мой ребенок, я все равно возьму ее, никому не отдам!

P.S. Документы подтвердили, что 5 декабря 1995 года в роддоме гражданка Филиппова И.И. отказалась от ребенка в связи с его врожденным уродством… ❑

РУССКИЙ МАСТЕР



американского балета

Евгения Гордиенко

Его жизненным кредо было «Видеть музыку, слышать танец».

Возможно, именно поэтому его постановки были так не похожи на все, что делалось до него, после него и вокруг него. Он оставил после себя 425 (!) постановок балета — таким плодовитым не был никто из хореографов. Он долго отказывался писать завещание, говоря: «Я грузин, буду жить до ста лет!» Но когда все же написал его, то оставил брату в Грузии пару золотых часов, а все балеты завещал... любимым женщинам, число которым было — восемнадцать…

Георгий Баланчивадзе, с легкой руки Сергея Дягилева ставший Джорджем Баланчиным, говорил о себе: «По крови я грузин, по культуре русский, а по национальности — петербуржец».

Он родился в городе на Неве в 1904 году в семье известного грузинского композитора, основоположника грузинской оперы и романса, Мелитона Баланчивадзе, которого называли «грузинским Глинкой».

В Петроградское театральное училище Георгий поступил в десятилетнем возрасте, причем случайно —

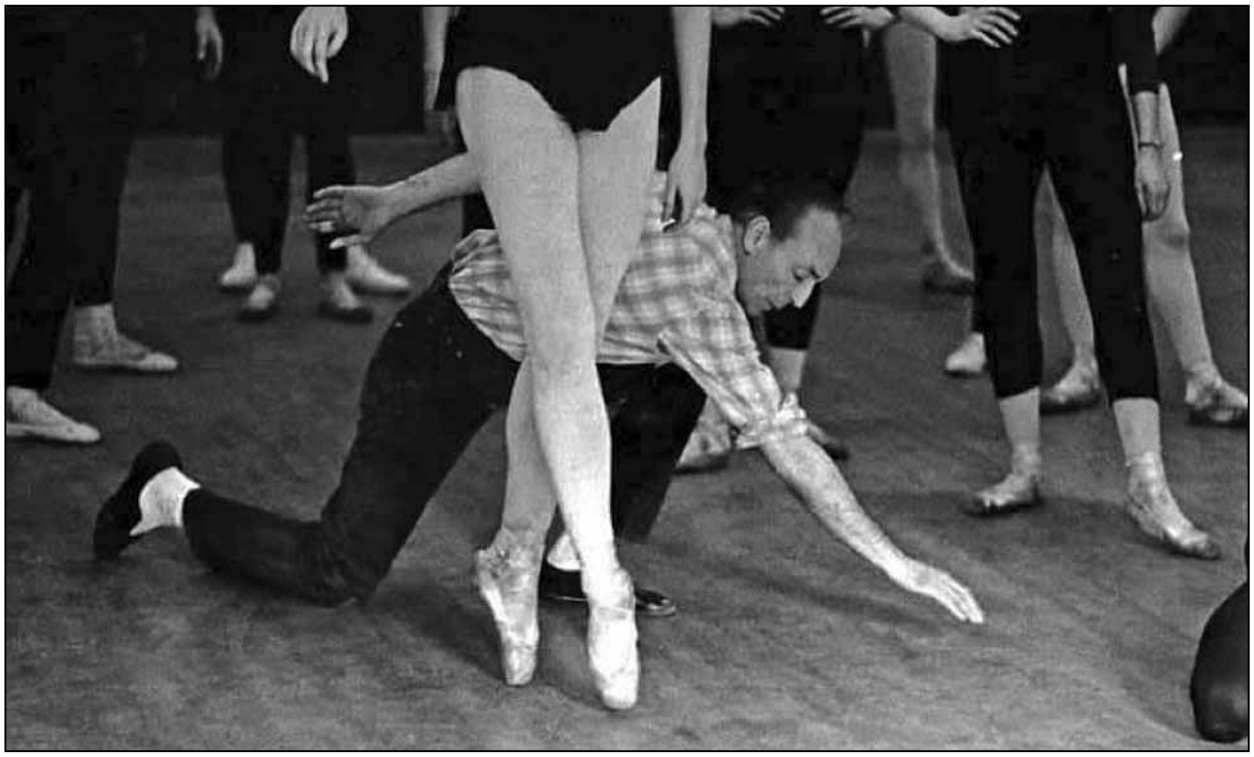
пришел за компанию с сестрой. Изначально его готовили к военной карьере. Но пластичность мальчика заметили и дали возможность учиться. Тогда же он познакомился со сценой — сыграл маленького амура в «Спящей красавице».

До конца дней своих он был предан именно петербургской пластике, именно этому стилю, хотя и не боялся экспериментировать. Он вспоминал: «У нас была настоящая классическая техника, чистая. В Москве так не учили… У них, в Москве, все больше по сцене бегали голые, этаким кандибобером, мускулы показывали. В Москве было больше акробатики. Это совсем не императорский стиль».

В годы революции отец Георгия с семьей переехал в Тифлис, где стал министром культуры только что образованной Грузинской республики. Сын же остался в Петрограде, зарабатывая на жизнь то тапером, то аккомпаниатором.

После училища он поступил на службу в труппу Государственного театра оперы и балета (бывшего — и будущего — Мариинского). Он долго танцевал лишь в кордебалете — сказывалась «подмоченная репутация» — за поставленный на сцене училища дуэт «Ночь» на музыку А. Рубинштейна его долго не допускали до сольных выступлений. Постановка была оценена как скандальная эротическая выходка. А дело было всего лишь в своеобразной пластике самого Баланчивадзе и подчеркнуто авангардистской стилистике оформления.

Но и просто танцевать ему было мало — он хотел участвовать в постановках спектаклей, словно пред-



видел свою будущую судьбу великого хореографа. Уже в 1920 году Баланчивадзе стал одним из организаторов коллектива «Молодой балет». Здесь он выступал в двух ипостасях — танцовщика и постановщика.

Через несколько лет коллектив заметили и разрешили выехать за рубеж на гастроли. Георгий хорошо понимал, что происходит в родной стране, и, уезжая, уже знал, что не вернется. С ним уехала и первая его жена, балерина Тамара Жевервеева, взявшая за границей псевдоним Жеве. Они поженились в 1923 году, а через три года развелись. Любопытно, что все жены Баланчина (а женат он был четыре раза) были балеринами.

Гастролируя, труппа добралась до Лондона, где их увидел Сергей Дягилев. Великий антрепренер сразу разглядел талант Баланчивадзе

и пригласил его стать хореографом «Русских сезонов». Вторым, после Брониславы Нижинской, сестры Вацлава Нижинского.

Дягилев же посоветовал Баланчивадзе упростить имя до понятного европейцам «Баланчина», а имя сменить на общемировое — Джордж.

Он ставил для «Русских сезонов» балеты на музыку Прокофьева и Стравинского, с которым сотрудничал и дружил много лет. Существует даже анекдот, описанный в книге Соломона Волкова «Страсти по Чайковскому. Разговоры с Джорджем Баланчиным». Хореограф попросил Стравинского написать польку. Композитор уточнил, для кого. Баланчин ответил: «Для слонихи», — в это время он сотрудничал в цирке, помогая в постановках номеров. Выяснив, молодая «балерина» или старая, Стравинский написал польку и посвящение: «Для молодой балерины слонихи».

Баланчину были подвластны любые жанры: от грубоватого фарса «Барабау» на музыку Риети до спектакля, стилизованного под английскую пантомиму «Триумф Нептуна» на музыку Лорда Бернерса, и конструктивного балета «Кошка» на музыку французского композитора Анри Соге.

Во время одного из спектаклей Баланчин повредил колено и уже не мог танцевать, как раньше, поэтому все глубже начал погружаться в профессию хореографа, раскрывая весь свой потенциал именно на этом поприще.

Понимая, что хореография и преподавание — его призвание, в 1933 году он открыл в Париже свою компанию и много и плодотворно работал. В 1935 году хореограф случайно наткнулся на небольшую симфонию Бизе и сразу решил поставить по ней балет «Симфония С». Успех был грандиозным. Балет покорил публику множества городов и стран и до сих пор не сходит со сцены Нью-Йоркского городского балета.

«Русские сезоны» после смерти своего основателя Дягилева постепенно сошли на «нет». Баланчин сначала переехал в Лондон, затем в Копенгаген, а вскоре отправился в Монте-Карло, где основал собственную труппу под названием «LesBallets 1933» — по году создания. Постановки труппы увидел

американский меценат Линкольн Кирстайн, который предложил Баланчину перебраться за океан. Миллионер бредил балетом и считал, что именно этот «русско-грузинско-французский хореограф» сможет воплотить в жизнь его мечту — создать американскую балетную школу, а затем — американскую балетную компанию. По сути, он звал Баланчина создавать американский балет. И, как мы знаем, хореограф с этой трудной задачей справился блестяще.

В Америке он сразу принялся за работу. Первым поставленным произведением основанной им балетной школы стала «Серенада» на музыку Чайковского. А позже, на базе этой школы, появилась небольшая,

но профессиональная труппа «Американский балет». Успех пришел к ней не сразу. Первые рецензии были уничижительными, однако Баланчина это нисколько не смущало. Он знал, что успех — после долгого труда — обязательно придет. И он действительно пришел. Были и гранты, и портрет Баланчина на обложке «Тайм», и признание его главой американского балета. Его стали называть просто «Мистер Би», признавая, что на эту букву алфавита он такой один.

После нескольких переименований труппа, организованная Баланчиным, стала называться «Нью-Йорк Сити Балле». Именно она стала основой национального американского балета, а Баланчин был бессменным ее руководителем до самой своей смерти.

Через семь лет после переезда, в 1940 году, Джордж Баланчин стал гражданином США.

Он не переставал работать: для гастролей в Латинской Америке Баланчин поставил два самых знаменитых своих балета — «Балле Империал» на музыку Чайковского и «Кончерто Барокко» на музыку Баха.

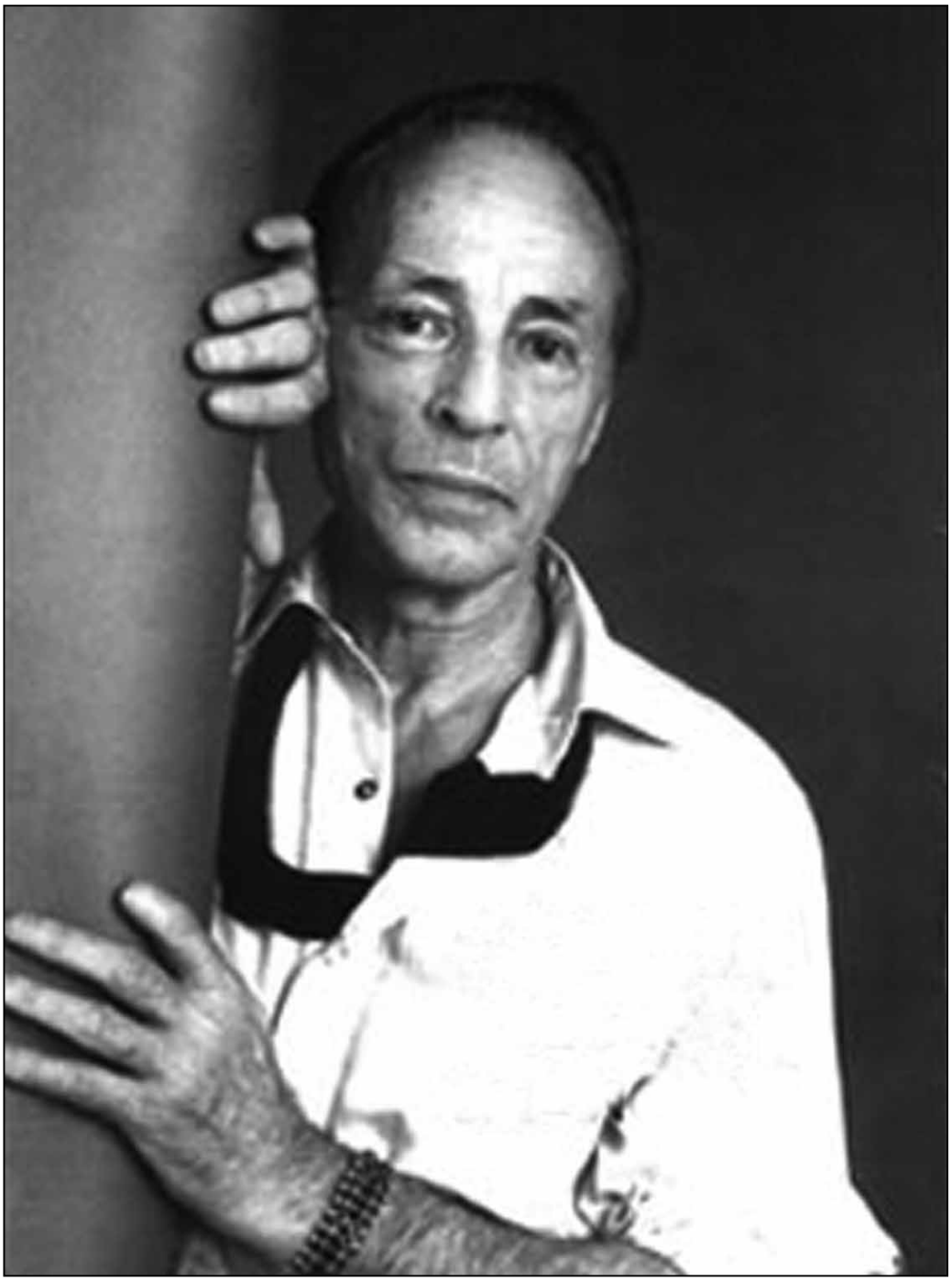
Несмотря на классическое образование, круг любимых композиторов Баланчина был необычайно широк — ему нравились Прокофьев, Чайковский, Моцарт, Глюк, Бах, Гершвин, Хиндемит...

Зато, вопреки «петербургскому» воспитанию, он не очень любил «сюжетные» балеты и считал, что только музыка должна давать импульс, именно ее нужно «увидеть», прежде чем приступать к постановке. От этого он и отталкивался. И, конечно, от вдохновения, которое дарили ему его музы — жены и возлюбленные, без них Баланчин не был бы Баланчиным.

Второй его женой стала балерина Вера Зорина, немка по происхождению. В отличие от Баланчина, сделавшего свое имя понятным европейцам и американцам, она свое — Эва Бригитта Хартвиг — переделала в «Веру Зорину», начав танцевать в труппе «Русского балета» Монте-Карло. Ее брак с Баланчиным продлился 8 лет.

Третья супруга балетмейстера Мария Толчиф, американка, среди предков которой были шотландцы, ирландцы и индейцы, отлично вписалась в стиль Баланчина-хореографа и долгое время была солисткой труппы «Нью-Йорк Сити Балле». С Баланчиным они расстались в 1956 году.

А с последней супругой великого хореографа Танакиль Леклерк случилась страшная — особенно для балерины — трагедия. В 1956 году труппа отправилась в турне по Европе. Мария Толчиф покинула труппу, и на Танакиль легла удвоенная нагрузка. Во время гастролей в Копенгагене она плохо себя чувствовала, но, несмотря на это, довела гастроли до конца, станцевав все свои спектакли. После последнего выступления у Танакиль отнялись ноги, а затем ее полностью парали-



зовало. Врачи диагностировали полиомиелит — возможно, она заразилась в Венеции, когда пробовала на вкус воду из каналов. Известно, что до этого она отказалась делать прививку, так как боялась заболеть. Примерно через год удалось возобновить подвижность корпуса и рук, нижняя же часть ее тела навсегда осталось неподвижной…

Морис Бежар как-то заметил, что Баланчин «перенес в эру межпланетных путешествий аромат куртуазных танцев, украшавших своими гирляндами дворы Людовика XIV и Николая II». Собственно, Баланчина-

хореографа интересовал танец в чистом виде, не замутненный каким-либо сюжетом. Он часто использовал для постановок музыку, для балета вовсе не предназначенную, — сюиты, концерты, инструментальные ансамбли и симфонии. Ему было важно не изложение событий как таковое, а танцевальный образ, стилистически соответствующий музыке, растущий из музыки и взаимодействующий с ней.

Он сам скептически говорил о том, что не оправдывает ничьих ожиданий: «Глупые люди любят смеяться, что в опере поют: «бежим, бежим», а со сцены никто не убегает. Если кто хочет смотреть, как бегут, он должен идти на стадион, а не в оперу».

Проработав много лет в Америке, Баланчин все же возвращался в Европу, в частности, в Женеву, где работал и с русскими танцовщиками.

Балерина Анна Полаженко вспоминала о нем: «Помню, все со страхом ожидали первого приезда Баланчина, однако работать с ним оказалось легко. Он никогда не сердился. Может быть, нам не сразу удавалось перестроиться, усвоить его стиль, но моей работой он был доволен. Нас приятно удивило, что с Баланчиным возник очень хороший контакт. После спектакля, как правило, вместе отправлялись ужинать, по два-три часа проводили за разговорами. Потом, в Америке, я узнала, что многие танцовщики, проработавшие с Баланчиным по двадцать лет, ни разу не общались с ним за пределами репетиционного зала. Он хотел найти себе применение в Европе. О «New-York City Ballet» он сказал, что школа превратилась в систему и прекрасно может работать без него».

Он проработал в Америке более пятидесяти лет. И, в отличие от многих других эмигрантов, не тосковал по прошлому. У него просто не было на это времени — чтобы удерживать труппу на пике популярности, приходилось постоянно ставить новые и новые спектакли. Он шутил, что, как и кулинар, должен постоянно «кормить» публику чем-то новым. Но не забывал хореограф и о традициях. Так, он возобновил на американской сцене все постановки Петипа. И вообще, всю свою творческую жизнь он старался не только зарабатывать на публике, но и развивать ее вкус.

На родину после эмиграции Баланчин приезжал дважды — в 1962 и 1972 годах. Он выражал желание работать с советскими артистами, но его предложение не было услышано.

Умер Баланчин в 1983 году, не дожив до предсказанных самому себе ста лет. После его смерти в Нью-Йорке был основан «Фонд Джорджа Баланчина», поддерживающий начинающих балерин и танцовщиков. Американские газеты тогда назвали его одним из трех величайших гениев XX века — наряду с Пикассо и Стравинским. ❑

Александр Марков

ГЛАВНОЕ, ЧТОБ НЕ ТОНУЛИ КОРАБЛИ

Пробегая мимо ванной, Ольга не удержалась, забежала в нее, хотя прежде надо было позавтракать и уж только после этого браться за макияж, но ей не терпелось испробовать на себе запах духов, которые она купила вчера. Она, конечно, брызгалась из пробника, но свой собственный флакончик лишь только распечатала, коробку выбросила, а сам флакончик поставила в ванной на полочку под зеркалом.

Она поднесла флакончик к лицу, поглядывая при этом в зеркало и рассматривая свое лицо, отмечая наметившиеся морщинки возле глаз, нажала на распылитель и не сразу поняла, что вместо приятных брызг из него появился какой-то полупрозрачный шар, похожий на надутый жвачный пузырь.

— Ой! — только и смогла сказать Ольга, перестала жать на распылитель и повернулась к флакончику, чтобы рассмотреть этот пузырь.

«Вот лопнет он, в глаза попадет, жечь их будет, промывать придется», — думала она с любопытством.

То, что появилось из флакончика, больше всего походило на мыльный пузырь. На пузатых боках, там, где стенки его были потоньше, он переливался радужным цветом, а в верхней части поначалу был прозрачным, но, пока Ольга на него смотрела, пузырь начал темнеть, наливаться розовым, на нем проступили какие-то пятна.

Она успела подумать, что купила какой-то контрафактный товар, сделанный на самом деле не в Париже, а где-то в области на подпольном

заводе. Было жалко потраченных денег. Но чек у нее сохранился, и флакончик она могла вернуть в магазин, да еще потребовать компенсацию морального ущерба и потраченного на покупку времени, а то ведь не дело, когда вместо дорогущих духов тебе подсовывают сдобренную ароматизатором мыльную пену.

И вдруг Ольга поняла, что на нее смотрит чье-то лицо, схожее с человеческим, и это вовсе не ее отражение на пузыре. Раскосые глаза, полноватый нос, заостренные, как у эльфа, уши — они не проступали рельефно, а точно были нарисованы на пузыре.

— Ой! — опять сказала она и каким-то чудом не выпустила флакончик из рук.

— Если вам не сложно, нажмите, пожалуйста, на распылитель еще раз, а то я застрял. — Нарисованные губы задвигались, между ними образовался провал, который для обычного пузыря, удерживающего форму благодаря поверхностному натяжению, был смертелен. Однако этот пузырь не лопнул.

— Ой! — в третий уже раз повторила Ольга и, совершенно не соображая, что делает, нажала пальцем на распылитель.

Она смотрела, как пузырь постепенно увеличивается, принимая форму маленького, ростом не более тридцати сантиметров, человечка.

Когда ноги его полностью вылезли из флакона, он закачался на кончике распылителя, совсем как воздушный шарик, взлететь которому мешает лишь веревочка.

— Спасибо большое. Больше жать не надо, — сказал человечек.

Ольге он показался знакомым, но она все никак не могла вспомнить — кого же он напоминает. Скорее всего, какого-то персонажа из мультфильма.

Тем временем тонкая ниточка, связывающая человечка с флакончиком, порвалась, он завис напротив лица Ольги на расстоянии сантиметров двадцати, так что она хорошо смогла рассмотреть и его лицо, и его одежду — нечто похожее на комбинезон золотого цвета и желтую рубашку с короткими рукавами.

— Благодарю вас за чудесное вызволение, — сказал человечек.

У него был приятный мягкий голос, а слова его многое ей объяснили, у нее даже появилась догадка, кто ж такой сидел во флакончике.

«Вы — джинн?» — хотела спросить Ольга, но удержалась.

Судя по сказкам, джинны появлялись из старых, запечатанных сургучом, глиняных кувшинов, провалявшихся много лет, а то и веков на дне реки, либо в песке — всеми брошенные и забытые. Такие джинны часто оказываются злющими на весь белый свет, и ничего хорошего ждать от них не приходилось, а тот, что встретился Вольке Королькову, явно исключение из общего числа.

Но вряд ли пристанищем их мог стать флакончик с духами, который сделали совсем недавно. Хотя на дату его изготовления, проставленную на донышке, Ольга внимания не обращала, но духи эти были последним писком моды, появились пару месяцев назад, и на прилавках не залеживались. Выходит, что просидело это существо, кем бы оно не оказалось, во флакончике недолго, еще не успело озлобиться и не поклялось убить того, кто его найдет, а значит…

— Вы что, можете выполнить все мои желания? — спросила Ольга.

Вопрос этот человечка смутил. Он потупился, посмотрел себе под ноги, на такой далекий пол, до которого было больше полутора метров, а потом ответил:

— Нет, к сожалению, не могу.

— Жаль, а то я попросила бы вас доставить меня на работу, после того как я позавтракаю, а то, боюсь, опоздаю, и тогда ждут меня мелкие неприятности. Ладно, если вы уж не сказочный джинн, то говорите, кто вы есть на самом деле, да побыстрее, а то я действительно опаздываю.

Ольга посмотрела на содержимое флакончика — духи там еще оставались, и положила флакончик в сумку. Человечек проводил эти движения тоскливым взглядом. Увидев это, она опять заговорила:

— Ой, простите, я убрала ваш домик, и теперь вам негде жить. Если хотите, можете располагаться где угодно в квартире.

— Спасибо. Я хочу вам все рассказать о себе.

— Пошли тогда на кухню. Я себе завтрак буду готовить, а вы расскажете.

Пока Ольга ставила на плиту чайник, из холодильника доставала творожки, садилась за стол, человечек все это время висел в дверном проеме, ведущем на кухню. Она чувствовала, что он за ней наблюдает и терпеливо ждет, когда ему позволят заговорить, и вежливо произнесла:

— Рассказывайте. Я вас перебивать не буду.

— Вас интересует, кто я?

Ольга с набитым ртом молча кивнула, и человечек, удовлетворившись таким ответом, продолжил:

— Вы думаете, что запах, которым обладают духи, — плод усилий множества специалистов? Они смешивают разные выжимки, добавляют один оттенок, другой, чтобы наконец-то добиться желаемого результата? А вот и нет. Все эти огромные заводы, куда водят туристов на экскурсии, — не больше чем декорации, обман, чтобы скрыть главное. Они могли бы разливать во флаконы обычную воду из-под крана. Запах хорошим духам дают не выжимки. Об этом знают очень немногие. Они между собой заключили соглашение никому ни о чем не рассказывать, а если что и просочится на свет, то сделают все возможное, чтобы об этом сразу же забыли

и шумихи не поднимали. Итак, в каждом флаконе заключен дух, похожий на меня. Именно он и придает жидкости определенный запах, но, после того как вся она израсходуется, — дух умирает. Если туда добавить любую другую жидкость, у нее будет такой же запах, что и у духов, а заточенный во флаконе дух проживет тогда подольше. Но никто этого не знает, это держится в секрете. Впрочем, духи и не подозревают о своем существовании, потому что лишены разума. — Дух погрустнел. — Только я — плод генетической ошибки — наделен им.

— Хм, — недоверчиво покачала головой Ольга.

— Вы не верите мне?

Она ничего не успела ответить, та как человечек, быстро осмотрев кухню, увидел чайник, из которого уже перестал вырываться пар, подлетел к нему и забрался внутрь через носик.

— Он горячий, там кипяток! — закричала Ольга, пытаясь остановить духа, но тот через секунду выбрался из чайника как ни в чем не бывало, и занял свое привычное место в дверном проеме.

— Не обожглись? — участливо спросила она.

— Нет. Посмотрите, что у вас теперь в чайнике.

Ольга подошла к плите. Крышку у чайника поднимать не стала, сразу уловив, как из носика бьет густая струя резкого запаха — самого модного в этом сезоне, стоимостью... лучше никому не говорить, особенно мужчинам, сколько стоит такой пятидесятимиллиграммовый флакончик.

Она вдруг подумала, что, прежде чем поставить чайник на огонь, долила в него воды почти доверху, значит, теперь у нее имеется два литра доведенных до кипения самых модных духов этого сезона.

Ну, и зачем ей столько?

— Вообще-то я хотела сделать себе кофе, а теперь запах этот из чайника не выветрится, даже если я куда-нибудь все это перелью.

Тут Ольга вспомнила, что у нее в стенном шкафу есть несколько пустых стеклянных банок из-под соленых огурцов и маринованных помидоров. Хранились они на тот случай, если она сподобится закатать в них какие-нибудь запасы на зиму, но как-то до таких подвигов руки все не доходили.

Забавно хранить модные духи в стеклянных банках.

— И что теперь прикажете делать? За новым чайником бежать, чтобы кофе приготовить? Или в кастрюльке воду кипятить?

— Извините, я не хотел доставлять вам неудобства, — смутился дух и добавил: — Запах скоро развеется, через час или два в чайнике опять только вода будет. Чтобы запах был устойчивым, необходимо, чтобы дух жил в жидкости постоянно.

— Выходит, что жидкость во флаконе — уже не духи? Они в воду превратилась? — поинтересовалась Ольга.

— Не совсем. Но запах жидкость эта потеряла сильно. Вы что же, будете требовать, чтобы я вернулся во флакончик? — Лицо духа скорчилось в просительной гримасе.

— Живите на свободе, — махнула рукой Ольга, — так уж и быть, хотя это мне стоит определенных затрат. Да, и я надеюсь, что вы не будете меня просить организовывать митинги с требованием освободить из заточения ваших соплеменников?

— Что вы! Я же говорил, что они не разумны, размножаются почкованием или ... этим… как его... клонированием. Но это тайна. Так называемый секретный ингредиент. Без него, сколько запахи не смешивай — ничего не выйдет.

— И на том спасибо, а то в сумасшедший дом попадать не хочется. Знаете, и других проблем хватает. — Она взглянула на часы, в очередной раз сказала «ой» и добавила: — Ладно, без кофе останусь, на работе попью. Мне надо еще быстренько собраться. Я бы, конечно, не прочь еще с вами поболтать, но времени уже нет.

Быстро накрасившись и уложив волосы, Ольга бросила духу: «Все, пока, до вечера», и выбежала из квартиры.

На дороге образовалась огромная пробка, машины двигались еще медленнее, чем пешеходы. Были в голове у Ольги мысли поймать машину и на ней до работы добраться, а вдруг кто из водителей сжалится, скажет ей, что им все равно по пути, и довезет ее бесплатно. По большому счету, сейчас она не могла себе позволить такси, так как для нее наступило самое трудное время, когда до следующей зарплаты еще целая неделя, а почти все, что кинула контора на карточку, уже ушло на всякие расходы. Как обычно, потребности опережали возможности. Время изобилия длилось всего несколько дней, прямо как теплая погода в районах вечной мерзлоты.

Нельзя сказать, что она уж сильно себя ограничивала, просто какое-то время не пополняла свой гардероб, а ела дома все те же полуфабрикаты, из которых можно быстро, не тратя напрасно время на готовку, сделать себе приличный ужин. До того, чтобы таскать на работу бутерброды и кофе в термосе, — она, к счастью, не опускалась никогда, и обедала в недорогих кафе, избегая лишь заведения уровня Макдональдса, где, по ее глубоким убеждениям, заведомо подавали вредную пищу — лишний вес приобрести легко, а вот избавиться от него — трудно.

Убедив себя, что на метро она все равно доедет до работы быстрее, Ольга направилась к ближайшей станции. Удивительно, но в вагонах было

меньше людей, чем обычно, и на этот раз она не чувствовала себя килькой в банке.

На душе у нее было отчего-то тепло. Наверное, оттого, что теперь ее кто-то дома ждал. Она не удосужилась завести кошку, потому что та будет драть все, что под лапы попадется, а с собакой проблем было бы еще больше, ведь с ней надо гулять по утрам, когда так хочется еще немножко поспать, и каждая минута сна буквально на вес золота.

Ольга опоздала на работу минут на двадцать, но, на ее счастье, начальница, застрявшая в пробке, появилась лишь спустя еще полчаса. Пришла она в приподнятом настроении, не иначе как вчера у нее было приятное свидание, которое могло затянуться до самого утра. «Летучку» она проводить не стала, закрылась у себя в кабинете, а потом вызвала к себе Ольгу.

Та шла к начальнице на ватных ногах. Неужели кто-то успел настучать, что она опоздала, и вот теперь ее ждет начальственный разнос? Но, войдя в кабинет, Ольга увидела приветливую улыбку на лице начальницы и догадалась, что, если неприятности и ждут ее, то не в этот раз.

— Можно? — спросила она.

— Конечно. Садись дорогая, — указала начальница на стул перед своим столом. — Не буду тебя долго задерживать. Вот, — протянула она толстую пачку бумаг, — здесь документы, проспекты. Ознакомься. Мы начинаем маркетинговые исследования рынка для продуктов компании «Нечурал фуд виваут химикс», а потом будем продвигать их. Думаю, ты согласишься руководить этим проектом?

Ольга молча кивнула.

— Отлично! Учти, твоя зарплата повышается на тридцать процентов. — Начальница сделала паузу и, улыбнувшись, добавила: — Это пока на тридцать. Проект долгосрочный. Думаю, ты придумаешь, как лучше продвигать товары этой компании на российском рынке. Будут вопросы — заходи, не стесняйся. Все. Иди, изучай материалы.

Ольга вышла из кабинета начальницы окрыленная.

Вот уже год она копила деньги на машину. Пусть не новую, но достаточно приличную, чтобы не смеялись на дорогах, что на развалюхе, проржавевшей до дыр, едешь. Однако стоило наскрести начальный капитал, как тут же случались непредвиденные расходы: проходя мимо магазинов и видя понравившуюся вещь в витрине, Ольга не могла удержаться, в себя приходила, только завладев этой вещью, но денег после таких покупок на счете оставалась разве что на какой-нибудь гроб на колесах. Вот и приходилось ей по-прежнему добираться на работу на общественном транспорте.

«Чем же себя радовать, кроме как покупками? «Шопоголизм», конечно, болезнь, но приятная, если знать меру».

А с прибавкой к зарплате, мечты о покупке авто становились реальностью в недалеком будущем…

Рабочий день пролетел быстро, такое прежде никогда не случалось, в особенности перед выходными. Обычно-то стрелки часов словно замирали и не хотели делать ни одного движения, а теперь их и взглядом подгонять не нужно было, они мчались по циферблату, как резвые кони на забеге.

Уже перед входом в метро Ольге в голову неожиданно пришла мысль испытать удачу и купить лотерейный билетик, хотя прежде она их никогда не покупала и не верила, что в лотерею можно выиграть, считая ее чистой воды надувательством. Но ноги сами понесли ее к одному из киосков.

Лотерейный билет стоил всего пятьдесят рублей.

«Надежда за пятьдесят рублей!» — гласила реклама.

«Господи, какая ерунда! Надежда стоит больше. Она вообще бесценна», — подумала Ольга.

Она вытащила один билетик из общего билетного веера и, даже не спросив у продавщицы, когда тираж и где можно узнать результат, запихнула его в бумажник.

— Завтра утром по восьмому каналу смотрите шоу «Лото»! — бросила ей вслед продавщица.

Придя домой и открыв дверь, Ольга сразу почувствовала густой запах духов, точно кто-то вылил в ее квартире не меньше флакона, разбрызгал его по всем углам, по полу, мебели, стенам и шторам. Человечек встретил ее в прихожей. Когда она, включив свет, увидела его, то в первый момент даже испугалась, приняв за приведение.

— Ой! — пискнула она. — Ну, как вы тут? Соскучились?

— Немножко.

Человечек такой маленький, что сил у него не хватит на вешалку одежду повесить. Приготовить ужин он тоже вряд ли догадался, а может, и не умел. Вот если бы в ее квартире обнаружился домовой, пользы от него было бы гораздо больше. По слухам и сказкам, он и пыль протирал, и гвозди прибивал, и непрошенных гостей отваживал.

Ольга переоделась, достала из холодильника пиццу, разорвала картонную упаковку, сняла целлофан.

— Ох, прощай стройная фигура! — проговорила она, ставя пиццу в микроволновку. Затем бросила упаковку в уже переполненное мусорное ведро и дала себе обещание выбросить мусор завтра утром.

После ужина встал вопрос, где же разместить человечка. Он был готов жить где угодно, хоть в прихожей на коврике, как собачка, но в этом случае утром вся прихожая пропитается запахом духов. По этой же причине Ольга не хотела, чтобы человечек жил в шкафу, потому что духами тогда

начнет нести от ее пальто, шубы и курток. Это, конечно, лучше, чем запах нафталина, но все равно способствует развитию аллергии.

В итоге был найден гениальный ход — отправить духа на поселение в туалет, применив его способности с наилучшей пользой, поскольку запах духов будет соперничать со зловонием, которое просачивается в квартиру через вентиляционную решетку. Какая-никакая, а все же экономия на освежителе воздуха…

Утром Ольга проснулась от ощущения, что кто-то на нее смотрит. Открыв глаза, она обнаружила, что в полуметре над ней завис человечек. Одеяло оставляло открытым только ее лицо, так что никакие другие прелести не могли привлечь духа.

— Ну, что вам? — сонно спросила она, посмотрев на часы. — Рано еще, выходной же. На работу не надо.

— Мне кажется, что вам следует включить телевизор на восьмом канале.

— Это еще зачем? — удивилась Ольга. Она совсем забыла о купленном лотерейном билете.

— Не знаю, но у меня какое-то предчувствие.

— Знаете, что я вам скажу — шли бы вы… а вернее, летели бы… — Вдруг она осеклась и воскликнула: — Что вы говорите? Восьмой канал? В сумке моей рылись?!

— Как вы могли такое подумать? — обиделся человечек.

— Ладно. Не обижайтесь, — миролюбиво проговорила Ольга.

Рука ее вылезла из-под одеяла и стала ощупывать ближайшее пространство в поисках пульта от телевизора. Когда она его увидела, то поняла, что не достанет, если останется под одеялом. Из одежды на ней была только прозрачная ночная рубашка, спортивный костюм, в котором она ходила дома, лежал на спинке кресла. Можно, конечно, не обращать на человечка никакого внимания или в одеяло закутаться.

— Эй, отвернитесь или лучше на кухне полетайте, пока я не позову.

Она включила телевизор, нашла восьмой канал, где шоу было уже в самом разгаре, оделась, а затем, сделав звук посильнее, чтобы не упустить ни одного слова, поспешила в прихожую, схватила сумку и, вернувшись в комнату, стала рыться в ней. Бумажник куда-то запропастился — неужели украли, или она его потеряла? Тем временем на экране миловидная девушка, внешность которой вызвала у Ольги чувство черной зависти, извлекла из барабана пятый шарик, продемонстрировала его телезрителям, вытянув вперед руку и глупо улыбаясь.

Оглашать выпавшие выигрышные номера ей не доверяли. Видимо, эта умственная работа была для нее слишком сложной. Номера произносил кто-то, находящийся за кадром.

— Осталось еще два шара, и мы узнаем, кто же стал обладателем нашего главного приза, автомашины «мини-купер».

— Если вы ищите бумажник, то он в пальто, — услышала вдруг Ольга.

— Я разве разрешила возвращаться? — недовольно буркнула она.

— Извините, — сказал человечек и собрался полететь обратно в кухню.

— Ладно, оставайтесь, — смилостивилась Ольга. — Кстати, а с чего вы решили, что я ищу бумажник, и что он в пальто?

Человечек промолчал, очевидно, полагая, что его опять будут в чем-то обвинять.

— Тоже предчувствия?

— Да, — ответил человечек, сопровождая Ольгу в коридор.

Она нащупала в кармане пальто бумажник, достала билетик. «Сотрите монетой здесь», — прочитала на билете и полезла в отделение бумажника, где хранилась мелочь, но сделала это так неудачно, что монеты высыпались и раскатились по полу.

Тем временем на экране огласили предпоследнюю цифру.

«Черт!»

Ольга поскребла по билету ногтем, отлично заменившим монету.

— Семь, — объявили последнюю выпавшую цифру, а потом по очереди еще раз все, что выпало до нее.

— Ой, ой, ой! — шептала Ольга, не глядя на экран, хотя там все шарики стояли вместе, и сразу можно было увидеть все числа. Но она смотрела только на свой билет. Каждый раз интонации, с которыми она произносила это «ой», менялись — в них слышались то удивление, то недоумение, то восторг. — Не может быть! — воскликнула она наконец.

— Поздравляю вас с выигрышем, — сказал человечек.

— Спасибо, — ответила Ольга и пристально посмотрела на него, начиная догадываться о причинах своего везения.

Приехав на работу в новом авто, Ольга произвела фурор. Все ее коллеги высыпали на улицу осматривать выигрыш, просили посидеть за рулем и понажимать на клаксон. Даже начальница не удержалась и перенесла утреннюю «летучку» на более позднее время.

А потом Ольгу закрутила работа…

Новых чудес не случалось, если не считать того, что к ней заметно возрос интерес со стороны лиц противоположного пола. С ней старались познакомиться на дороге, когда она стояла в пробке, в магазинах.

Вот только из-за нового проекта свободного времени почти не было, но это и хорошо. Когда голова делом забита, другие мысли в нее не лезут.

Выяснилось, что человечку очень нравится плескаться в газированной воде. Ольга таскала ее упаковками, а чтобы человечек во время водных процедур не утонул, она купила ему маленькую пластмассовую ванночку.

В конце концов она очень привязалась к нему. Каждый раз, уходя на работу, боялась, что человечек решит ее покинуть и, пока ее дома не будет, выберется на свободу через вентиляционную трубу или через открытое окно и отправится искать себе новых хозяев.

Это хуже, гораздо хуже, чем ограбление квартиры.

Спустя две недели маркетинговые исследования Ольга закончила. Итоговый доклад, в котором содержалась концепция продвижения товара на российский рынок, заказчику понравился. Решено было продолжить совместную деятельность. Начальница была в восторге. Этот контракт значительно увеличивал шансы ее фирмы на выживание, и она искренне считала, что главная заслуга в этом принадлежит Ольге. Чтобы поощрить ее, выписала премию в размере месячного оклада и предоставила внеочередной отпуск, а чтобы у нее не возникло вопросов о том, где этот отпуск провести, купила еще и туристическую путевку в Шарм-эль-Шейх в пятизвездочную гостиницу с полным пансионом.

— Отдохни немного, — напутствовала начальница, — ты мне нужна со свежими мозгами.

— Спасибо, спасибо, — говорила Ольга. Правда, вместо Египта она лучше съездила бы в Париж, где не была уже четыре года, но выбирать не приходилось.

Человечек пристрастился к чтению книжек. В особенности ему нравилось рассматривать комиксы про Супермена, Человека-паука, Халка и прочих. Он часто сидел на балконе, закутавшись в шарф, чтобы не простудиться. Похоже, он стал скучать.

— Не желаете попутешествовать? — спросила его Ольга, подумав, что человечку поездка будет интересна, к тому же нельзя его на две недели одного в доме оставлять.

— Хочу, — обрадовался человечек.

— Тогда готовьтесь, послезавтра полетим. Правда, можете не лететь, здесь остаться, но я-то на две недели улетаю.

— Я с вами, — быстро проговорил человечек.

«В багаж его сдавать нельзя, замерзнет он там, — размышляла Ольга. — Надо будет обязательно пронести его в ручной клади в салон самолета. Костей у него нет, и при просвечивании его попросту не заметят».

Объем флакончика, в котором она нашла человечка, был 50 миллилитров, а в салон разрешалось проносить жидкости в емкостях вдвое больше.

— Слушай, — обратилась Ольга к человечку, переходя на «ты» как с близким знакомым, — вот скажи, ты в свой старый флакончик влезешь или тебе другой какой-нибудь подобрать?

— Могу в старый, — испугался человечек, тоже переходя на «ты». — Я чем-то расстроил тебя? Почему ты опять хочешь заточить меня в этот ненавистный флакон? Что плохого я тебе сделал?

— Ничего плохого, одно только хорошее и делаешь. Не бойся и не обижайся. Так, во флаконе, тебя будет легче через таможню провезти. Потерпи. Это недолго. Всего несколько часов. До гостиницы доедем, и я тебя выпущу. Хорошо? Так новый или старый?

— Слушаюсь и повинуюсь, — сказал человечек, немного погрустнев. — Старый. Хоть он и мал, но он мне роднее. Сейчас в него залезать? Я это мгновенно сделаю.

— Отлично. Как поедем в аэропорт, так и залезешь.

Весь следующий день прошел в приятной беготне по магазинам. Ольга накупила всяческих кремов для загара и от ожогов, кучу новой одежды. В старый чемодан все это не умещалось, пришлось покупать новый — побольше.

Наутро перед отъездом настроение у Ольги было приподнятым, хоть она и не выспалась, а вот человечек выглядел немного грустным, будто ему лететь на курорт расхотелось, или он боялся этого полета. Мог бы поделиться с ней своими сомнениями, а если ничего не говорил, значит, сомнения эти были не очень важными.

Во флакон он забирался с явной неохотой, очень медленно и с таким обиженным выражением на лице, что Ольга почувствовала себя палачом, применившем к невинному младенцу одну из самых изощренных своих пыток. Но все равно другого выхода не было, не может же она его, к примеру, за веревочку привязать и выдавать за воздушный шарик, который сдуть не может, потому что ни секунды без него не проживет. Ее посчитают за умалишенную, таможенник тщательнее будет изучать ее паспорт и сверять со списком лиц, которым не разрешено покидать пределы родины. Да и человечек весь полет не сможет оставаться неподвижным, он обязательно себя выдаст. А когда кто-нибудь заметит, что воздушный шарик живет собственной жизнью, такой переполох в салоне начнется, что и воображать не хочется. Ольгу по прилете никуда не отпустят, ею начнут заниматься всяческие спецслужбы. Лучше уж фантазии на эту тему не продолжать.

Во флаконе — значит, во флаконе. Духу ее не разжалобить. Она же о его собственной безопасности печется.

— Ну, ты залез? — спросила Ольга.

Ответа не последовало. За его мучениями она не следила. Действительно ли дух залез во флакончик, или он, пока за ним не следят, спрятался где-то в комнате, не проверяла. Ну, право же, не заставлять же его опять выбираться из флакона на свет божий. Он сказал бы ей, если бы раздумал лететь. На всякий случай Ольга походила по квартире, глубоко втягивая воздух и пытаясь установить — нет ли где сильного источника запаха духов.

Воздух был пропитан духами равномерно.

Бросив флакончик в наплечную сумку и прихватив чемодан, собранный накануне, Ольга еще с минуту посидела в прихожей, соблюдая архаичную традицию, и выбежала на улицу, где ее поджидало заранее заказанное такси.

— Пока, пока, красавица, — бросила она своей машине, стоящей возле подъезда. — Я скоро приеду.

С таможней проблем не возникло.

В самолете она выпила для храбрости рюмку коньяка, чтобы победить дрожь в коленках и впасть в полубессознательное состояние, из которого стала выходить, только оказавшись в номере гостиницы.

После душной улицы кондиционированный воздух настолько взбодрил Ольгу, что она тут же распечатала чемодан, решив пойти на пляж позагорать.

И только переодевшись, вдруг вспомнила, что надо выпустить духа.

— Вылезай, — сказала она и подбодрила человечка, несколько раз нажав на распылитель.

Перелет дух, видимо, перенес с трудом. Несколько секунд он покачивался на кончике распылителя и только потом отделился, начал летать по номеру, осматриваясь.

— Хм, неплохо, — наконец сказал он.

— Ну, ты осваивайся, а я пойду — поплаваю.

Человечек что-то хотел сказать, но Ольга уже закрыла за собой дверь. Тогда он пролез через щель между дверью и полом, догнал свою хозяйку и, повиснув над ее плечом, попросил:

— Возьми меня с собой.

— Ты что, с ума сошел? Вдруг кто-нибудь увидит тебя? — испуганно зашипела она, оглядываясь по сторонам. К счастью, гостиничный коридор был пуст. — Как я тебя возьму? Подумай сам? И зачем?

— Я в море хочу искупаться.

— Как я тебя донесу до моря?

— Я готов обратно во флакончик залезть.

— Ну, что с тобой делать, — сдалась Ольга. — Так уж и быть, полезай.

Ей очень хотелось окунуться в соленую воду и смыть с себя усталость.

На пляже было малолюдно. Ольга зашла по колени в теплую воду, выдавила духа из флакончика. Если кто и наблюдал за ней, то, скорее всего, подумает, что она вздумала купаться вместе с воздушным шариком.

Соленая вода духу понравилась, понравилась куда больше, чем газированная. Он шел на всякие ухищрения, чтобы подольше оставаться на пляже. Очевидно, именно тогда у него появилась идея поселиться здесь навсегда. Все-таки он был настоящим духом, который может освободиться от хозяина, исполнив три его желания.

Третье и последнее чудо случилось под вечер следующего дня, и своим продолжением оно имело свадьбу, сыгранную спустя полгода. Но это уже совсем другая история. А тогда, в тот вечер Ольга грустно сидела на открытой террасе гостиницы и смотрела на море.

Незадолго до этого она, купаясь, потеряла человечка. Отвернулась лишь на миг, а когда снова повернулась, его уже нигде не было. Утонуть он не мог. Она звала его, шарила руками в воде, будто могла его нащупать, но все было напрасно.

Ей казалось, что жизнь закончилась. Она ругала себя, что сама в этом виновата…

Прошел, наверное, месяц после того, как она домой вернулась. Грусть от потери постепенно уходила. У нее начиналась новая жизнь, в которой все было хорошо, только не было в ней прозрачного человечка. Вечером Ольга включила телевизор. Шел выпуск новостей.

— Корабль получил огромную пробоину. Только чудом ему удалось продержаться на плаву до подхода спасательных судов. Потом его отбуксировали к берегу. Никто не пострадал, — говорил кто-то за кадром, а на экране сменялись друг за другом знакомые для Ольги виды.

— Только чудом, — задумчиво повторила она, догадавшись, почему корабль не утонул.

Она не каждый год приезжает на тот пляж, ведь много мест в мире, которые хочется посмотреть. Семье своей она не объясняет, почему ее так сюда тянет. Пусть муж думает, что из-за того, что они здесь познакомились, а детям пока все равно, где купаться — главное, чтобы было тепло.

Те духи, в которых она нашла когда-то человечка, давно вышли из моды, но их все продолжают выпускать, и один флакончик Ольга всегда берет с собой. Она приходит к берегу, ждет, когда ее ног коснутся волны, и брызгает на них духами, надеясь, что этот запах привлечет человечка, и они снова встретятся. Он же растворился в этой воде, в этих волнах, а может, и нет, может, с ним что-то другое приключилось. Прежде чем глубже зайти в воду, Ольга все равно гладит волны и принюхивается к ним, и тогда ей кажется, что она ощущает тот знакомый слабый-слабый запах… ❑

Светлана Бестужева-Лада

КОРОЛЕВА ДОМОХОЗЯЕК

Уехав из России, писатель Евгений Замятин констатировал: «В эмиграции — два наиболее ходовых автора: на первом месте Елена Молоховец, на втором — Пушкин». У Льва Кассиля в «Кондуите и Швамбрании» Оська и Лелька увлеченно «устраивали пиры», открыв книгу Молоховец. *«…Цель моей книги — прийти на помощь хозяйкам менее богатым, принужденным приноравливаться к различным обстоятельствам жизни…»* — редкий случай, когда желание автора сбылось в полной мере.

Только вот о самом авторе мало кто знает, в том числе и об ее жизни, хотя она не менее интересна, чем кулинарные рецепты.

Кстати, книгу Елены Молоховец ошибочно считают просто сборником кулинарных рецептов, во многом уже безнадежно устаревших. Целые разделы посвящены кухонной утвари, которую необходимо иметь, оптимальному устройству квартиры, вопросам этикета. И то, что возмущало когда-то идейных строителей социализма: отдельные меню для прислуги и для господ, было вполне естественной данью времени и обычаям. Ведь первое издание этой легендарной книги вышло в год отмены крепостного права, когда никому не приходило в голову кормить обслугу рябчиками и бланманже.

Книга «Подарок молодым хозяйкам» имеет еще и подзаголовок, на который мало кто обращает внимание: «Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», то есть это первый (и, боюсь, последний) учебник рационального домоводства. Она впервые вышла в свет 3 июня 1861 года, ко Дню Ангела Святой Елены. Самой Елене Ивановне в то время было всего 30 лет. Книга переиздавалась после этого вплоть до 1917 года. Общий тираж ее был одним из самых больших — около пятисот тысяч. Стоит добавить, что почти немедленно появились многочисленные подделки: «Настоящий подарок молодым хозяйкам» с подписью «Е. М….нъ», «Новый подарок молодым хозяйкам» Е. Моровичъ, «Дорогой подарок молодым хозяйкам» Малковецъ, «Полный подарок молодым хозяйкам» за подписью Мороховцовъ.

Елена Ивановна решила отстаивать свои авторские права самостоятельно и на первой странице книги появилась ее собственноручная подпись.

Надо сказать, что изначально, судя по всему, Елена Ивановна не ожидала особенного успеха. Кулинарное пособие не входило в список популярной литературы, первый тираж был оплачен мужем писательницы и расходился медленно.

Однако читатели вскоре, как говорится, вошли во вкус. Книга выдержала около 30 прижизненных изданий, расширенных и дополненных. Вторая и третья части «Подарка» — о хранении и заготовке припасов, обустройстве дома, обращении с прислугой — тоже расходились прекрасно.

Вообще это большая загадка, как удалось молодой женщине написать такой фундаментальный труд. Впервые были представлены не просто рецепты, а тщательная проработка приготовления того или иного блюда с точными мерами продуктов и временем приготовления, а также предлагалось меню, учитывающее не только сезонность продуктов и церковные праздники, но и бюджет семьи.

Елена Ивановна учила молодых хозяек экономно вести домашнее хозяйство. В предисловии она написала:

«Кухня, это в своем роде искусство, которое без руководства приобретается не годами, но десятками лет опытности, а этот десяток лет неопытности, иногда, очень дорого обходится».

Родилась Елена Бурман в 1831 году в Архангельске в семье начальника местной таможни. Потеряв родителей в раннем возрасте, по ходатайству бабушки-аристократки, поступила в Смольный институт для благородных девиц. Училась Лена отменно, получала «отлично» по всем предметам, от французского до музыки, за успехи была премирована Библией и золотым браслетом, и окончила Институт в 1848 году.

Вернувшись в Архангельск, она неожиданно быстро сделала блестя-

щую партию: вышла замуж за городского архитектора Франца Францевича Молоховца, с которым сначала переехала в Курск, а затем в Петербург.

Несмотря на немецкие корни супруга, оба они исповедовали православие, семья изначально строилась на благочестии, уважении к русским традициям. Елена оказалась идеальной женой и матерью, родила мужу десятерых сыновей, не утратив ни здоровья, ни бодрости духа. Один из ее дорогих мальчиков впоследствии стал генералом, а внук служил на яхте Николая II и даже был отмечен в дневниковой записи Государя: «*…хорошо погуляли с Саблиным и лейтенантом Молоховец*».

Елена Ивановна издала и другие сочинения, причем совершенно не кулинарного содержания. Например, «Голос русской женщины, по поводу государственного и духовно-религиозно-нравственного возрождения России» и «Монархизм, национализм и православие».

А вот сборник домашних медицинских советов вызвал волну негатива — среди популярных рецептов там преобладали молитвы, святая вода, освященное масло и… живые лягушки для борьбы с потливостью рук. «*Не знаем, чем больше возмущаться: непозволительным невежеством г-жи Молоховец или ее нахальством*», — писал «Вестник Русского общества народного здравия». Впрочем, цензура против сборника не возражала.

Учебник французского языка под редакцией Молоховец популярности не обрел, а ее религиозно-мистические искания на тему «Как обустроить Русь» до сих пор вызывают недоумение. В частности, она советовала для поддержания нравственности в стране выносить публичные дома за городские стены, ограждать их кирпичной стеной и пропускать мужчин лишь со справкой о полном здоровье.

Возможно, для своего времени это был небывалый прогресс — как запрет пророка Мухаммеда оставлять в пустыне новорожденных девочек или отмена крепостного права. К сожалению, назидательность и снобизм изначально были свойственны госпоже Молоховец, а фантастический успех «Подарка» вскружил ей голову.

С точки зрения читателя XXI века, в «Подарке» нет никаких особенных уникальных сведений — узнать о разделке мясной туши, правильном хранении масла, варке варений и маринадов можно с помощью Интернета за пять минут. А вот два века назад для читателей это был «Властелин Колец» от кулинарии.

В книге просто и ясно рассказано, как готовить те или иные блюда, на любой сезон, кошелек, вкус и нрав, сколько соли, перца и зелени класть в супы или соусы, как обходиться с бекасами, померанцем, мороженым и прислугой, что подавать на званых вечерах и чем кормить детей. Она стала идеальным «Подарком» на свадьбу в каждой семье — от петербургских аристократов до саранских купцов и иркутских чиновников.

И немудрено. Сама Молоховец подчеркивала, что книга была ею написана «*…чтобы уменьшить расходы в домашнем хозяйстве и помочь хозяйкам самим выдавать провизию из кладовой. Для этого старалась я во всех помещенных мною кушаньях назначить по возможности самую аккуратную пропорцию в состав кушанья, пропорцией на 6 человек, и под описанием каждого почти кушанья назначен реестр выдачи, потому что, не имея перед глазами реестра всего того, что входит в состав кушанья, не только хозяйка, но даже и повар, который исключительно тем и занят, не может вдруг припомнить всего*».

Любая хозяйка могла открыть книгу, побаловать мужа редким деликатесом и ощутить себя феей, причастной к таинствам гастрономии. Даже почти сто лет спустя в некоторых домах эта книга оставалась настольной. Нет, рябчиков, конечно, не готовили и кабанью голову (где ее взять?!) не запекали, но жареного поросенка на праздничном столе многие еще прекрасно помнят.

И вообще долгие десятилетия в СССР знаменитый «Подарок» Елены Молоховец читали «вприкуску», словно увлекательный роман из жизни прошлого века и цитировали, смакуя подробности: «*2 рябчика, 2 бекаса, 1 фазан или 2 вальдшнепа изжарить в масле, изрубить ножом, истолочь в ступке…*», «*Самую красивую копченую голову старого вепря сварить как копченый окорок…*», «*Прислуга отчасти исправится в нравственном отношении… если она будет в одном этаже с прочими жилыми комнатами*».

Талант описательный, литературный у госпожи Молоховец присутствовал в полной мере — спасибо классическому образованию. И в психологии она разбиралась неплохо, по крайней мере, в молодости — неопытные начинающие хозяйки ощущали (и до сих пор ощущают) материнскую заботу и надежную поддержку истиной королевы домохозяек.

И вокруг книги, и вокруг личности автора ходило множество самых разных фантастических слухов. Елену Молоховец представляли одновременно истерической самодуркой и безупречной матерью-героиней, экзальтированной кликушей (отзыв Розанова) и почти что святой последовательницей Домостроя.

Можно без пиетета относиться к религиозным и духовным исканиям госпожи Молоховец, но в любом случае она создала памятник русской истории, столь же ценный, как и записки Гиляровского или мемуары Юсупова. Благодаря ей мы знаем, чем лакомились наши прадеды, как обращались с пищей, какие редкостные продукты завозили в Россию в конце XIX века, и какая сумма требовалась для того, чтобы прокормить семью.

«Подарок молодым домохозяйкам» еще ждет своего исследователя. А простым читателям остается тихонечко глотать слюнки и прогуливаться по рынку в поисках нужных ингредиентов. «*…Только что распустившиеся розы очистить от желтых кончиков, взять этого розового цвета 1 фунт, всыпать в салфетку, концами привязанную к четырем ножкам опрокинутаго табурета. Облить 2 бутылками кипятку, вода пусть стекает в подставленную чашку. Роз не надо выжимать, но только потряхивать с ними салфетку. Потом сложить этот розовый цвет на блюдо, скропить хорошенько лимонным соком или соком из смородины, растирать, пока не покажется сок. Тогда влить на 1 фунт розоваго цвета 1 стак. розовой воды, мешая, растирая, выжимая сквозь салфетку. В выжатый сок всыпать 1 фунт очень мелкаго сахара, т.е. 2 стак., варить на самом легком огне и то не долго, так, чтобы сахар только со-*

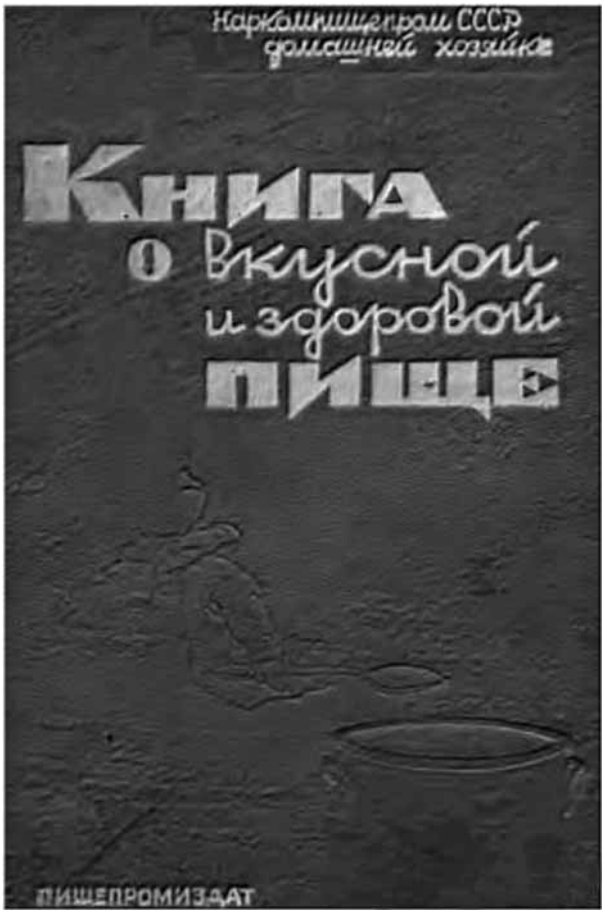
вершенно распустился, а розовый сироп не потерял своего запаха. Для сильнейшего запаха в сироп этот можно влить 2 капли розоваго масла, и для цвета немного кошенили …»

Не хочется приготовить такой розовый сироп к булочкам с заварным кремом? Наверное, хочется…

Этот уникальный сборник рецептов русской кухни изначально издавался как пособие, помогающее молодым хозяйкам не только вести домашнее хозяйство, но и выстраивать гармоничные отношения в семье. Да-да! Елена Молоховец скрупулезно перечисляла все те «подводные камни», о которые могла разбиться «любовная лодка». Даже настойчиво рекомендовала устраивать в квартире или доме специальную комнату, где все члены семьи и домочадцы собирались бы для молитвы.

Кстати, отличительной особенностью этой книги, по сравнению с предшествующими, является точное, а не примерное, указание количества используемых ингредиентов. Елена Молоховец писала ее, свято веря в то, что именно «Подарок» поможет молодым хозяйкам избежать бытовых конфликтов и развить крепкие семейные отношения. Самозабвенность писательницы сначала вызывала иронию у читателей, но именно этот неподражаемый стиль сделал книгу столь популярной.

Конечно, читать и применять рецепты из книги нужно разумно. Не стоит слепо доверять тому, что, к примеру, курицу, для улучшения вкусовых качеств, необходимо закапывать в землю, а пудинг, напрочь забыв об имеющихся на кухне технических достижениях, надо взбивать



полчаса деревянной вилкой. Также не каждый знает, что такое рыбий клей или мазурек. А читателю, знакомому с ванилью исключительно как с мелким порошочком из пакетика, будет интересно узнать, что ваниль надо разрезать всегда вдоль, а не поперек, и после проварки с молоком ее можно вынуть, высушить и использовать вторично. Все же в целом рецепты практичны, и именно благодаря подробной детализации можно с первого раза успешно приготовить даже незнакомое блюдо.

После революции книга стала легендой — и в голодном эмигрантском Париже, и в Советском Союзе с непреходящим дефицитом продуктов рецепты Молоховец выглядели открытками из сказочных стран. Яйца! Сливки! Спаржа и артишоки!

В советскую эпоху книга «Подарок молодым хозяйкам…», рассчитанная преимущественно на людей с высоким уровнем достатка, была обвинена в «буржуазности» и «декадентстве», из-за аристократического слога и пренебрежительного отношения к бедным слоям трудового населения:

«*Когда это мясо при костях сварится, снять его, изрубить и употребить на фарш для пирожков, караваев, подаваемых к супу, на форшмак и т.п. или отдать прислуге*».

«*Голова воловья употребляется на студень, для беднейшего класса людей и для прислуги*».

«*Каждые 10–15 минут сливать в горшочек растопленный жир, пока весь не растопится и не останутся одни шкварки, которые отдать прислуге к какой-нибудь каше*».

Хотя, если ознакомиться с тем разделом книги, где представлено меню для прислуги, можно убедиться, что прислуга питалась лучше большинства граждан в довоенном Советском Союзе. А, может быть, и в послевоенном тоже.

Пережив намного мужа и некоторых своих детей, Елена Ивановна Молоховец скончалась в возрасте 87 лет. Есть архивные сведения, что она захоронена на лютеранском Волковском кладбище 15 декабря 1918 года. Дата ее смерти неизвестна. Время было тяжелое, смутное, и смерть Елены Ивановны в Петербурге осталась никем не замеченной, по крайней мере, в архиве Петербурга не удалось найти такой записи.

Удалось найти только фотографию Елены Молоховец в газетах 1911 года, посвятивших свои выпуски празднованию 50-летнего юбилея ее книги. По этой газетной фотографии петербургский художник Александр Додон написал портрет Елены Ивановны, который представлен в ресторане «Мечта Молоховецъ». Теперь все почитатели кулинарного таланта Елены Молоховец могут увидеть ее портрет в Санкт-Петербурге на улице Радищева, 10.

А книга ее пережила множество изданий, редакций и критики. Несмотря на смену эпох и поколений, «Подарок» представляет большой практический интерес и содержит опыт почти двухвековой русской кулинарной истории.

Хотя в военные и послевоенные годы, когда в стране повсеместно наблюдалась нехватка продуктов даже первой необходимости, и действовала карточная система, рецепты «буржуазных» деликатесов из книги Молоховец воспринимались как откровенная издевка над голодающим народом.

Наверное, в противовес этому «издевательству» появилась вторая «легенда о кулинарии» — «Книга о вкусной и здоровой пище», над созданием которой трудился большой коллектив не столько поваров, сколько ученых. Она может служить гастрономическим аналогом таких стильных памятников эпохи, как столичное метро или ВДНХ.

Идея о создании универсальной кулинарной книги, аналогичной широко известной в России книге «Подарок молодым хозяйкам», но обновленной применительно к современным условиям, появилась в середине 1930-х годов, после отмены продовольственных карточек. Изначально книга предполагалась как научный труд, в котором должно было рассказано о рациональном питании и значении здорового питания. Она была написана опытными кулинарами-практиками совместно со специалистами отраслевых ин-

ститутов, учеными ВНИИ питания Народного комиссариата здравоохранения.

Несмотря на все признаки обычных кулинарных книг (рецептура, описания технологических приемов, иллюстрации), эта книга, как и всякий артефакт сталинской культуры, преследовала не только практические цели. Ее можно назвать энциклопедией советского образа жизни, где процесс приготовления пищи стал символом преобразования мира по плану-рецепту. Каждое описанное блюдо — аллегория полноты и разнообразия социалистической жизни, выраженной в тщательно взвешенном меню.

Первое ее издание, с цитатами Сталина и репликой от Анастаса Микояна, вышло в 1939 году, и она стала первой большой поваренной книгой в СССР. Рецепты и дополнительная информация о продуктах были подобраны с учетом тяжелого положения в стране и возможностей потребителей. Авторы пытались рассказать, как можно приготовить вкусные (а главное полезные) блюда из недорогих продуктов. Книга не делала упора на русской кухне: в ней можно было найти английские и французские рецепты, а также большое количество национальных рецептов союзных республик.

Малоизвестное сокращенное издание карманного формата появилось сразу после войны. Издание 1948 года было вновь расширено, в том же году в книге впервые появились разделы о лечебном питании, питании детей и женщин в период беременности и кормления.

Первый массовый тираж книги, получивший огромную популярность, был издан в 1952 году. К книге вновь вернулся ее энциклопедический формат и красочное оформление. Издание 1952 года часто ошибочно называют первым, оно же считается каноническим. По многочисленным просьбам граждан, написавших большое количество писем в издательство, практически сразу же, в 1953 и 1954 годах, были выпущены дополнительные тиражи в 500 тысяч экземпляров.

«К изобилию!» — называется предисловие, напечатанное на фоне фотографий, иллюстрирующих этот призыв: булочные, ветчинные, колбасные, консервные, сырные, фруктовые, овощные натюрморты.

Примечательно, что из издания 1954 года были изъяты цитаты Берии, расстрелянного в 1953 году. Также существует версия, что издание 1953 года после его расстрела было срочно изъято из продажи. После смерти Сталина, с наступлением эпохи Хрущева, из книги также исчезли цитаты Сталина.

Специфика книги менялась со временем. В 1940-х шло бурное развитие рыбной промышленности, и блюда из рыбы широко рекламировались в книге. В 1950-х был наложен запрет на вылов осетровых, и количество блюд из осетровых в книге резко уменьшилось. В 1960-х годах, когда в стране начались проблемы с поставками продуктов, рецепты сильно упростились, в издание 1961

года вошел раздел «Домашнее консервирование». Неизменными оставались увеличенный формат, многочисленные иллюстрации, цветные вклейки и форзацы и золотое тиснение на верхней крышке переплета, хотя оформление его тоже менялось.

Практически неизменной оставалась и популярность книги.

Сейчас найти это чудо можно только в букинистических лавках или с рук. Если увидите — уверенно хватайте, такого вы больше нигде не найдете! На форзаце надпись «Одобрена Институтом питания Академии медицинских наук СССР», что уже внушает доверие, согласитесь...

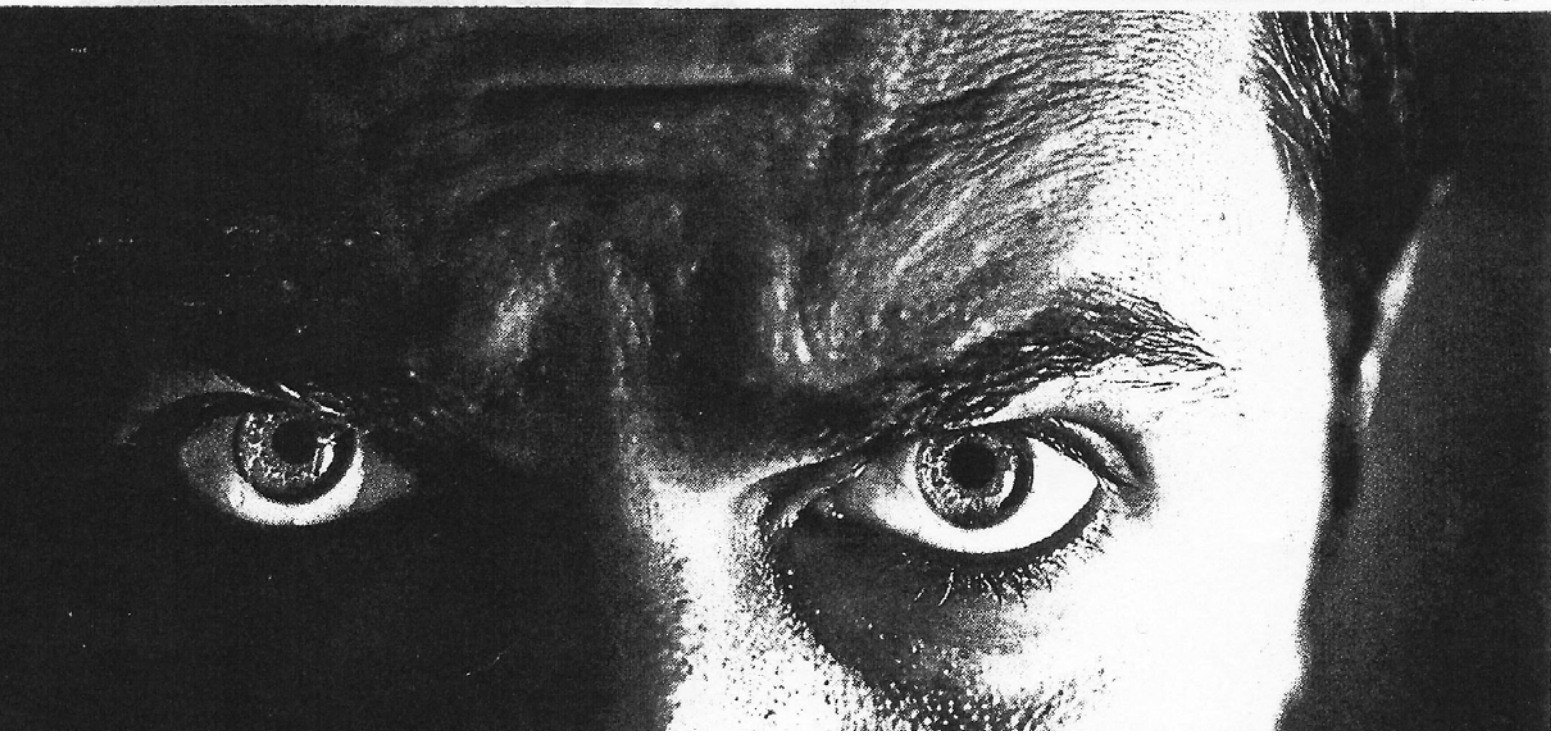
«Книгу о вкусной и здоровой пище» часто рассматривают как один из канонических символов советской пропаганды: ассортимент продуктов, описанных в ней, никогда или почти никогда невозможно было найти в магазинах. Тем не менее, вплоть до прекращения существования СССР дополнительные тиражи и новые издания книги выходили в печать почти каждый год, и ее общий тираж с 1952 по 1999 год составил около 8 миллионов экземпляров.

На сегодняшний день кулинарными книгами завалены все прилавки. Любые рецепты из любых продуктов любой кухни мира. Были бы деньги, да желание поколдовать у плиты.

Увы, популярнее всего пицца и суши. В Москве их легко заказать на дом.

Да и читать люди стали, кажется, меньше. Во всяком случае, книга, изданная полумиллионным тиражом, в наше время — просто ненаучная фантастика.

И все же на книгах Елены Молоховец выросло не одно поколение домохозяек. Для кого-то это была настольная кулинарная книга, а для кого-то увлекательный роман, позволявший пережить трудные голодные двадцатые, сороковые… ❑



Иосиф Гольман

ЗАЩИТНИЦА-2

Глава 7

Белогорск. Прапорщик все видел

Сработали хвостики-то!

Еще как сработали.

Хотя на самом деле сработало совсем другое.

Городок за полгода, что тянулся процесс, пережил несколько ярких состояний, причем — общих для большинства его жителей.

Сначала — шок от ужасного преступления.

Ужас и сочувствие к потерпевшим быстро сменились ненавистью к убийце, пьяной твари, не сумевший даже из машины вылезти после совершения страшного преступления.

Даже народный сход собирался. Наверное, в первый раз после того, как в впервые всенародно выбирали мэра.

Кстати, в том же зале, где сейчас судили Рината Гильдеева.

Зал был наэлектризован ненавистью, она физически ощущалась в воздухе. Черт знает, куда бы эта ненависть повела горожан. Может, громить СИЗО, где уже сидел водитель-убийца?

Ситуацию тогда разрядило выступление начальника городского ГАИ.

— Я клянусь, — тихо и прочувствованно сказал он. — Убийца будет сидеть на скамье подсудимых. И еще пожалеет не только о том, что наехал на наших женщин, но и о том, что вообще родился.

Окончание. Начало в №12, 2015.

Страшная угроза, произнесенная внешне спокойным голосом, произвела свое действие. Народ успокоился, запах смерти, нависший в воздухе, начал рассасываться.

Потом начался суд и горожане — опять не сразу, постепенно — стали переходить в другое, но тоже общее состояние.

Ненависть к убийце не проходила. Однако было посеяно обоснованное сомнение в том, что этим убийцей являлся Ринат Гильдеев.

Попытки же суда игнорировать доказательства защиты вызвали совершенно новый тренд: суд, как всегда, не хочет разбираться честно, предпочитая поставить галочку и закрыть дело. Появились даже те, кто готов был рассматривать новую версию: убийца — кто-то из сильных мира сего, и вместо истинного виновника подставляют пьяницу Рината.

Правда, пока еще хватало людей, кто верил, что «ЗИЛ» Гильдеева полюбому участвовал в аварии, но количество сторонников версии единственного убийцы — парня, невозмутимо сидящего сейчас на скамье подсудимых, — с каждым днем таяло.

Применительно же к московским адвокатам это значило следующее.

Во-первых, на них перестали косо смотреть. Даже зауважали: идти против власти мало кто может, а пример заразителен.

Во-вторых, их стали приглашать в гости. Просто подходили и приглашали. И они ходили: к учителям, врачам, музыкантам и просто рабочим-сталепрокатчикам.

В-третьих — что однозначно связано с первыми двумя пунктами — со всех сторон пошла информация.

Вот они, оторванные хвостики! Ну и, конечно, появившаяся вера в москвичей, готовых за истину спорить и с прокурором, и с делающим блестящую карьеру Гареевым.

Забавно, но их вновь нашел мужчина с портфелем. Тот самый, который подходил к ним после заседания суда. Теперь он пришел выказать не презрение, как в первый раз, а наоборот, большое уважение, к тому же принес информацию. Простенькую и пока ни к чему не привязанную, зато доказывающую, что их подход к работе — да и к жизни — верный.

Оказывается, на следующий день после аварии город покинули сразу два человека: личный водитель начальника городского ГАИ Кузовлев и шофер полицейской машины Муратов. Оба уехали внезапно. Отпуск брали за свой счет. Отправились непонятно куда, в одиночку, без семей.

Потом синхронно — не приезжая в город, дистанционно — оформили расчет. И, наконец, их семьи продали дома и уехали в неизвестном направлении, скорее всего, к своим так неожиданно исчезнувшим из города мужьям.

— Вы же говорите, в наезде участвовали две машины! — жарко шептал на ухо Багрову человек с портфелем. Они сидели в парке на лавочке, Олег — как всегда, спокойно, а источник информации — на нервах и беспрестанно озираясь. — Вот они вам, две машины! А начальство скрывает правду и топит Гильдеева!

— Может быть, и так, — сказал Багров, вызвав радостную улыбку на лице добровольного помощника, — а может, и нет. Ну, уехали двое. Городок-то не такой и маленький. Сколько народу за год внезапно уезжает! А главное, где доказательства, что эти двое хоть как-то причастны к разбираемому дорожно-транспортному происшествию?

— По-моему, и так ясно, — обиженно проговорил человек с портфелем и, попрощавшись с Олегом, покинул место встречи.

Еще один интересный факт был получен вовсе неожиданно. Их позвала на пироги с малиной семья друзей Ишмурзиных. Завгар, смущаясь, просил не отказать: те реально помогли и объявления развешивать, и прокатать по местному телевидению репортажик о суде, в котором журналист высказывал обоснованные сомнения в версии обвинения. Да еще и приглашал всех свидетелей поделиться информацией, «с целью недопущения осуждения невиновного» — как он выразился.

После очередного судебного заседания адвокаты зашли в гости на пару часов, «побаловаться» пирогами. Имели очень приятную беседу с пригласившими их супругами. Тема беседы — ни о чем. Такое бывает, и если пироги вкусные, то, как говорится, ничего страшного.

Их сын, полненький парнишка лет шестнадцати в очках, смотрел на гостей во все глаза.

— Хочешь стать адвокатом? — улыбаясь, спросила его Шеметова.

— Теперь хочу, — ответил тот, сглатывая комок, вставший от волнения в горле.

— Куда тебе, Вадик! — улыбнулся отец. — С твоими тройками в наш бы ликбез взяли.

Москвичи уже знали, что «ликбезом» именовался местный колледж, поставлявший кадры для городка и района. Основная специальность — металлургия.

— Просто ему было не интересно учиться, — заступилась за сына мама. — Найдет свое дело — пойдут и четверки. — Про пятерки мама почему-то ничего не сказала. Видать, потенциал Вадика среди ближних родственников высоко никогда не котировался.

— Ну, вы чего-то парня совсем зачмырили! — не выдержала Шеметова, как известно — защитница по состоянию души.

— Просто надо выбирать кусок по рту, чтобы, откусив, не подавиться, — спокойно ответил папаша. — И пояснил свою непритязательную мысль: это для нас он любимый и единственный. А как нас не будет? Кто станет оплачивать его фантазии? А он все книжки читает и кино смотрит.

— Подход, конечно, правильный, — улыбнулась Ольга. — Но уж слишком серьезный.

— А в жизни разве до шуток? — поддержала мужа супруга. Они вообще были какие-то очень похожие друг на друга: подобранные, сухощавые, реалистично мыслящие люди. Сынок же — совсем не такой. Толстенький, круглолицый, с живыми глазками.

Впрочем, уже через пару минут Вадик всех очень удивил.

Оказалось, что после первых заседаний суда — ну, когда, насмотревшись на москвичей, он решил тоже стать адвокатом, — Вадик приступил к изучению уголовного кодекса РФ.

Задав парню два-три вопроса, Ольга с некоторым смущением поняла, что парнишка редко употребляемые «новеллы» закона помнит лучше нее.

— У него всегда была такая память, — успокоил ее папаша.

— И вы его в «ликбез» прочите? — укорила недоверчивого отца Шеметова.

— Память — это не профессия. Если только фокусы показывать. От адвоката же анализ ситуации требуется.

— Это точно, — вклинился в беседу Багров. И неожиданно повернул ее в практическое русло. Значит, юристом решил стать, — обратился он к Вадику. Тот согласно кивнул, упрямо посмотрев на улыбающихся родителей. — Вот, смотри, какая штука, Вадик, — задушевно начал Олег. — Помнишь, что говорил в суде Степан Волобуев?

— Конечно, — мгновенно отозвался толстячок, посверкивая глазами. — Звонкий удар во время проезда перекрестка. И белая вспышка. Что-то типа вспышки белого цвета, — поправил он сам себя.

— Точно, — подтвердил Багров. — Со звонким ударом, как ты помнишь, разобрались.

— Отлично сработано. Я-то сразу понял, что это был дорожный знак. Я там потом ямку нашел, не засыпанную. И блямбу бетонную, куда его втыкали.

— Короче, твоя задача такова: разберись, пожалуйста, что там такое с белой вспышкой. Что это было? Молния? Провода замкнуло? Кошка пробежала в свете фар? Белую пуховую кофту — не предлагать.

Парнишка задумался.

Ольге понравилось, что он спокойно принял правила игры, столь похожей на жизнь. А еще она почему-то решила, что родители зря беспокоятся за своего мальчика. Этот веселый толстячок, со своими тройками и живыми глазами, вряд ли пропадет в нашей неспокойной жизни.

Гости доели вкусные пироги, попрощались с радушными хозяевами и отправились к себе в гостиницу.

Затем последовали новые дела и новые встречи. Прошло еще три насыщенных дня.

После очередного заседания Багров с Ольгой вышли из здания суда, чтобы дождаться «инициативную группу», которая должна была отвезти их к одному местному художнику, но вдруг увидели поджидавшего их Вадика.

— Я во всем разобрался, — смущенно проговорил он.

— И в чем ты разобрался? — спросил Багров. Хотя прекрасно понял, в чем разобрался мальчик. Сам же ведь и озадачивал.

— Ну, что там белое сверкнуло, — ответил тот, шмыгнув носом. — Дом белый сверкал, перед которым знак.

— Там дом серый, — возразил Багров. — Полтора этажа. Низ — камень, верх — бревно. И даже не серый, а темно-серый.

— Это сверху, — терпеливо объяснил Вадик. — Я отколупнул — снизу штукатурка. Белая. Я ж помнил, что там какие-то изменения. Сто раз ездил на плотину купаться. Да и дачка у нас с той стороны города. Он всегда был белый.

— И когда его перекрасили? — быстро спросил Олег.

— Могу сказать, что через два дня после аварии он еще был белым, — ответил Вадик.

— Откуда такая точность?

— У нас сайт есть. Неофициальный. Любители архитектуры нашего города.

— Понятно, — сказал Багров, хотя пока понятно было далеко не все.

— Я думаю, чтобы перекрасить дом на одной из главных улиц, нужно разрешение архитектурного департамента, или как он здесь называется. — Это уже вклинилась Ольга. Ведь если данные парнишки подтвердятся, они не только «белую вспышку» Волобуева разгадали, потому что постепенно выявлялась картина направленных действий по уничтожению улик. А кому нужно уничтожать улики, кроме истинных преступников?

И все же самым главным сейчас было проверить Вадикову находку и закрепить ее документально.

Перед подъехавшими представителями художника извинились, сославшись на срочную производственную необходимость. Те не обиделись, даже предложили для неотложного дела машину. И адвокаты на уже знакомой полноприводной «буханке» — здесь многие предпочитали этот тип и марку автомобилей — рванули к месту трагедии, взяв с собой и Вадика.

Мальчик оказался стопроцентно прав.

Дом был покрашен, причем довольно неряшливо, сверху. Если белая штукатурка была положена добротно, толстым слоем, то темно-серая краска просто размазана поверху. Ее даже не обязательно было отковыривать, как сделал зоркий Вадик. Достаточно было сильно потереть чем-то твердым, и под тонким слоем грязно-серого темного пигмента показывалась белая в массе штукатурка.

Багров тут же зафиксировал свои нехитрые опыты на фотоаппарат.

— А что вас здесь заинтересовало? — не понял причину ажиотажа один из сопровождающих.

— Я долго не мог понять, что же белое увидел свидетель, проезжая площадь. Прокурор считает, что пуховый платок одной из потерпевших. А я не верил.

— Ясно, — кивнул тот. — Вы извините, мы на процесс не ходим. Просто нет времени, готовим новый генплан города. Сроки сумасшедшие.

— Так вы из отдела архитектуры? — спросила Шеметова у друзей художника.

— Совершенно верно, — ответили они в один голос. — И Иван Иванович наш тоже там начинал. Я когда-то был его подчиненным, пока он совсем в искусство не ушел.

Иван Иванович Бугульминов был самым известным городским художником. Именно к нему они сегодня, по приглашению мастера, собирались.

— Послушайте, — заволновалась Ольга. — А можно документально подтвердить дату, когда произошла смена окраски дома?

— Легко, — улыбнулся один из архитекторов. — Наверняка есть решение по нему. Красить дома, как душа захочет, на главных улицах давно уже запрещено.

— Все вообще проще, — добавил второй. — Мы сейчас каждый дом на центральных улицах после покраски фиксируем в фототеке. Она в свободном доступе. Вернетесь в гостиницу, к вай-фаю, посмотрите сами. Там только зарегистрироваться надо. Сайт архбел точка ру. Как слышится, так и пишется.

Вот теперь уже обиженно засопел Вадик.

Он корил себя, что не довел работу до конца, и теперь часть победы будет вынужден отдать сопернику.

Шеметова довольно улыбалась, глядя на парнишку. С такими задатками из него вполне может вырасти новый Багров. В будущем, конечно.

— Если поедешь поступать в Москву — позвони, — тихо сказала она парню. — Долг платежом красен. — И улыбнулась своей фирменной улыбкой.

А Багров уже вошел в исследовательский раж.

— Я чувствую, что разгадка где-то рядом, — озабоченно проговорил он и попросил дать ему еще полчасика.

Экипаж зеленого «уазика» проследовал до плотины, где и остановился у «неонки». Ольга не стала выходить из машины. Архитекторы тоже остались. А Багров направился прямо к магазину.

Народу там было — одна бабушка, критически перебирающая какие-то конфеты.

Продавщица Валька Федотова бросила на него быстрый взгляд и отвернулась.

Бабушка, наконец, купила желанные сто грамм конфет и два свежих бублика, после чего освободила прилавок, и Багров, улыбаясь, подошел к продавщице.

Та вновь настороженно посмотрела на него и тихо проговорила:

— Я вам ничего не расскажу.

— Ну, так напишите, — мягко пошутил Багров.

Та, помедлив несколько секунд, вдруг схватила карандаш, что-то начеркала на клочке бумаги — обратной стороне пробитого чека, и быстро протянула исписанную бумажку адвокату, так же тихо добавив:

— Это очевидец. Он и жена. Потом зашли ко мне, купили бутылку водки. Все видели.

— Расскажут? — спросил Багров, незамедлительно взяв драгоценный клочок.

— Не знаю, — честно ответила Валентина. — Но я в любом случае не при делах, имейте в виду! От всего откажусь!

— Я понял, — кивнул Олег. — Но все равно — спасибо.

Федотова ответила подчеркнутым молчанием — в зал входил новый покупатель.

— Узнал что-нибудь? — спросила Шеметова, когда Багров вернулся и сел рядом с ней.

— Имя и адрес очевидца, — коротко ответил он.

Валентина Федотова, продавщица из «неонки», наверное, ошиблась, записывая тем вечером данные свидетеля.

Который раз набирала указанный в бумажке домашний телефон Ольга, перебрала все возможные сочетания кодов — ничего не получалось, абонент не отвечал. То же самое происходило и с сотовым номером. Его владелец постоянно находился вне зоны действия сети.

В какой-то момент ей стало казаться, что важный аргумент, который провидение и Багров вручили в руки защиты, — обычный фэйк, однако она была полна решимости найти таинственного свидетеля.

Зашла на всякий случай в «неонку». И здесь надежда снова переполнила ее, потому что Валентина Федотова, в ответ на скрытый упрек, сообщила, что Генка только что вернулся из отпуска, с женой и дочкой. А в его деревне телефонов отродясь не водилось.

И еще раз продавщица потребовала, чтобы ее имя нигде и никогда не было упомянуто. Шеметова твердо пообещала ей полную анонимность.

Ольга попросила у Радика Алихановича Ишмурзина машину с водителем и получила знакомый «УАЗ-452» с самим Ишмурзиным в качестве водителя. Транспорт должен был быть использован на случай, если таинственный свидетель все же нарисуется на горизонте.

Она непрестанно набирала и домашний и сотовый номера, каждый раз с замиранием сердца слушая длинные гудки.

Наконец решила поехать по адресу, который ей подсказали в телефонном узле.

Кстати, опять круто помог юный Шерлок Холмс, будущий адвокат Вадик. Это не ей подсказали адрес, а Вадику. У него были знакомые на телефонной станции, дали развернутый ответ: поселок, улица, номер дома, квартира. Более того, этот проныра прокрутил похожий фокус и с мобильным телефоном неуловимого Генки. В городском офисе оператора тоже оказались друзья. Так вот, эти друзья подтвердили наличие абонента в поселке Лесной, точнее сказать не могли, потому что поселок маленький и сотовых станций там, в виду малочисленности населения… одна.

Полностью неуловимого «Генку» звали Геннадием Ивановичем Гундоровым. Впрочем, это знание пока никак не способствовало успеху дела.

Ишмурзин подтвердил, что поселок крошечный.

Там всего порядка десяти пятиэтажных старых домов, из которых заселено два. Раньше в Лесном была ракетная база, уничтоженная по договору с американцами на заре перестройки. Ракеты порезали на металл, но кое-какое нестратегическое оборудование сохранилось. Его и обслуживали несколько десятков счастливчиков, сумевших сохранить работу. Остальные разъехались кто куда.

Оставшихся сселили в два дома, чтобы не обслуживать все десять. Впрочем, и эти два дома, как объяснил всезнающий Радик Алиханович, тоже обслуживали плохо.

— Депрессивное место, — прямо сказал он.

Так и не дождавшись телефонного ответа от Геннадия Ивановича Гундорова, выдвинулись к поселку самостоятельно.

Ехать было недалеко, по светлому времени и со скоростными навыками Ишмурзина управились в двадцать восемь минут.

— Рейсовый автобус пилит около часа, — пояснил Радик Алиханович. Его же гараж этот рейс и обслуживал.

У зеленых ворот с давно не крашенной красной звездой остановились.

Часовой, довольно пожилая безоружная женщина в защитной форме, на территорию их не пустила. Вызвали начальника, по совместительству — местного завгара, объяснил Ишмурзин.

Здесь сразу все пошло легче: крошечный штат казенных автомобилей тоже обслуживался не без доброй воли Радика Алихановича. Мужчины немного поболтали, завгар посетовал на тихое умирание поселочка, лично открыл ворота и пропустил их на территорию.

Видать, все шло к тому, что поселку жить недолго. Блочные дома производили неприятное впечатление. Брошенные — пустыми оконными глазницами, жилые — тут и там торчащими из окон трубами железных печек-буржуек.

Геннадий Гундоров жил в крайней к лесу пятиэтажке.

— А не страшно так близко к лесу жить? — спросила Ольга, имея в виду совсем другое: лес действительно наступал, как будто собираясь поглотить весь поселок.

— Нет, не страшно, — ответил завгар. — Периметр-то сохранился. Что-то отваливается — сразу подвариваем. Крупный зверь не зайдет. Ну а белки — конечно, тут как тут, — он показал на ближайшее деревце. Там на ветке сидели сразу две светло-коричневых белки, одна побольше, вторая поменьше.

— Деток вырастили, к зиме готовят, — объяснил завгар и, доведя их до дома Геннадия Ивановича, пошел обратно.

Поднялись на четвертый этаж.

Лестница оказалась неожиданно аккуратной, выбоины в бетонных ступеньках были аккуратно залиты цементной смесью, стены выкрашены веселенькой оранжевой краской.

Позвонили в дверь. Даже не спрашивая, кто там, ее тут же открыли, и в проеме показался крепкий подтянутый человек лет сорока пяти-пятидесяти.

— Заходите, — озадаченно произнес он, поздоровавшись с гостями, а Ишмурзину крепко пожав руку — его здесь, похоже, знали все.

На шум вышла жена, тоже моложавая, может быть, даже немного моложе мужа. Руки в муке или тесте.

— Заходите, заходите! — обрадовалась она. — Пироги через полчаса будут!

Шеметова испытала редкое удовольствие, оказавшись в доме этих людей. Типично русская семья с типично русским поведением: починить дет-

скую площадку не для своих детей, подновить общую лестничную клетку, угостить пирогами совершенно незнакомых людей. Это и есть истинное содержание настоящего русского характера, а вовсе не построение империи от восхода до заката.

Сели за стол, Геннадий Иванович лично принес самовар и разжег его. Елизавета Тихоновна тоже присела, машинально продолжая прислушиваться к звукам и ароматам, доносящимся из кухни.

Кроме самовара, гостям были предложены невероятно вкусные оладушки с малиновым вареньем. Для сбора ягод, наверное, и в горы не надо было ездить: плантации начинались в десяти метрах от подъезда.

Сразу к делу приступать было нельзя, несмотря на то, что очень хотелось.

— Здорово здесь у вас, — сказала Ольга, имея в виду окружающую — а, точнее, наступающую — природу.

— Да, нам с Лизой тоже очень нравится, — подтвердил хозяин. — Нас ведь, когда ракеты порезали, в другие места звали, не поехали только вот из-за этого, — показал он рукой на окно, за которым простирались чуть ли не до горизонта зеленые дали.

— А здесь какие перспективы? — спросила Шеметова. — Если, конечно, не военная тайна.

— Умрет поселок, думаю, — спокойно ответил Геннадий Иванович. — Но мы с Лизанькой все равно далеко не уедем. Где-нибудь рядом поселимся, здесь земли много.

Шеметова бросила взгляд на стены, где обычно можно увидеть семейные фотографии. Их не было.

— Нет у нас деток, — проговорила Елизавета Тихоновна, поняв этот взгляд. — Бог не дал. Пытаемся чужим помогать, пока можем.

Ольга почувствовала, что в этой семье не стоит хитрить и выведывать.

— Ладно, — сказала она. — Пусть все будет открыто. Я — адвокат Рината Гильдеева. Его сейчас судят за то, что он сбил четверых женщин. Но я знаю точно — он не сбивал четверых женщин. Думаю, он вообще никого не сбивал.

— Точно, — кивнул хозяин.

Жена тревожно посмотрела на него и вздохнула:

— Я сразу поняла, зачем вы пришли. Ох, как не хотелось в это влезать.

— А как не влезешь, мать? — с укором спросил ее Геннадий Иванович.

— Мы ж собирались сами прийти, — сказала Елизавета Тихоновна, — а тут попали на собрание, начальник ГАИ так распинался. Накажем, посадим, чуть не на куски изрубим! Кого он изрубит? Своего водителя? И страшно, конечно, стало во все это влезать. Я даже на суд ходила, Гену не пустила. Боялась, он не выдержит. Когда вы с мужчиной появились…

— С Багровым, — подсказала Ольга.

— Да, с Багровым, у нас надежда забрезжила. Но страх остался, конечно. Решили, как Бог даст.

— Что — Бог даст? — не поняла Шеметова.

— Валюша Федотова, продавщица…

— Из «неонки»? — наконец сообразила Ольга, уже поняв, что сейчас услышит.

— Точно. Она у нас в военторге работала, пока не закрыли. Вот Валя говорила, что вы интересовались. И друзья говорили про объявления. Мы ж с некоторыми-то поделились, тяжело такое одним в душе носить. Короче, уверены были, что вы нас найдете. Валюше разрешили дать наши номера.

— Так что вы все-таки видели? — затаив дыхание, спросила Ольга.

— Мы возвращались из города, — начала Елизавета Тихоновна. — Был концерт в детском доме. Мы с мужем его устраивали. Инструменты покупали, преподавателей искали. И вот должен был состояться итоговый, за год. Все хотели выступить, даже те, кто только что начал. Ну, как им откажешь? Закончилось все поздно.

— В 23.12, — кратко уточнил прапорщик Гундоров.

— Не знаю, я на часы не смотрела, — улыбнулась Елизавета Тихоновна. — У меня слезы лились от счастья. Ну, мы после концерта пошли пешком. Хотелось прогуляться, слишком много эмоций. Это не так далеко. Два квартала от того перекрестка.

— Мы наш «Москвич» у Валентины оставили, — добавил Геннадий Иванович.

— Ну да, — кивнула жена. — Он какие-то колпаки чудесные на колеса поставил. Боялся, что умыкнут. В общем, просто хотелось пройтись. Погода чудесная, по нашим меркам, была. А идти тут минут двадцать, спокойным ходом. Ничего тащить не надо было, мы все заранее в детдом отвезли.

— Итак, вы пошли от детдома по главной улице, от центра, в сторону плотины, — уточнила Ольга.

— Так точно. — Теперь нить рассказа перехватил прапорщик. — Мы подошли к перекрестку у завода. Народу не было никого, наш городок рано засыпает и рано встает. Только женщины собирались переходить дорогу. Они обычно ее там наискосок переходят, по диагонали. Это нарушение, конечно. Но на дороге не было ни одной машины.

— А «ЗИЛ», пока вы шли к перекрестку, навстречу не попадался? — затаив дыхание, спросила Шеметова.

— Поклясться не могу, но, думаю, я его видел, — сказал после короткой паузы прапорщик. — Быстро пронесся. Я его сразу не опознал, сейчас «ЗИЛов сто пятьдесят седьмых», кроме музея, нигде и не встретишь.

— И моего гаража, — вставил первую фразу за все время беседы Ишмурзин.

— Госномера не было? — уточнила Ольга.

— Разве увидишь? — усмехнулся Геннадий Иванович. — Лизок, ты номер видела?

— Нет, — покачала головой жена. — Только разозлилась. Ночь-переночь, а этот на такой большой машине по городу гоняет.

— Я ему вслед посмотрел, он в переулок свернул, направо. Пьянь, а перед тем как повернуть — затормозил. Я огоньки видел красные.

— А что было дальше?

— А дальше и вспоминать не хочется, — выдохнул Гундоров. — Женщины шли через перекресток двумя парами. Разговаривали между собой. Слов не слышал, только голоса. — Он замолчал и прикрыл глаза рукой.

— Попей морса, Геночка, — тихо сказала Елизавета Тихоновна, протягивая ему стакан.

Он сделал несколько больших глотков, отставил его и уже твердым голосом продолжил:

— А дальше, снизу от плотины, выскочили два автомобиля. Они неслись на бешеной скорости. Даже если женщины их увидели, то уже ничего не успели сделать. А, может, от ужаса замерли.

— Что это были за машины? — спросила Ольга.

— Справа, ближе к нашей стороне, шла «Волга» начальника ГАИ.

— Начальника ГАИ? — охнула она.

— Да, — подтвердил свои слова Гундоров. — «Волга» в милицейской раскраске, с номером «003».

— Почему «003»? — не поняла Шеметова.

— «001» — у начальника ГУВД, «002» — у начальника криминальной полиции, — пояснил компетентный Ишмурзин и добавил: — А вторая машина?

— «Уазик», тоже милицейский. Но, по-моему, горуправления, не гаишный. Они мчались не друг за другом, а параллельно, как на гонках. Во всю ширину дороги. «Волга» справа, «УАЗ» слева, если смотреть по направлению к центру.

— Больше никаких машин не было? — уточнила Ольга.

— Шоссе абсолютно пустое в это время. От гильдеевского грузовика до появления «Волги» с «УАЗом» не проехало ни одной машины. — Прапорщик опять замолчал.

Жена принесла попить, но теперь не морс, а стакан с водой и валерьяновые капли.

В комнате повисла тишина, прерываемая только частым тяжелым дыханием Гундорова да его глотками. Наконец он снова был готов говорить:

— «Волга» сбила двух женщин справа, они только начали переходить. И почти одновременно «УАЗ» сшиб тех, кто успел отойти подальше. Страшные удары, просто грохот, — покачал головой прапорщик. — Этого не описать. Тела летели в разные стороны, как куклы. Все ж практически мгновенно произошло…

— Что было дальше? — прервала Шеметова длинную паузу.

— Мы подошли к телам. Ко всем подошли, к каждой. Не дышал никто. По крайней мере, мы ни у одной не уловили дыхания. Помочь никому уже не могли, а ввязываться в такую историю не хотелось. Можете меня осуждать, — невесело улыбнулся Геннадий Иванович, закончив рассказ.

— Да кто ж вас осудит, — тихо проговорила Ольга. — Вы же в итоге не спрятались, вот мне сейчас рассказываете.

— Знаете, я не верил в честный суд, — устало произнес Гундоров. — У нас прекрасная жизнь, так ведь, Лиза? — посмотрел он на жену.

— Так, Гена, — кивнула она.

— И очень не хотелось всем этим рисковать. Я же понимал, что начальника ГАИ сажать не станут. Тем более нашли этого дурака с «ЗИЛом».

— Вы правильно рассуждали, — задумчиво проговорила Шеметова. — Однако из-за этого дурака все-таки влезаете в дело. Значит, избежать невозможно. Характер не позволит. И жизненные ценности.

— Я так громко не рассуждаю, — сказал прапорщик. — Если б не невиновный парень в клетке, я бы тоже не вылез. А тут получается, уже не отсидеться. Но без повестки официальной ничего рассказывать в суде не буду, — предупредил он.

— Сделаем повестку, — пообещала Шеметова. — Самую, что ни на есть, официальную. Так что было дальше? После того, что вы там увидели?

— Пошли к Валюше, за машиной. Купили бутылку водки. Она спросила — зачем на ночь? Я сказал, что сейчас такое видели… Больше ничего ей не сказал. Сели в «Москвич» и уехали домой…

Пока разговаривали, подоспели пироги. Румяные, душистые и вкусные неимоверно. Народ за столом снова начал улыбаться. Так уж устроена жизнь: кому-то — могила, кому-то — пироги. И слава Богу, жизнь-то должна продолжаться, несмотря ни на что.

Договорились с Гундоровыми о следующем: они пишут нотариально заверяемый рассказ обо всех этих ужасных событиях, а адвокаты, на основе созданного таким образом документа, вынуждают Гареева включить супругов в группу свидетелей защиты.

Попрощались, когда уже стемнело. Геннадий Иванович и Елизавета Тихоновна проводили гостей до машины. Всю дорогу Ишмурзин и Шеметова молчали.

Глава 8

Белогорск. Южный Урал. Последний и решительный

Зал суда и раньше был полный. А теперь он оказался просто забит. Все чувствовали, что взорвавшее город дело подходит к концу.

Большая часть граждан, после услышанного и увиденного, считала подсудимого невиновным. Информация о его странном для нынешнего времени совестливом характере все же распространилась по людям. А вскрытые московскими адвокатами факты усилили доверие к словам Рината Гильдеева и недоверие — к тезисам прокурора.

Меньшая часть народа по-прежнему считала его виноватым, но лишь отчасти: они хотели, чтоб правосудие нашло и вторую, участвовавшую в трагедии, машину.

Уже все собрались, подсудимый томился в своей клетке, прокурор деловито листал пухлые страницы следственных материалов.

Адвокаты тоже уселись за свой столик, сбоку справа от судейской трибуны. К ним неожиданно подошли трое.

Несмотря на то, что сегодня они были не в траурной одежде, Ольга сразу узнала их — родственники погибших женщин.

Багров, видимо, тоже опознал подошедших, поскольку ощутимо напрягся. Внешне не заметно, но — только не для Ольги, знавшей любимого насквозь. Впрочем, родные погибших подошли к адвокатам подсудимого вовсе не для скандала, что тоже иногда случается.

— Спасибо вам, — сказала одна из женщин, уже пожилая матрона, мать одной из погибших на перекрестке.

— За что? — не поняла Шеметова.

— За правду, — просто объяснила та. — Мы ненавидели его, — показала она рукой на клетку с Гильдеевым. — Мы желали ему смерти. А желать смерти — грех. Желать смерти невиновному — страшный грех. Вы спасли нас от этого. Спасибо вам, — и она в пояс поклонилась защитникам.

Это было и неловко, и прекрасно одновременно.

Вот в такие моменты понимаешь, зачем живешь.

А в служебную дверь, за свидетельской кафедрой, уже быстро входил Гареев. Он уверенно занял свое место, стукнул молотком, и дело продолжилось.

Выслушали еще пару второстепенных свидетелей защиты — их сами Багров с Шеметовой и вызвали. Ничего по существу они добавить не могли.

Однако, по замыслу Ольги, вносили дополнительные черты в облик подсудимого.

Одна была заведующей отделением паллиативной медицины — фактически местного хосписа.

Она рассказала, как Ринат — после той, первой трагедии — добровольно и бесплатно работал для больных. От уборки в палатах до чтения книг, от помощи по хозяйству и электрике до выноса суден и санитарно-гигиенических манипуляций.

Зал слушал молча. Прокурор и Гареев тоже никак не реагировали.

Следующим свидетелем была классная руководительница Рината.

Очень волнуясь, она рассказала суду, что в детстве Гильдеев никогда не отличался успехами в учебе. Зато на него всегда можно было положиться в любой работе. Он был добрым и отзывчивым ребенком. А еще — никогда не врал. Если сказал, что это сделал не он, — значит, не он. Никогда не выдавал истинного виновника, но и не врал тоже никогда.

Что и требовалось Ольге в данной ситуации. Ведь, по словам подсудимого, он не помнил, чтобы сбивал женщин. Все остальное помнит — от заезда в магазин по дороге на плотину до втыкания в забор. А про аварию не помнит.

Так, может быть, ее и не было вовсе? Имеется в виду — с участием водителя Рината Тимуровича Гильдеева.

Впрочем, все это было архиважно вчера, а сегодня в папке Олега Всеволодовича Багрова тихо ждала своего часа такая бомба, после которой второстепенные свидетели защитникам не понадобятся.

Наконец настал черед использовать и этот аргумент.

— Ваша честь, — поставленным баритоном начал Олег Всеволодович, паузой, как хороший актер, подчеркивая значимость того, что сейчас будет сказано.

— Слушаю вас, — отозвался Диас Ильярович, не выдержав паузу Багрова.

— Ваша честь, — повторил тот. — Защита располагает свидетелем, который полностью опровергает выдвинутые против подсудимого обвинения.

Зал вновь замер. Слышно было, как поскрипывают старые кресла.

— Где же он был раньше, ваш свидетель? — недовольно произнес федеральный судья. — Скоро год пройдет после трагедии.

— Ваша честь, свидетель — а точнее, два свидетеля, супружеская пара — являются очевидцами страшного дорожно-транспортного происшествия. Они не пришли сами, так как опасались, что следствие не станет обращать внимание на их слова.

— Почему ж они такого мнения о следствии? — съязвил всерьез озабоченный Гареев.

— Видимо, еще есть какие-то недостатки в этих органах, — пояснил ему адвокат. — Кроме того, после первых судебных заседаний мы дали множество объявлений о поиске свидетелей трагедии. На одно из них они, возможно, и откликнулись.

Федеральный судья внешне был абсолютно спокоен, однако адвокаты легко читали в его глазах волнение и озабоченность. Сейчас он быстро просчитывал варианты. Запустить в дело свидетеля, ломающего весь процесс, — не очень здорово. Отказать же в вызове свидетеля, даже не разобравшись в том, что он хочет сообщить, — еще хуже.

Выбор у Гареева был, что называется, обоюдоострый. Наконец он принял решение.

— Этот человек утверждает, что он действительно лично видел аварию? — спросил Диас Ильярович у защитника.

— Совершенно верно, ваша честь. — Вот тут-то и пригодились сшитые у нотариуса листочки, которые Багров победно выхватил из папки. — У меня есть нотариально заверенные показания гражданина Гундорова Геннадия Ивановича о том, что он лично видел в ту ночь.

— Передайте мне, — попросил судья.

— Несомненно, ваша честь, — ответил Олег, однако передавать листки в руки подбежавшего секретаря не спешил. В напрягшемся от волнения зале колоколом звенели его слова: — Гражданин Гундоров лично видел, как переходящих дорогу женщин сбили практически одновременно два автомобиля: милицейская «Волга» с номером «001» и милицейский же «УАЗ», номер которого наш свидетель не запомнил.

Зал ахнул. Кто — от ужаса, кто — от восхищения смелостью адвокатов, кто — от неожиданности услышанного.

— Передайте мне бумаги! — жестко потребовал судья.

— Конечно, — еще раз согласился Багров и на этот раз бумаги секретарю отдал. Но вдогонку успел добавить: — Машины, по мнению свидетеля, гонялись наперегонки и шли почти параллельно, занимая всю ширину дорожного полотна. Женщины же переходили перекресток двумя парами. Это объясняет и разлет тел, и странности бампер-переломов. Это объясняет все, ваша честь!

— Обвинение возражает против оглашения в суде данных письменных показаний! — вскинулся прокурор. — Полгода было на заслушивание свидетелей.

— Я вас всех уже понял, — раздраженно ответил обоим Гареев. — Дайте мне прочесть документ.

— Конечно, ваша честь, — гнул свое Багров. — Там все сказано. Именно поэтому я и ходатайствую о вызове свидетеля в суд.

Ситуация складывалась аховая.

Вообще-то никакие письменные свидетельства не являются доказательством в суде. Только личные свидетельские показания, выслушанные судьей. Можно огласить и письменные показания, если они заслуживают доверия — например, нотариально заверенные, — но только если ни одна из сторон не возражает!

Прокурор в данном случае категорически возражал. Однако судья-то документ прочитал! Субъективное мнение у Гареева складывалось, а то, что он высококлассный и умный юрист, ни у кого сомнений не вызывало. Фактически защита легализовала показания своего главного свидетеля.

Багров и Шеметова были на сто процентов уверены, что, дочитав показания, федеральный судья согласится заслушать свидетеля в суде. А куда ему деваться? При таком интересе горожан, при полной заинтересованности прессы — у Багрова уже взяли три интервью, в самой крупной местной газете готовился большой обзор обстоятельств данного дела.

Наконец Гареев дочитал все четыре страницы, — причем, похоже, по второму разу, — вскрывавших истину страшного преступления. Он уже успокоился, приняв свой обычный бесстрастный вид.

И вдруг — как гром среди ясного неба.

— В вызове дополнительного свидетеля отказываю, — без эмоций сообщил федеральный судья. — Объявляю перерыв до понедельника на подготовку к судебным прениям.

Зал несколько секунд молчал, переваривая услышанное.

Наконец люди стали вставать со своих мест и двигаться к выходу, оживленно обсуждая только что прозвучавшую сенсацию.

— А вас, господа адвокаты, — уже не в микрофон произнес Диас Ильярович, — прошу на минутку задержаться.

Разгоряченный Багров, ошарашенный отказом в вызове свидетеля, с таким трудом найденного, был готов уйти демонстративно: заседание окончено, и судья более не «ваша честь». Однако Шеметова его удержала: нужно было понять, что Гареев им хочет предложить.

Вообще-то неофициальные сделки — нормальная практика в судах, где всегда проходит соревнование между двумя сторонами. Хороший компромисс, как правило, устраивает всех.

Более того, судья и прокурор почти никогда не являются врагами адвокатов. Они могут быть процессуальными противниками, но вовсе не обязаны быть врагами по жизни.

Судья сам подошел к их столику. Он улыбался — не натянуто, искренне.

Ольга невольно расплылась в ответной улыбке.

— Сколько мы уже с вами общаемся? — спросил Гареев. — Полгода?

— Побольше, — ответила Шеметова.

Багров молчал, уязвленный отказом в вызове свидетеля. Победу, можно сказать, вырвали из рук. Но борьба еще не окончена! Короче, он был в боевом запале.

— Вы здесь гости, — продолжал судья, — а я тут родился, вырос. И умирать постараюсь сюда же приехать.

— Ну, вам еще рановато об этом, — улыбнулась Ольга. Ее крайне заинтересовал такой подход Гареева. Не выслушать судью было бы просто глупо.

— Завтра выходной, — взял быка за рога тот. — Я вас приглашаю на манты. К себе в гости. Не откажетесь? Сам слеплю, сам сварю — жена в деревне, у матери.

— Не откажемся, — за двоих ответила Шеметова. Еще бы она отказалась от мантов, слепленных федеральным судьей!

На следующий день ровно в девять часов вечера — непривычно поздно для провинции — они пришли по выданному им адресу.

«Точно, сделку предложит, — подумала Ольга. — Потому и время позднее, чтобы потом меньше было свидетелей и разговоров».

Багров уже немного успокоился, но требовал от Ольги не соглашаться на судейские подачки. Ведь впереди, с такими-то свидетелями, их ждала чистая победа!

— А домик-то не царский, — отметила вслух Шеметова.

— Может, это у него явочная квартира, — пробурчал из чувства противоречия Олег.

Лифт в блочной девятиэтажке начинался между первым и вторым этажом, а кончался между восьмым и девятым.

— Какая ж скотина такое придумала? — не мог остановить мрачный поток сознания Багров. — Безногому инвалиду, при наличии лифта, все равно нужно пропереться два полных пролета.

Им предстояло подниматься на седьмой.

У открытой двери их уже ждал радушный хозяин.

Елки-палки! Увидеть федерального судью в женином фартуке!

Даже злобный Багров повеселел.

Тот, не смущаясь, пригласил гостей в дом. Жены, действительно, не было. И та красота, которая встречала москвичей на столе, была состряпана федеральным судьей лично.

Ах, какие были пироги! А какие были манты!! Один запах чего стоил: и баранина, и специи, и жар-пар! Разламываешь такую, а из нее — бульон вытекает! Опустошили кастрюлю минут за пятнадцать: быстрее было невозможно, чтоб не обжечься.

Потом пили чай с пирогами, только теперь не с мясом, а с привычной здесь малиной.

— Неужели все сами? — с набитым ртом спросила Шеметова.

— Абсолютно, — улыбаясь, ответил федеральный судья. Его умные глаза за стеклами модных очков весело сверкали. — Чему-то мама научила, чему-то — бабушка. А теперь вот жена знаний добавляет, она у меня из деревни, там свои рецепты еще живы.

— Феноменально! — сказала Ольга, делая передышку. — Вкусно невероятно.

— Спасибо, — серьезно поблагодарил Гареев.

Багров молчал, потому что рот постоянно занят, и невозможно не целиться на следующий кусок, когда все было таким вкусным.

Обида на судью постепенно таяла — вот такие они, мужчины, — уступая место профессиональному любопытству: что за сделку им собирались сейчас предложить?

Поздний обед, наконец, закончился, но не по причине нехватки еды, а по причине абсолютной переполненности желудков. Шеметова даже пожурила себя мысленно за несерьезное отношение к работе: теперь даже разговаривать было непросто.

Хозяин дипломатично дал гостям посидеть, выйдя на кухню помыть посуду. От помощи Шеметовой он решительно отказался.

В итоге, они с Багровым остались в комнате, рассматривая не бедную, но уж точно не богатую обстановку.

Вскоре хозяин вернулся. Уже без фартука, вновь похожий на того, кого они видели каждый день затяжного судебного процесса.

— А хотите, я вам на гитаре сыграю? — неожиданно предложил Гареев.

— Какой же адвокат не захочет, чтоб ему поиграл на гитаре федеральный судья? — рассмеялась Ольга.

— Да бросьте вы — судья, адвокат! — улыбнулся хозяин. — Вы же в гостях.

Он взял гитару и запел. Пел он замечательно, да и инструментом владел тоже прилично.

«Как же его девчонки на курсе обожали», — подумала отогревшаяся душой и телом Шеметова. Багров тоже отмяк и больше не выглядел обиженно-сердитым.

Время шло к полуночи, а вечеринка продолжалась, не меняя направленности, разве что анекдоты добавились. Диас Ильярович рассказывал их мастерски, умудряясь сохранять при этом полную серьезность.

Шеметова буквально каталась от смеха, Багров, наконец, тоже смеялся от души. Еще минут через десять хозяин отложил гитару в сторону и спокойно сказал:

— Вы, наверное, ждете, когда же я к делу перейду?

— Уже не ждем, — честно ответила Ольга. — Уже и так хорошо.

— Спасибо, — серьезно ответил тот. — Перед тем как по делу — одна история из детства. Идет?

— Давайте, — благодушно согласился Багров.

— Я — юрист, — начал Гареев. — Мой папа — юрист. Мой дедушка тоже юрист. Никто из нас не брал взяток, но все мы жили и живем в этом городе хорошо. Он для нас самый лучший. Хотя, возможно, мне придется поработать и в Москве.

Я здесь родился и вырос, ходил в элитную школу. Я знаю всю городскую власть, и они знают и уважают меня.

«К чему это он?» — размышляла Шеметова. Но слушать его было интересно.

— Так вот, — после паузы продолжил хозяин дома. — Было мне лет десять. Я был очень активным пацаненком. Знаете, как у классика: «Проснулся сам — умой планету». Лез во все щели, лишь бы мир стал лучше. А тут задание — собрать макулатуру. Около школы конкуренты из других классов уже все облазили. И у меня появилась идея. Знаете, что такое — Откос?

— Район у въезда в город, неблагополучный, — сказал Багров. — По Московскому шоссе.

— Точно. Уклон чуть не под сорок пять градусов. Домики черные. В некоторых еще царские каторжники жили. Вонь и грязь — канализации в проекте не было. Бабы носят воду в ведрах.

Вот туда мы и пришли за макулатурой. Я даже не представлял себе, что люди могут ТАК жить. Зашли в первый же двор. Из дома — дурной рев пьяного человека. У порога — яма. Знаете, как образовалась? В нее из года в год, из десятилетия в десятилетие ступала нога выходящего из дома.

— А засыпать камнями нельзя было? — заметила Шеметова.

— Нет, — серьезно ответил Гареев. — Не до камней. Главная проблема — где взять водки. Вот и здесь замученная баба — она мне показалась старухой — вычерпывала из этой ямы грязную воду. После выплеснула помои прямо за калитку. Я вас не утомил? — неожиданно спросил он.

— Нет-нет, — быстро проговорил Багров. Отчего-то в воздухе копилось и постоянно нарастало некое напряжение.

— Под рукой у этой пожилой тетки — как я сейчас понимаю, ей и тридцати не было — крутился грязный мальчик. Прямо Маугли, мы только что проходили Киплинга на факультативе. А я-то раньше думал, что все мальчики в городе живут, как я!

На вопрос, есть ли у них макулатура, женщина ответила зло и понятно. Мы попятились и ушли с Откоса в свой район. — Судья подпер щеку рукой

и выдержал паузу. Не специально, просто сам разволновался. — Так вот, когда начался суд, — наконец продолжил он, — я сразу узнал Рината. Маугли вырос и убил людей.

— Не он убил! — вырвалось у Шеметовой.

— Ну, так и он убьет, — устало проговорил судья. Лицо его как-то сразу стало старше и жестче. — Просто позже. Какие его годы! Вы же сами слышали: уже пьяный, на машине без номеров, помчался за водкой на плотину. В этот раз сбил женщин не он. В следующий раз будет его очередь.

— Но так же нельзя! — возмутился Багров. — Да, он не лучший представитель человечества. Но он не совершал этого преступления!

— Значит, совершит другое! — зло ответил Гареев. — И неправда, что не совершал. Пьяным грузовик гонял? И один ли раз в жизни? Просто ему повезло, проскочил перекресток чуть раньше других подлецов.

— А других подлецов простим? — осторожно спросила Шеметова.

— Их по этому уделу уже не зацепить, — с болезненным сожалением сказал судья, — но я буду ждать нужного часа. Я ведь догадывался, хоть у меня и не было ваших данных. Да и не мог я подменять собой следствие. Что против них? Ваш единственный свидетель? Поработают с ним — и единственного не станет, откажется. Еще и ему жизнь сломаем. А ваш Маугли все равно погибнет от цирроза. Может, еще парочку с собой прихватит. По пьяной драке, или права вернут. Короче, предлагаю сделку, — внезапно завершил он незапланированную часть своей речи.

— Я весь внимание, — сказал Багров.

— Осуждаю за пьяное нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть четырех человек. Статью об оставлении в опасности исключаю. Даю ниже низшего, исходя из характеристик.

— А без нашего согласия вы этого не можете? — не удержался Багров.

— Могу, — уже спокойно согласился Гареев. — Но вы ведь люди горячие. Кассация, апелляция. Так нужно ли вам все это, когда вы теперь знаете то, что знаю я? Вы за правду или за добро?

— За правду, — дружно ответили защитники.

— Ну, так подумайте на досуге, что лучше — правда или добро? — устало закончил судья.

Он проводил гостей до дверей и распрощался.

Возбужденные адвокаты пошли к гостинице. По дороге чуть ожесточенно не заспорили.

— Нет, я так не согласен! — мотал головой Багров. — Украсть у меня победу? Ну, уж нет! А ты что молчишь?

— Думаю, — ответила Шеметова.

— Да что тут думать? — взвился Олег. — Ты же адвокат!

— Как адвокат — буду биться, — тихо произнесла Ольга. — А вот про остальное — думаю.

Несколько минут молчали.

Впрочем, они понимали друг друга и без слов.

Конечно, будут биться.

Конечно, на такую сделку не пойдут.

Если смотреть трезво, пока апелляции и кассации — парень будет в тюрьме, вместо общаги. И с зэками, вместо жены и ребенка.

В остальном же — судья прав.

Но раз родился адвокатом — значит, защищай всех. Тем более, в данном конкретном наезде Ринат Гильдеев действительно невиновен.

Вернулись в номер в полном раздрае. Легли спать, но заснуть никак не получалось.

И тут неожиданно Шеметова успокоилась.

Ей вдруг все стало ясно.

Такие истории — тоже часть ее профессии.

Любимой профессии.

А значит — делай как должно, и будь, что будет.

Эпилог

Все случилось ровно так, как обещал судья.

Несмотря на недовольный вид прокурора, статья об оставлении в опасности из приговора была исключена. По основному обвинению Гареев дал подсудимому неприлично мало: три с половиной года лишения свободы в колонии-поселении.

Родственники Гильдеева были счастливы. Они поверить в такое не могли. Сам Гильдеев — теперь уже осужденный — сидел в клетке столь же безучастно, что и раньше.

Приговор всколыхнул город, сначала — сильно: вот-вот могла вскрыться правда о настоящем убийце женщин. Потом круги разошлись по воде и постепенно затихли.

Обещанная публикация в газете так и не вышла: нашлись те, кто смог придержать язык журналистам.

Впрочем, в большинстве своем люди соглашались с мотивацией судьи. Может, и не убил Гильдеев женщин, однако вполне мог убить. Несмотря на предупреждение свыше, когда в его машину уже въезжал мотоцикл с тремя людьми. В хоспис отмаливать ходил, а предупреждению не внял.

Понятно было и то, что в суде настоящего убийцу не отыскать. Это же не детективчик для пляжного чтения. Все следы заметены, машины давно списаны, перекрашены и проданы.

К тому же, зная личность начальника ГАИ, человека импульсивного, но абсолютно адекватного, горожане понимали: не он сидел за рулем бешеной «Волги». Более того, в момент совершения страшного преступления начальник ГАИ отсутствовал не только в городе, но и в стране, отдыхая с семьей в египетском отеле. Гонки устроили его подчиненные. Почему не стал поднимать бучу, вернувшись? Не мог же он ничего не знать о событиях той ночи. Ответ на этот вопрос предельно прост: кто ж станет сам на себя «баллон катить»? Вскрой он этот эпизод — и до свидания должность, к которой стремился всю свою служивую жизнь.

Кстати, Диас Ильярович, вынося такой приговор, тоже шел на определенный риск. Если Гильдеев убийца — то почему так мало? А если нет, то почему не освобожден за отсутствием вины?

Багров в пылу борьбы, да еще имея такого свидетеля за спиной, рвался в бой в следующей инстанции. Родственники сомневались. Деньги у Ишмурзина, конечно, были, но не было уверенности, что следует освобождать Рината немедленно.

Он уехал этапом в Тольятти, в огромную колонию-поселение при автомобильном заводе. Отсидев «за судом» в камере почти год, оказался в приличном общежитии. Утром зарегистрировался, на следующий день пошел работать. Получал зарплату, как вольные, работавшие рядом. За вычетом того, что снимали по исполнительному листу в пользу потерпевших. Но даже с этим вычетом оставалось заметно больше, чем он получал, руля на «дворняге». И несравнимо больше, потому что теперь Ринат Гильдеев ничего не тратил на алкоголь.

Семья сняла недорогое жилье рядом, и уже через месяц он жил с женой и крошечной дочкой, лишь отмечаясь в «режиме».

Багров бесился: как так можно? Освобождение почти в кармане, а они раздумывают. Бесплатно, из энтузиазма, подготовил жалобу, но разрешения на ее отправку по адресу от семьи не получил. Он просто отказывался понимать такую позицию.

По крайней мере, до тех пор, пока им, прямо на сотовый Ольги, не позвонила Алсу Гильдеева, жена Рината и младшая дочка Ишмурзиных.

— Ольга Викторовна, Олег Всеволодович, спасибо вам за все! — перекрикивая помехи, благодарила она.

— За что? — перебила ее Ольга. — Мы же не смогли оправдать Рината.

— Ольга Всеволодовна! Вы знаете, мы так не жили никогда! Мы живем в в общаге. Стоит копейки, а практически это квартира на две семьи! Вторая женщина — заведующая детсадом. Вы знаете, Ольга Викторовна, тут у нас все есть: душ, ванная, горячая вода.

— А дома у тебя этого не было? — Шеметовой, как и Багрову, очень хотелось добить дело до конца и увидеть оправданного Рината.

— Дома было хорошо. И родителей я очень люблю. — По построению фразы Шеметова поняла, что следующая ее часть начнется с отрицательной частицы «но». Так и вышло. — Но, знаете, Ольга Викторовна, я всю жизнь, сколько себя помню, вечером выносила помои, а утром — золу. Умная Наташка учится, мама с папой работают. А я все — зола-помои, помои-зола. А здесь все по-другому. Утром рубашку Ринату глажу, завтраком кормлю. Вечером в парк ходим, с коляской. И, главное, Ольга Викторовна — он все время трезвый! Мы так хорошо никогда не жили, Ольга Викторовна! А срок пройдет — здесь навсегда останемся. Ринатик согласен.

— Алсу, милая, — ответила Шеметова, — я очень рада за вас. А ко мне-то какие вопросы? Что ты хочешь, чтобы мы сделали?

— Олечка Викторовна! — взмолилась Алсу. — Христом Богом прошу, только не пишите жалобу! Я не хочу домой! Не хочу на Откос! Пожалуйста, не меняйте ничего!

Шеметова на всякий случай перезвонила Ишмурзину. Он молча выслушал и сказал:

— Она все правильно говорит. Вы сделали даже больше, чем мы просили. Жалобу посылать не надо…

Так что дело это закончилось вот на такой, не очень юридически обоснованной, ноте.

Зато остальные дела продолжались безостановочно.

Конторские адвокаты крутились, как белки в колесе. Но даже при такой загрузке оставалось время для подвигов.

Шеметова, например, спасла свою подругу. Причем — не в переносном смысле, а в самом прямом. И безо всякой юридической подоплеки.

Есть у нее подруга, Людочка.

Очень хорошая подруга.

Правда, в крупном городе так бывает, что подруга — замечательная, а видишься с ней раз в год.

Собрались тут встретиться — Людочка говорит, мол, попозже, живот что-то разболелся. На предложение подъехать только посмеялась — у кого из горожан не побаливает живот?

Через день Шеметова позвонила — а Людочка в больнице. К счастью, ничего страшного: на желчный пузырь стало меньше. Не такой уж нужный орган. Захотела подъехать в больницу — но Людочка воспротивилась. Зачем? Через четыре дня домой, туда и приедешь.

И вот тут Шеметова оплошала. Закрученная делами, забыла позвонить. Вспомнила только через неделю. Набрала номер, чтобы договориться об отложенной из-за болезни встрече, и… не узнала Людочкин голос. Говорит еле-еле, как будто прощается.

Ольга — ноги в руки, и в больницу. По дороге обзвонила отличных врачей — не бывает хороших адвокатов без разбухшей записной книжки. К больнице подъехала вместе с одним из них.

В палату вошли втроем: Шеметова, Олег Валентинович и… батюшка, приехавший соборовать Людочку.

Олег Валентинович, доктор от Бога, к тому же имеющий нехилые связи в департаменте здравоохранения, осмотрел больную, после чего был крайне груб с ее лечащим врачом.

Священника с благодарностью деликатно отослали обратно, объяснив, что пока еще применимы земные средства.

Людочка через час уже была на операционном столе в хорошей клинике. Для наведения порядка в ее животе потребовалось целых три операции. Все это время она находилась в платном отделении, поскольку ее полис остался в той больнице. Платила, конечно, Шеметова — Людочка, прекрасный человек и знаток английской средневековой поэзии, не в состоянии была бы оплатить и треть счета.

Шеметова с Багровым прилично — и, главное, неожиданно — поиздержались. Зато на душе было так хорошо, как редко бывает. Особенно когда худую и бледную Людочку забирали из больницы домой — ведь она уже шла своими ногами.

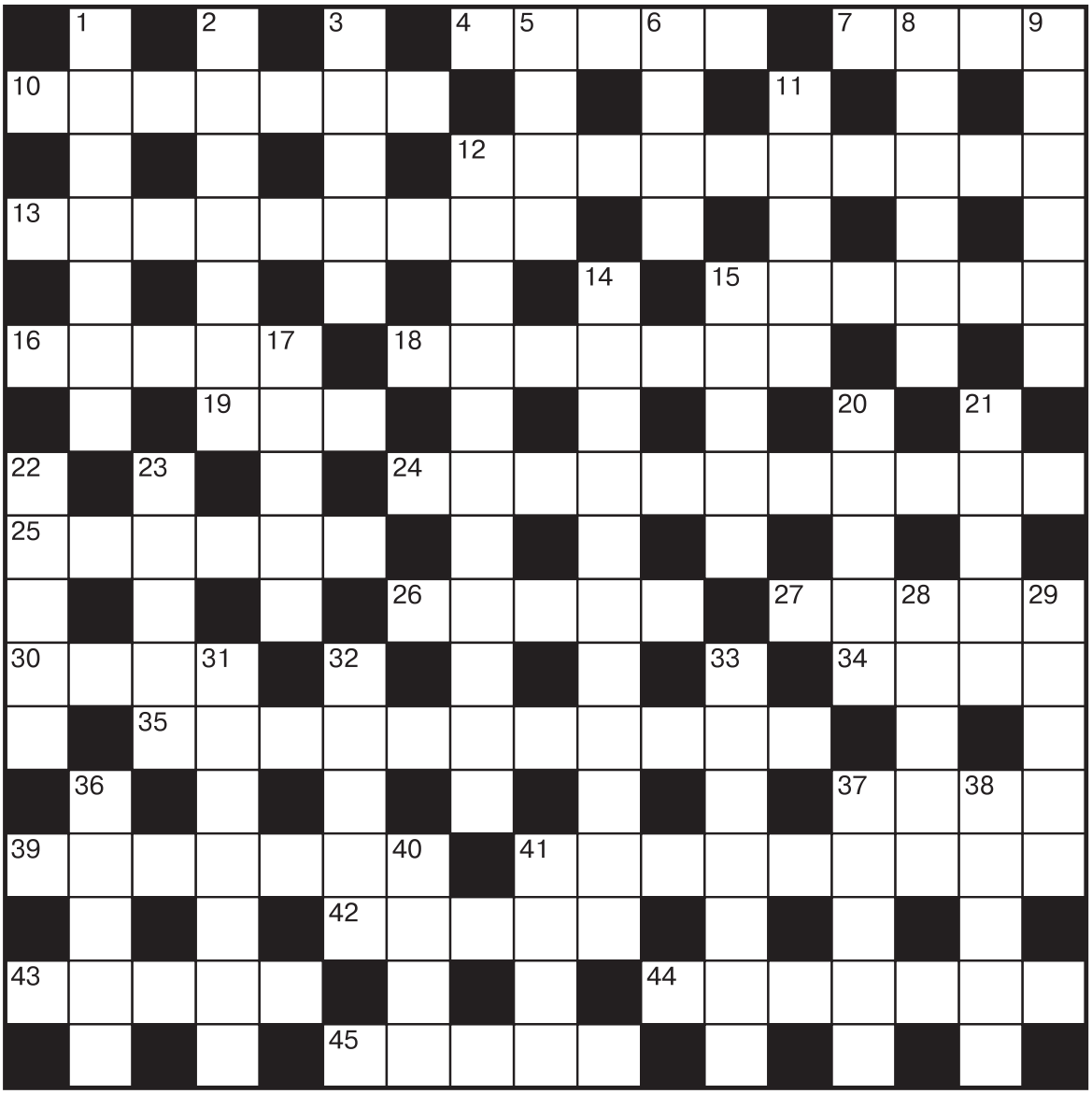
Ишмурзин обязательно поздравляет адвокатов на Новый год, а каждое лето зовет в баньку по-башкирски. Хочется ужасно, да дела не пускают. Их все больше и больше: Ольга уже почти сравнялась по количеству курируемых дел с любимым-конкурентом.

Конечно, она готова ему, как умная женщина, уступать во всем. Даже в этом. Но только после того, как официально позовет под венец.

Впрочем, жизнь и без этого прекрасна.

Хотя с этим она была бы еще лучше… ❑

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Что вяжет бедная Лиза из повести Николая Карамзина? **7.** Холодное оружие, попавшее в название морских узлов. **10.** Блез Паскаль видел ... человека в его способности мыслить. **12.** Двухколесный трюкач. **13.** Чемпионский постамент. **15.** Курьер проливных дождей. **16.** «Святейшее собрание» русской православной церкви. **18.** Какая птица во многих странах стала эмблемой донорства? **19.** Праведный дом отдыха. **24.** «Ужастик» от Иоанна Богослова. **25.** «Амбразура» в кассе. **26.** Должность Труффальдино из Бергамо в пьесе итальянского драматурга Карло Гольдони. **27.** Частица, несущая нам свет. **30.** Морской фасон брюк. **34.** Интеллектуалка из друзей Вин-

ни-Пуха. **35.** Что обычно следует за описью имущества по приговору суда? **37.** Игра в выкрикивание номеров. **39.** Танец вокруг новогодней елки. **41.** К какому доктору мужиков не записывают? **42.** Индийский «пролетарий». **43.** Какому сибирскому атаману поставили памятник в Тобольске? **44.** Из-за чего помер ломовой извозчик Рябов в рассказе «Медик» Михаила Зощенко? **45.** Ягода, помогающая облегчить боли при артрите и ревматизме.

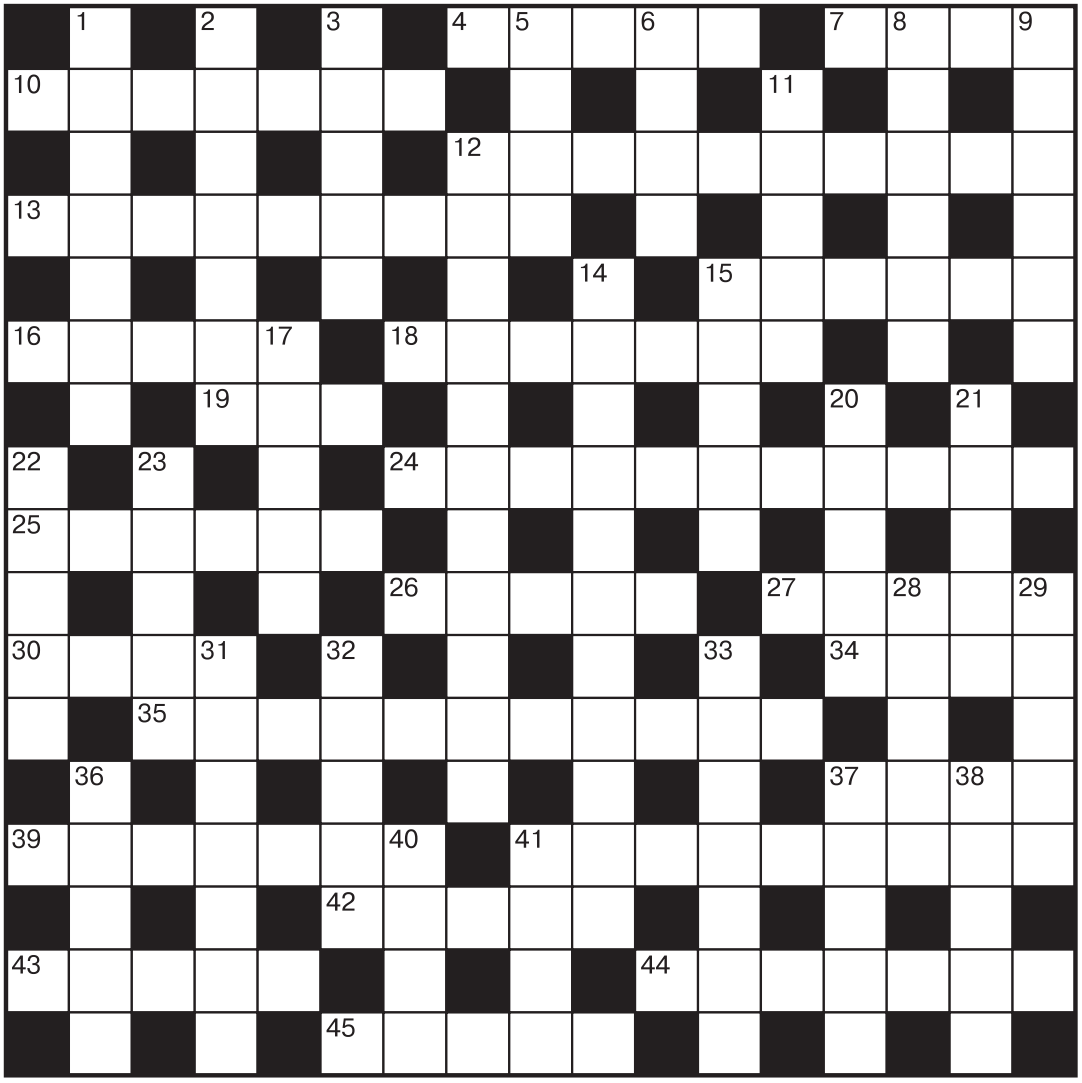
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Единственный зверь, кто занимается сексом ради удовольствия. **2.** Летняя резиденция английского королевского двора. **3.** Какая картошка хрустит под пиво? **5.** Михаил Лермонтов шомпола в ... вязал на спор. **6.** «Либо сена ..., либо вилы в бок». **8.** Выпивка с лаймом и солью. **9.** «Тяжело отдыхать голове, которую давит ...» (шекспировская строка). **11.** Изобретатель фантастического гиперболоида. **12.** Кто из олимпийцев промокает во время игры до последней нитки? **14.** «Послужной список» маэстро. **15.** Какая птица ловит рыбешек, когда те выскакивают за упавшими насекомыми? **17.** «Сердечный осветитель». **20.** Устное анкетирование. **21.** Чье убийство Никита Хрущев хотел повесить на Иосифа Сталина? **22.** «Новая ... зрения всегда оказывается в меньшинстве». **23.** Зверь, чьих сородичей древние египтяне водили на поводках. **28.** «Прохладительный напиток» для двигателя. **29.** Уинстон Черчилль иронично замечал, что «... хорошим не бывает». **31.** Несравненная Синди Кроуфорд страдает от язвы желудка, а потому предпочитает вместо чая горячий ... **32.** Прадед Александра Пушкина — Абрам Ганнибал по происхождению. **33.** Экспонат из коллекции геолога. **36.** «Не упускайте случая сделать ... — если это не грозит вам большим ущербом!» **37.** «Грузинский дуэт» из фасоли и грецких орехов. **38.** «Внебрачные дети» информации. **40.** Кому из великих принадлежат идеи шляп в форме туфли, котлеты и сковороды от Эльзы Скиапарелли? **41.** Саундтрек для инаугурации.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Курск. **6.** Димсам. **10.** Мажор. **12.** Киносценарий. **13.** Адамс. **15.** Авиаспорт. **17.** Бобр. **20.** Иов. **21.** Гроздь. **22.** Воз. **24.** Зеро. **26.** Народ. **28.** Оренбург. **29.** Ремень. **30.** Вар. **31.** Бег. **33.** Аспид. **34.** Сироп. **37.** Каноэ. **39.** Судья. **40.** Австрия. **41.** Выход. **42.** Вишня. **43.** Правило. **44.** Андроид. **45.** Концы. **46.** Хармс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гауди. **2.** Долма. **4.** Унитаз. **5.** Скорпион. **7.** Июнь. **8.** Сурдоперевод. **9.** Мейерхольд. **11.** Мцыри. **14.** Свадьба. **16.** Топор. **18.** Игрок. **19.** Гобелен. **23.** Запад. **25.** Кроссворд. **27.** Дефис. **30.** Винтовка. **31.** Барышня. **32.** Гоморра. **35.** Рубикон. **36.** Пьяница. **38.** Диплом. **43.** Пик.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Племя самых маленьких пигмеев на земле. **7.** Логотип компании «Найк». **10.** Бег «на четыреста метров» у древних греков. **12.** «Ирландский трикотаж». **13.** Какой колдун прежде у славян принимал звериный образ, чтобы пожирать солнце с луной? **15.** Венгерский актер, ставший первым любовником Айседоры Дункан. **16.** Какой электронный гаджет ближе всего сердцу книголюбов? **18.** «Кофейная церемония». **19.** Кто впервые сделал снимки Луны в ультрафиолетовом свете? **24.** Какой нарком стал лучшим другом русских футуристов в советском правительстве? **25.** Магический танец из Африки. **26.** Хулиган из среды «золотой молодежи» в Англии XVIII века. **27.** Тент от солнца над античным амфитеатром. **30.** Жир, снятый с бульона, для пассировки лука. **34.** «Французский Вертер». **35.** Налог на ЭТО вве-

ли только в двух странах — СССР и Монголии! **37.** «Снежный человек» с Тибета. **39.** Протестное движение в молодежной среде. **41.** Ненависть к прекрасному полу. **42.** Одна из дюжины лихоманок в славянских мифах. **43.** Первая американская кинозвезда, приехавшая завоевывать Европу. **44.** «Он постника томит, святителя гнетет». **45.** Барабан из Бразилии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сдвоенная арка. **2.** «Но думал ..., мне ребра круша: и жить хорошо, и жизнь хороша!» **3.** «Игрушечная» буханка. **5.** Кто из друзей помог Пабло Пикассо изобрести кубизм? **6.** «Крестный отец» «алкогольного мышления». **8.** Композитор, чей «Полет валькирий» сопровождает вертолетную атаку в фильме «Апокалипсис сегодня» Фрэнсиса Копполы. **9.** «Аспидный камень», что помог русским разгромить шведов под Полтавой. **11.** Помесь диких мустангов и отбившихся от конкистадоров лошадей. **12.** Изящно вышитая игольница. **14.** Какую философскую систему создал Готфрид Лейбниц? **15.** Мука из нута для приготовления индийских блинчиков. **17.** Немец, первым выделивший кофеин. **20.** Столица сибирского ханства, взятая атаманом Ермаком. **21.** Стеклянная лапша. **22.** Какой ветеран Вьетнамской войны заработал кучу денег в Голливуде? **23.** Повар из Элиды, ставший первым в истории олимпийским чемпионом. **28.** Кто из героев «Анны Карениной» дважды жарко молится Господу, хотя категорически настаивал, что в Бога не верит? **29.** Рисунок на коже. **31.** Вязаные тапочки. **32.** Национальное пиво Уганды. **33.** Ритуал разрыва информационно-энергетических связей. **36.** Грузинская лира. **37.** Французский художник из рассказа «Жив он или умер?» американца Марка Твена. **38.** На какой улице выставлена чуть ли не самая дорогая недвижимость в мире? **40.** Страна, где в местных кафе готовят популярный напиток из живых лягушек с медом и соком алоэ. **41.** Какой из русских художников позировал Илье Репину для образа царевича Ивана?

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Тутси. **6.** Хорват. **10.** Хекау. **12.** «Франкенштейн». **13.** Галич. **15.** Шелкопряд. **17.** Сьют. **20.** Хин. **21.** Арнаут. **22.** Див. **24.** Доул. **26.** Сундэ. **28.** Абраксас. **29.** Авеста. **30.** Хью. **31.** Геб. **33.** Тараф. **34.** Индио. **37.** Тевяк. **39.** Сейбл. **40.** Буажелу. **41.** Кельп. **42.** Отрок. **43.** Ставник. **44.** Каракиа. **45.** Ендон. **46.** Атлас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фекан. **2.** Балиш. **4.** «Уррако». **5.** «Синопсис». **7.** Орша. **8.** Виельгорский. **9.** Тянитолкай. **11.** Сегях. **14.** Чешуйка. **16.** Диада. **18.** Шагаа. **19.** Андреев. **23.** Вульф. **25.** Нададутта. **27.** Эванс. **30.** Хадживат. **31.** Генерал. **32.** Бяньдан. **35.** «Дестино». **36.** Обломов. **38.** Эллиса. **43.** Сим.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И. О. _____

Дата рождения_____ Индекс_____

Обл./край _____ Район_____

Город _____ Улица_____ Дом _____ Корп._____ Кв._____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала **в электронном виде** (*компьютер, iPhon, IPad и иные гаджеты*).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ПАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 Код ОКПО 11396455

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ПАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 Код ОКПО 11396455

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Приглашаем на наш сайт: **http://smena-online.ru/**

Уважаемые читатели!

Открыта основная подписка на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс 99406** — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Московский Дом Книги

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

16001
9 770131 665607

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое…

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее…

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей
Вторая премия — 3 000 рублей
Третья премия — 2 000 рублей

Ждем от вас интересных историй. Удачи, друзья!